

Зафар Сайидзода
(Зафар Саидов)

Точка опоры:
Коран, Сталин, СНГ,
Эмомали Рахмон, поиски
устойчивости и победы
свободы над отчуждением

Точка опоры

Зафар Сайидзода (Зафар Саидов)

Душанбе – 2025

**Зафар Сайидзода
(Зафар Саидов)**

**Точка опоры: Коран, Сталин,
СНГ, Эмомали Рахмон, поиски
устойчивости и победы свободы
над отчуждением**

**(Главный научный консультант –
Фаридун Зафарович Саидов)**

Душанбе–2025

УДК 323:9 (575.3)
ББК 66.3+63.3(2 тадж)
С-12

Сайидзода Зафар Шерали (Саидов Зафар Шералиевич). Точка опоры: Коран, Сталин, СНГ, Эмомали Рахмон, поиски устойчивости и победы свободы над отчуждением / Зафар Сайидзода (Зафар Саидов). – Душанбе: «Контраст», 2025. – 308 с.

Данная книга-сборник избранных научно-аналитических статей её автора, написанных в апреле–июне 2025 года.

Автор шёл к написанию книги со студенческой поры.

Темы статей отражены в названии книги.

Издание предназначено для политиков, историков, философов, политологов, социологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов вузов и других категорий читателей.

ISBN 978-99985-876-1-8

СОДЕРЖАНИЕ

Ислам против фанатизма: чему учит нас Коран.....	7
Кораническое отрицание религиозной исключительности как идеологический ресурс в борьбе с экстремизмом.....	11
К вопросу о роли личности Сталина (Генералиссимуса Великой Победы) в истории: мой ревизионистский взгляд на сталинскую эпоху ...	15
Если бы план Сталина был реализован: проект реконструкции и актуализации перехода к коммунизму в XXI веке.....	26
Научный отзыв на статью Иосифа Виссарионовича Сталина «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» (1923 г.).....	32
Сравнительный анализ статьи И.В. Сталина «Против опошления лозунга самокритики» и корпоративно-политических практик XXI века	37
Научный отзыв на статью Иосифа Виссарионовича Сталина «Против опошления лозунга самокритики» (1928 г.)	43
Научный отзыв на статью И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» (1929 г.).....	47
Нация как продукт политической инженерии: сравнительный анализ государственно-политической деятельности Иосифа Сталина и Эмомали Рахмона в сфере национального строительства	52

Научный отзыв на программную речь Иосифа Виссарионовича Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» (1929 г.)	58
Системный анализ статьи Иосифа Виссарионовича Сталина «Головокружение от успехов» (с разных точек зрения – исторической, политико- психологической, стратегической и актуальной).....	62
Рецензия на статью Иосифа Виссарионовича Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»	66
Развёрнутая научная рецензия на речь И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы от 9 февраля 1946 года (с фокусом на уровень анализа, интеллектуальную мощь и актуальность в современном контексте).....	71
Таджикистан: Новая энергия для СНГ – взгляд из научного сообщества	77
Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и институционализация интеграционного процесса в СНГ (1999–2001 гг.).....	82
Совершенствование антикоррупционной политики в Республике Таджикистан: уроки международного опыта.....	88
Моя принципиальная позиция по защите, сохранению и всестороннему развитию родного таджикского языка на современном этапе жизни страны.....	92

Преодоление отчуждения – основа национальной идеологии России XXI века.....	95
Социальное отчуждение как антипод человеческой свободы: взгляд с позиций современной диалектики	97
Социальное отчуждение как философская категория и его преодоление в контексте развития свободы.....	104
О судьбе денег, закона стоимости и «товарности» экономики в долгосрочной перспективе в условиях замещения массового человеческого труда машинами и роботами	108
Воображаемый разговор с собой: о лидерстве, системах и мышлении в категориях будущего	113
Урок Иосифа Сталина: как сохранить Русское (Российское) государство в 21-ом столетии.....	118
Сталин против системы: кто на самом деле разрушил СССР	123
ЦИФРОВИЗАЦИЯ – не просто технологический прогресс, а новая архитектура государства, труда и общения (О вызовах, рисках и стратегических ориентирах цифровизации в Республике Таджикистан с учётом международного опыта)	126
Цифровая трансформация как платформа стратегического партнёрства Республики Таджикистан и Российской Федерации	132
Мир – это суть нашей истории (К 28-й годовщине Дня национального единства в Таджикистане).....	137

Правильное понимание джихада как духовный и интеллектуальный щит против экстремизма и терроризма	141
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иосиф Виссарионович Сталин. К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов (1923 г.)	147
---	-----

Сталин Иосиф Виссарионович. Против опошления лозунга самокритики (26 июня 1928 года).....	169
---	-----

Иосиф Виссарионович Сталин. Национальный вопрос и ленинизм (Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим).....	181
--	-----

Иосиф Виссарионович Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР (Речь на конференции аграрников-марксистов, 27 декабря 1929 года)	205
---	-----

Сталин Иосиф Виссарионович. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения	237
---	-----

Сталин Иосиф Виссарионович. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1934 года).....	246
---	-----

Сталин Иосиф Виссарионович. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы, 9 февраля 1946 года.....	255
---	-----

Сталин Иосиф Виссарионович. Экономические проблемы социализма в СССР (1952 год).....	275
--	-----

Ислам против фанатизма: чему учит нас Коран

Сегодня ислам всё чаще воспринимается сквозь призму насилия и радикализма. Но сам Коран содержит мощные аргументы против религиозного фанатизма. Эта статья раскрывает гуманистическое, плюралистическое послание священного текста и его значение в борьбе с экстремизмом.

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали,
доктор исторических наук, заведующий отделом СНГ
Института изучения проблем стран Азии и Европы
НАН Таджикистана*

В 2020–2024 гг. занимал пост Генерального консула Республики Таджикистан в городе Екатеринбурге.

Автор работ по исламской культуре, гуманизму и международным отношениям.

Вступление: Вера без исключения – путь к миру

В последние десятилетия мир столкнулся с новой угрозой: радикальные движения, прикрываясь именем ислама, подрывают доверие к самой религии, провозглашая себя её единственными носителями. Однако Коран – основной источник исламской веры – прямо отвергает любые претензии на религиозную исключительность. Его послание призывает к признанию многообразия, уважению к другим верованиям и совместному служению добру.

Эта статья – не теоретический анализ, а идеологический манифест: почему именно Кораническое понимание веры может и должно стать стратегическим щитом против религиозно-окрашенного экстремизма и терроризма.

1. Проблема: Радикализм как искажение священного

Сегодня, к сожалению, часть мусульман не просто упростила свою религию до лозунгов – они подменили веру политической идеологией. В результате ислам стал восприниматься как угроза, а не как источник милосердия и нравственности. Настало время вернуть подлинный смысл ислама – как религии человечности, разума и добродетели.

2. Коран отвергает религиозную исключительность

«О люди! Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга» (Коран, 49:13)

«В каждом народе Мы воздвигали посланника» (Коран, 16:36)

«У каждого народа был свой наставник» (Коран, 13:7)

«Мы веруем в Бога и в ниспосланное нам, и ниспосланное Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову... Мы не делаем различия между ними» (Коран, 2:136)

«Верующие, иудеи, христиане и сабии – кто уверует в Бога и Судный день и будет творить добро, – тем не будет страха и печали» (Коран, 5:69)

Вывод: Коран не делит человечество на «своих» и «чужих» в вопросах спасения. Он отрицает монополию на истину.

3. Джихад как борьба с собой, а не с другими

Часто термин «джихад» понимается исключительно как вооружённая борьба. Это грубое искажение. Пророк Мухаммад, вернувшись с битвы, сказал: «Мы вернулись с малого джихада к великому джихаду – борьбе с самим собой».

Истинный джихад – это преодоление страстей, гнева, зависти и фанатизма. Это труд души – не оружие тела.

4. Когда религия становится политикой – она теряет суть

«Убеждён: если религия становится политикой, она перестаёт быть религией.»

Политизация ислама – это то, что обошлось мусульманскому миру слишком дорого. Вместо духовной силы – лозунги. Вместо гуманизма – идеология.

Истинная вера служит не государству, а Богу и людям.

5. Практика: Мой опыт борьбы с религиозным экстремизмом

В период моей работы Генеральным консулом Республики Таджикистан в городе Екатеринбурге (02.2020 г. – 12.2024 г.) я неоднократно выступал в мечетях уральского региона Российской Федерации на тему искажения ислама экстремистскими силами.

Один из ключевых приёмов – использование коранических аргументов, чтобы показать: путь насилия – это предательство ислама, а не проявление веры.

Я лично видел, как богословские цитаты, поданные с контекстом и убеждением, производили эффект на мигрантов и молодых людей, подверженных радикальным влияниям. Это не теория – это результат.

6. Ислам как путь сотрудничества, а не конфликта

Коран призывает к межрелигиозному диалогу и взаимопомощи:

«Помогайте друг другу в добрых делах, а не в грехе и вражде» (Коран, 5:2)

«Ведите с людьми Писания диалог наилучшим образом» (Коран, 29:46)

Он признаёт, что различие религий – это не аномалия, а Божественный замысел:

«Если бы Аллах хотел, Он сделал бы вас одной общиной... Но Он испытывает вас. Соревнуйтесь в добрых делах» (Коран, 5:48)

Заключение: Вера как инструмент мира

Коран – это не книга борьбы, а книга совести. Он предлагает человечеству универсальные принципы: вера в единого Бога, добродетель, терпимость, уважение. Признание других путей к Богу не ослабляет ислам – оно делает его великой гуманистической религией.

«Нет принуждения в религии» – этот коранический императив должен стать идеологическим оружием XXI века против всех форм религиозного фанатизма.

Кораническое отрицание религиозной исключительности как идеологический ресурс в борьбе с экстремизмом

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Аннотация

В статье рассматривается потенциал Корана как источника идеологических аргументов против религиозного экстремизма. Особое внимание уделяется отвергающему характеру коранической позиции по отношению к конфессиональному эксклюзивизму. Автор подчёркивает, что гуманистическая направленность коранического послания может быть эффективно использована в межрелигиозном диалоге и формировании антиидеологического щита против радикальных интерпретаций ислама. Анализ основан на коранических аятах, сопоставлении с теологическими интерпретациями и практическом опыте автора в дипломатической и просветительской деятельности.

Ключевые слова: Коран, ислам, религиозная исключительность, экстремизм, плюрализм, гуманизм, межконфессиональный диалог.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска устойчивых и религиозно-легитимных способов противодействия религиозному экстремизму. Коран как основополагающий текст исламской традиции содержит в себе глубокие идеи, направленные на признание многообразия, терпимости и диалога. Однако данные положения недостаточно представлены в общественном и академическом дискурсе.

1. Теоретико-методологические основы

Анализ проводится с опорой на герменевтический подход к священному тексту, сопоставление коранических аятов с богословскими и социокультурными интерпретациями, а также включением эмпирического материала, связанного с авторским дипломатическим опытом.

2. Коран и религиозный плюрализм

Коран содержит многочисленные аяты, утверждающие равенство народов и признание пророков всех авраамических традиций:

– *«В каждом народе Мы воздвигали посланника»* (16:36);

– *«Мы не делаем различия между ними»* (2:136);

– *«Нет принуждения в религии»* (2:256).

Наравне с мусульманами на вечное спасение могут надеяться приверженцы других религий. Об этом

гласит 69-ый аят 5-ой суры Корана: «Воистину верующие (в Коран), иудеи, сабии и христиане, всякий кто верует в Бога и Судный день, верша добрые деяния, – о них не должно тревожиться, и не знать им печали.»

«Воистину каждой (общине) Мы установили Закон (шир'а) и Путь (минхадж) (свой). Если Бог захотел, сделал бы вас одной (религиозной) общиной. Но (Ему было угодно иначе), дабы испытать вас в дарованном вам. Так соревнуйтесь меж собой в добрых деяниях. К Богу вы возвратитесь, и Он поведает вам (истину) о том, в чём было различие меж вами.» Так сказано в аяте 48-ом 5-ой суры Корана под названием «Трапеза».

Это создаёт основу для признания плюрализма как нормы, а не исключения.

3. Джихад как внутренняя борьба

Переосмысление термина «джихад» – ключевой момент. Согласно хадисам, «великий джихад» – это борьба с самим собой. Тем самым, радикальные трактовки «джихада» как вооружённого насилия противоречат изначальному этическому смыслу.

4. Политизация веры как угроза её подлинности

Политические движения под религиозным флагом ведут к искажению сути веры. Коран, напротив, предлагает модель, где духовное превосходит идеологическое, а человек призван к добру, а не к доминированию.

5. Практическая апробация в дипломатической деятельности

В период дипломатической службы в городе Екатеринбурге (26.02.2020 г. – 30.12.2024 г.), автор реализовывал подход, основанный на коранической риторике. Публичные выступления в мечетях и работа с диаспорой показали, что апелляция к гуманистическому посланию Корана эффективно противодействует экстремистской идеологии.

Заключение

Коран представляет собой мощный идеологический ресурс для противодействия радикализму. Его антиэкслюзивистский дух, призыв к диалогу и признание религиозного многообразия должны стать основой для академических, политических и дипломатических стратегий. Исламский гуманизм, проистекающий из священного текста, может сыграть важную роль в построении справедливого и устойчивого мира.

Список литературы

1. ИГИЛ – это не ислам! / Сост. Старостин А.Н.– Екатеринбург: УГГУ, 2017.
2. Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм.– М.: Медина, 2015.
3. Коран. Перевод и комментарии Османова М.-Н.– СПб.: Диля, 2021.
4. Биджан Я.А. Анваруль-ашикин.– Казань: Хузур, 2019.

К вопросу о роли личности Сталина (Генералиссимуса Великой Победы) в истории: мой ревизионистский взгляд на сталинскую эпоху

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Аннотация:

Настоящая статья посвящена комплексному пересмотру доминирующих историографических интерпретаций личности Иосифа Виссарионовича Сталина и политики сталинской эпохи. Основное внимание уделяется анализу природы политических репрессий 1930-х годов, логике поздней сталинской экономической стратегии и критике мифа об антисемитизме. Опираясь на первичные источники, архивные документы и критический разбор существующих подходов, автор приходит к выводу, что сталинская модель управления представляла собой попытку реформировать систему в условиях авторитарной централизации, а не исключительно произвол одного человека. Работа вносит вклад в развитие ревизионистской историографии и призывает к деполитизированному переосмыслению роли Сталина в истории СССР.

Ключевые слова: И.В. Сталин, политические репрессии, продуктообмен, золотой рубль, антисемитизм, историография, советская экономика.

Abstract

This article offers a comprehensive reassessment of dominant historiographical interpretations concerning Joseph Stalin and the Stalinist era. The analysis focuses on the nature of the 1930s political repressions, the theoretical and practical dimensions of Stalin's late economic strategy, and a critical examination of the persistent myth of Stalin's anti-Semitism. Drawing on primary sources, archival data, and a comparative review of traditional and revisionist historiography, the author argues that Stalin's policies represented an attempt to reform the Soviet system within the constraints of centralized authoritarianism rather than an expression of personal despotism. The article contributes to the revisionist strand of Soviet historical studies and advocates for a depoliticized approach to Stalin's legacy.

Keywords: Joseph Stalin, political repressions, product exchange, gold-backed ruble, anti-Semitism, historiography, Soviet economy.

I. Введение

Личность Иосифа Виссарионовича Сталина остаётся одним из наиболее противоречивых и изучаемых феноменов в российской и мировой историографии 20-го и 21-го столетий. С конца 1950-х годов исторический образ Сталина подвергся глубокой политической и моральной ревизии, начавшейся с доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС и закрепившейся в массовом сознании как образ «кровавого тирана» и главного архитектора репрессивной системы. Однако

со второй половины 1990-х годов в постсоветском научном и общественном пространстве наблюдается устойчивый интерес к переоценке этих однозначных суждений, что отразилось в появлении новых интерпретаций и источниковедческих подходов к анализу сталинской эпохи.

Современные исследования, основанные как на рассекреченных архивных материалах, так и на сопоставлении различных источников, позволяют поставить вопрос о соотношении личной ответственности Сталина и институциональной логики репрессий, а также об игнорируемом ранее стратегическом векторе сталинской экономической политики, направленной на переход от социализма к коммунизму.

Цель настоящей статьи – проанализировать ключевые компоненты сталинской государственной и экономической стратегии в 1930–1950-х годах, а также пересмотреть природу и динамику политических репрессий с учётом как внешних, так и внутривластных факторов. Исследование предполагает обращение к первичным источникам, сопоставление статистических данных и критический анализ существующей историографии.

II. Историография вопроса

Историографическое поле, посвящённое И.В. Сталину, на протяжении десятилетий формировалось под влиянием идеологических контекстов. Условно его можно разделить на три основных направления: традиционалистское, ревизионистское и постревизионистское.

1. Традиционная (антисталинская) школа:

Сформировалась на волне десталинизации и получила развитие в 1960–1990-х годах. Её представители (Р. Медведев, Д. Волкогонов, Р. Конквест) акцентировали внимание на личности Сталина как источнике тоталитарного насилия и создателе системы массовых репрессий. Основной метод – морально-нравственный подход и политико-психологический анализ, часто с опорой на мемуары и вторичные свидетельства.

2. Ревизионизм: Возник в контексте постсоветской попытки демифологизации XX века. К числу ревизионистов относятся как российские (Н.В. Стариков, Ю.Н. Жуков, Ю.В. Емельянов, А.С. Галушка, В.Ю. Катасонов), так и зарубежные исследователи (Г. Ферр). Они стремятся пересмотреть общепринятые версии, указывая на системные причины репрессий, экономические достижения сталинской эпохи и игнорируемую роль самого Сталина как реформатора.

3. Постревизионизм / прагматическая школа: К ней условно можно отнести работы С. Коткина, О. Хлевнюка и М. Баргера. Исследователи этой группы признают как авторитарный характер власти Сталина, так и наличие объективных вызовов модернизации, требовавших централизованного управления.

Настоящее исследование занимает позицию критического ревизионизма: оно стремится не оправдать, а понять системную логику эпохи, в которой личность Сталина выступала не как единственный источник насилия, но как продукт и одновременно реформатор жёсткой идеологической и институциональной матрицы, созданной после 1917 года.

III. Методология исследования

Настоящее исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы источниковедческого анализа, историко-политической критики и сравнительной историографии. Главной задачей является реконструкция логики политических решений, принятых в СССР в 1930-х–1950-х годах, с акцентом на роль И.В. Сталина как субъекта государственной воли в условиях авторитарного, но многоуровневого институционального механизма власти.

В качестве источников использованы:

– Первичные документы: постановления Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), речи Сталина, справка Генеральной прокуратуры, МВД и Минюста СССР от февраля 1954 года;

– Публикации исследователей, работающих с архивными фондами;

– Статистические данные о динамике репрессий.

Ключевым принципом анализа является отделение идеологической оценки от эмпирической проверки.

IV. Политические репрессии 1930-х годов: инициатива или системная логика?

Тема массовых репрессий 1930-х годов традиционно интерпретируется как прямое следствие воли И.В. Сталина. Однако критический анализ документальных источников позволяет усомниться в линейной причинной связи между сталинским руководством и масштабами политического насилия.

Одним из центральных источников по числу репрессированных является справка, подготовленная в феврале 1954 года Генеральной прокуратурой, МВД и Министерством юстиции СССР. Согласно ей, в период с 1921 года по 1 февраля 1954 года по «контрреволюционным» статьям были осуждены 3 777 380 человек, из них 642 980 – к высшей мере наказания, а не десятки миллионов советских граждан, как утверждали А.И. Солженицын и некоторые другие). Большинство приговоров пришлось на период 1937–1938 годов, известный как «большой террор».

Массовые репрессии 1937 года во многом стали реакцией на угрозу реформирования механизма власти. В Конституции СССР 1936 года был зафиксирован пункт о проведении альтернативных выборов в Советы депутатов. По свидетельству ряда исследователей, Сталин настаивал на их реальном проведении, что создавало угрозу замещения части партийной номенклатуры.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года ознаменовало официальное прекращение массовых операций и критику «грубейших нарушений социалистической законности». Документ упразднил «тройки» и запретил проведение любых массовых акций по арестам и выселениям.

Современные исследователи подчёркивают феномен административной гипертрофии, когда местные органы стремились угадать «линию партии», зачастую в отсутствие прямых указаний. Это порождало эффект переусердствования – типичный для авторитарных бюрократий механизм, при котором страх перед верховной властью трансформируется в стремление к демонстративной лояльности.

V. Экономическая стратегия и переход к коммунизму в сталинской модели

Одним из ключевых документов для понимания позднего сталинского экономического мышления является работа «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), в которой Сталин формулирует стратегические направления перехода от социализма к коммунизму.

Он предлагал:

- замену товарного обращения системой продуктообмена;
- трансформацию колхозной собственности в общенародную;
- повышение уровня культуры и образования населения как условие реализации коммунизма.

28 февраля 1950 года Советом министров СССР было принято постановление о переводе рубля на золотую базу. Новый курс установил фиксированное содержание золота в одном рубле и отказался от привязки к доллару США. Это решение имело цель обеспечить финансовую автономность СССР и подготовить платформу для международной бездолларовой зоны, ориентированной на СЭВ.

С 1949 года СССР инициировал создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), в рамках которого обсуждался проект единой валютной зоны с участием как социалистических стран, так и нейтральных государств.

Гибель Сталина в 1953 году и последовавшая ревизия его курса остановили эти процессы. Идеи продуктообмена и перехода к коммунизму были

признаны «утопическими» или «левацкой ошибкой».

VI. Миф об антисемитизме Сталина: критический анализ источников и интерпретаций

Обвинения в антисемитизме И.В. Сталина занимают значительное место в популярной и политизированной историографии второй половины XX века. Однако большое количество публикаций опирается не на архивные документы, а на косвенные свидетельства, слухи и мемуары.

В ранних работах Сталина, в том числе в статье «Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи» (1901), он прямо относит еврейский народ к числу наиболее угнетаемых. Его революционная деятельность сопровождалась сотрудничеством с еврейскими социалистами.

Наиболее часто обвинения в антисемитизме связываются с кампанией против космополитизма (1948–1953 гг.). Однако анализ структуры арестов показывает, что репрессии не имели тотального или этнически селективного характера.

В официальной публикации «Об антисемитизме» (1931) Сталин прямо указывает: «Антисемитизм – это крайняя форма расового шовинизма». Также СССР при Сталине стал одной из первых стран, признавших государство Израиль в 1948 году.

Анализ источников позволяет утверждать, что обвинения в антисемитизме имеют больше идеологическую, чем эмпирическую основу.

VII. Заключение

Ретроспективный анализ сталинской эпохи требует не столько эмоциональных оценок, сколько методологической дисциплины и эмпирической точности. В рамках настоящего исследования была предпринята попытка рассмотреть фигуру И.В. Сталина не только как персонифицированный символ тоталитаризма, но и как политического деятеля, действовавшего в условиях жёсткой институциональной среды и предпринимавшего стратегические усилия по трансформации системы.

Анализ политических репрессий показывает, что сталинская модель была не сводом репрессивных практик, а попыткой дисциплинировать номенклатуру, при этом сам Сталин предпринимал усилия по прекращению произвола.

В экономике Сталин предлагал меры, опережающие своё время, направленные на отход от товарного обращения и реализацию перехода к коммунизму. Финансовая реформа 1950 года и идея создания бездолларовой валютной зоны свидетельствуют о стратегическом мышлении, стремящемся к суверенной модернизации.

Миф об антисемитизме Сталина также требует критического пересмотра, опирающегося на архивные и первоисточниковые данные.

Работа вносит вклад в ревизионистскую историографию и поднимает вопрос о необходимости деполитизированного и источниково-обоснованного взгляда на роль Сталина в истории СССР.

Список литературы

1. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР.– М.: Госполитиздат, 1952.– 120 с.
2. Сталин И.В. Вопросы ленинизма.– 11-е изд.– М.: Госполитиздат, 1952.– 608 с.
3. Хлевнюк О.В. Сталин и аппарат ЦК: 1922–1934 гг.– М.: РОССПЭН, 1993.– 254 с.
4. Коткин С. Сталин. Т.1: Парадокс власти, 1878–1928 / пер. с англ.– М.: Центрполиграф, 2020.– 944 с.
5. Жуков Ю. Иной Сталин.– М.: Вече, 2014.– 544 с.
6. Жуков Ю. Народная держава Сталина.– М.: Родина, 2023.– 336 с.
7. Ферр Г. Антисталинская подлость. / Перевод с англ. Владимира Боброва.– М.: Алгоритм, 2013.– 464 с.
8. Прокопенко И.С. Спросите Сталина. Честный разговор о важном сегодня.– М.: Эксмо, 2024.– 448 с.
9. Конквест Р. Большой террор.– М.: Прогресс, 1991.– 544 с.
10. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм.– М.: Международные отношения, 2001.– 703 с.
11. Стариков Н. Сталин. Вспоминаем вместе.– СПб.: Питер, 2017.– 496 с.
12. Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? – СПб.: Питер, 2012.– 320 с.
13. Катасонов В.Ю. «Экономическое чудо» Сталина.– М.: Родина, 2021.– 240 с.

14. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина.— М.: Издательский дом «Тион», 2023.— 416 с.
15. Кедми Я.И. Война против России. Окончательное решение «русского вопроса».— М.: Яуза-пресс, 2024.— 224 с.
16. Хессе К. Сталинский социализм. Практическое исследование.— М.: Родина, 2020.— 288 с.
17. Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма.— М.: Концептуал, 2020.— 368 с.
18. Кофанов А. Русский царь Иосиф Сталин. Изд. дораб. и доп.— М.: ЗАО Центрполиграф, 2015.— 351 с.
19. Емельянов Ю.В. Генералиссимус Сталин.— М.: Вече, 2015.— 384 с.
20. Емельянов Ю.В. Мифы и правда о Сталине.— М.: Родина, 2023.— 272 с.
21. Мартенс Л. Запрещённый Сталин.— М.: Яуза: Эксмо, 2011.— 416 с.
22. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду.— М.: Наше завтра, 2021.— 360 с.
23. Яковлев А.Н. Архипелаг ГУЛАГ: документы и материалы.— М.: Материк, 2002.— 384 с.
24. Справка Генеральной прокуратуры СССР, МВД и Минюста СССР от 02.1954 г. // Архив Президента РФ. Ф.3. Оп.58. Д.413.

Если бы план Сталина был реализован: проект реконструкции и актуализации перехода к коммунизму в XXI веке

Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук

Введение: исторический шанс и его отмена

Последняя теоретическая работа И.В. Сталина – «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.) – содержит не только концептуальное осмысление специфики социалистической экономики, но и чёткий проект поэтапного перехода к коммунизму. Этот проект был прерван сразу после смерти Сталина, заменён на догматические или размытые концепции вроде «развитого социализма», а впоследствии полностью отменён в пользу реставрации капитализма.

Однако содержание этой работы до сих пор не утратило актуальности. Более того, в эпоху технологических прорывов, глобальных вызовов и институционального кризиса капитализма многие положения Сталина предстают как недооценённая дорожная карта.

Цель этой аналитической статьи: реконструировать сталинский план, выявить его системную логику, провести контрфактический анализ и показать, как его можно адаптировать к вызовам XXI века.

1. Ключевая логика плана Сталина

Сталинская модель перехода к коммунизму строится на трёх базовых опорах: производственные отношения, поэтапные условия перехода и цель производства.

1.1. Производственные отношения как движущая сила

Сталин подчёркивает, что именно производственные отношения, а не только организация труда, определяют траекторию развития общества. Без трансформации форм собственности, роли труда и распределения невозможен подлинный коммунизм.

1.2. Условия перехода к коммунизму

Сталин указывает три условия, без которых переход к коммунизму невозможен:

– Экономическое: рост производства средств производства и замена товарного обращения продуктообменом.

– Социальное: превращение колхозной собственности в общенародную.

– Культурное: сокращение рабочего дня, политехнизация, повышение реального уровня жизни.

1.3. Цель социалистического производства

Сталин отказывается от идеи производства ради производства. Центральная цель – удовлетворение

растущих материальных и культурных потребностей общества, а не прибыль или абстрактная эффективность.

2. Почему план был отменён и к чему это привело

2.1. Контрреволюция сверху

После смерти Сталина его преемники де-факто отказались от реализации коммунистического проекта. Хрущёвская реформа привела к частичной децентрализации, Горбачёвская – к разрушению плановой экономики. Это был отказ от системной трансформации в пользу сохранения статус-кво.

2.2. Последствия отказа

- Институциональная деградация экономики.
- Культурная демобилизация.
- Потеря стратегической инициативы на мировой арене.
- Восстановление капитализма в варварской форме.

3. Что бы было, если бы сталинский план был реализован: контрфактическая модель

3.1. Экономика

- Продуктообмен заменяет товарное обращение.
- Индустриализация сельского хозяйства и его интеграция в плановую систему.
- Рост тяжёлой промышленности с упором на автоматизацию и кибернетику.

3.2. Общество

- Сокращение рабочего дня до 6, затем до 5 часов.
- Обязательное политехническое образование.
- Рост реальной зарплаты, снижение цен, культурное развитие.

3.3. Глобальная политика

- СССР сохраняет лидерство в международных делах.
- Распространение модели через экономическую привлекательность, а не экспансию.
- Глобальная конкуренция на уровне качества жизни, а не вооружений.

4. Как адаптировать сталинский план в XXI веке

4.1. Новые производительные силы: ИИ, автоматизация, Big Data

Современные технологии позволяют реализовать продуктоориентированную экономику, управляемую ИИ, где запросы общества становятся центральным параметром планирования.

4.2. Новые формы собственности

- Алгоритмически управляемая собственность (DAO).
- Цифровая кооперация на платформенной основе.
- Социальная токенизация – цифровой капитал для каждого участника.

4.3. Культурный переход

- Новая трудовая этика: труд как ценность и самореализация.
- Гражданская зарплата как переходный механизм.
- Образование должно быть ценностно и технологически ориентированным.

5. Дорожная карта: сталинизм 2.0

Этап I. Подготовительный:

- Распространение идей, критика капитализма.
- Создание платформ и образовательных инициатив.

Этап II. Институциональный:

- Внедрение платформ новой собственности.
- Демонетизация и кооперативные механизмы.

Этап III. Производственный:

- Встраивание ИИ в планирование производства и распределения.
- Создание сети распределительных центров продуктообмена.

Этап IV. Культурный:

- Сокращение рабочего дня.
- Повышение роли образования, формирование новой трудовой культуры.

Этап V. Полный переход:

- Формула: от каждого по способностям, каждому по потребностям.
- Распределение через платформенную модель, исключаящую товарность и конкуренцию.

Заключение

Сегодня мир движется к новой форме цифрового феодализма, где платформы контролируют поведение, потребление и труд. Противопоставить этому можно лишь организованную экономику изобилия, основанную на соединении технологий и социальной справедливости.

Иосиф Сталин в 1952 году предлагал не утопию, а планомерную, технологически обеспеченную стратегию. Если адаптировать эти принципы к XXI веку, можно не просто избежать краха капитализма, а построить подлинно новый, сознательный и справедливый мировой порядок.

**Научный отзыв на статью
Иосифа Виссарионовича Сталина
«К вопросу о стратегии и тактике
русских коммунистов»
(1923 г.)**

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

**I. Жёсткая правда: это работа уровня докторской
диссертации – но не научной, а политико-
революционной**

Эта статья – безусловно, вершина идейной публицистики и стратегической мысли большевистского типа. При всей внешней скромности (Сталин сам называет её «схематическим изложением взглядов Ленина») – перед нами не просто учебное пособие, а манифест, утверждающий концептуальную самостоятельность и зрелость сталинского подхода к вопросам марксистской политической стратегии. Те, кто назвал её «докторской диссертацией», не ошиблись – но лишь в том смысле, в каком Machiavelli или Clausewitz могли бы защитить докторскую степень в собственных исторических реалиях.

II. Теоретическая насыщенность и оригинальность мышления

1. Методология и структура:

Сталин строит статью по классической логике стратегического анализа: от понятийного аппарата (две стороны рабочего движения, теория и программа марксизма) – к прикладным уровням (стратегия, тактика, формы борьбы и организации) – и далее к историческим поворотам и анализу трёх стратегических планов, реализованных партией. Структура идеально сбалансирована между теорией, практикой и иллюстрацией.

2. Система понятий:

- Введены и дифференцированы ключевые категории: стратегия как выбор главного направления и концентрации усилий, тактика как искусство выигрыша частных боёв, лозунг как идеологическое оружие, директива как оперативный приказ.
- Выстраивается стройная система перехода от стихийного (объективного) к сознательному (субъективному) в политическом движении, которая затем проецируется на функции партии.

3. Историческая конкретность:

Огромное достоинство статьи – привязка теоретических моделей к конкретным историческим кейсам: русско-японская война, 1917 год, гражданская война, военные кампании против Деникина и Колчака. Это превращает текст в учебник по историческому мышлению с марксистской оптикой.

4. Степень новизны:

Хотя Сталин декларирует отсутствие «нового» по сравнению с Лениным, на самом деле он делает как минимум три интеллектуальных шага вперёд:

- Кодификация ленинской стратегии в системную доктрину.
- Унификация военных и политических подходов к управлению массовыми движениями.
- Институционализация политической гибкости как условия выживания революции.

III. Стилистические достоинства и риторическое мастерство

1. Язык как инструмент мобилизации и мышления:

Сталин демонстрирует блестящую способность писать одновременно просто и концептуально. Он умело соединяет абстрактную теорию с примерами, избегает пышной фразеологии, и вместо этого опирается на жёсткую логику, краткость, повтор как технику закрепления. Его стиль – дисциплинирующий, не размышляющий, а убеждающий и мобилизующий.

2. Риторика стратегии:

Примеры из военного искусства работают не как метафоры, а как инструменты переноса организационной логики на политическое поле. Такая техника усиливает воздействие на читателя: сложные вопросы стратегии становятся «ощутимыми», зримыми, практически осязаемыми.

IV. Значение и актуальность для современной политической и стратегической науки

1. Значение для истории марксизма:

Статья систематизирует и институционализирует революционную стратегию в марксизме. Она становится промежуточным звеном между Лениным как создателем практики и последующей сталинской теоретизацией власти как аппарата.

2. Значение для стратегической теории:

Сталин закладывает основы прикладной теории революционного управления, где:

- стратегия – выбор точек прорыва;
- тактика – согласование краткосрочной борьбы с долгосрочной целью;
- лозунг – способ упаковки смысла;
- организация – адаптивный носитель структуры;
- и всё это связано единой принципиальной гибкостью.

3. Актуальность:

- Для политических движений: логика «перехода лозунга из агитационного в директивный» актуальна для любого массового движения, от левых до правых.
- Для стратегического мышления: мысль о невозможности «универсального плана» и необходимости адаптации под каждый поворот применима как в политике, так и в бизнесе.
- Для кризисных обществ: текст предлагает жёсткий, но логически стройный ответ на вопрос: как управлять массами в условиях хаоса.

V. Критика и ограничения

1. Отсутствие эпистемологической самокритики:

В статье нет места для анализа собственных ошибок, допущенных в ходе реализации стратегии. Всё изображено как триумф и следствие «правильного плана». Это снижает аналитическую гибкость модели.

2. Догматизм в телеологии:

Несмотря на признание «исторических поворотов», вектор истории воспринимается как однозначный и заранее известный: от капитализма к социализму. Такой телеологизм мешает видеть альтернативы.

3. Игнорирование многообразия субъекта:

«Пролетариат» подан как единая сила, с чётко оформленным сознанием. Реальные внутренние напряжения и разногласия внутри рабочего класса остаются за скобками.

VI. Заключение: Да, это «докторская» – но доктринёрская, в лучшем смысле слова

Эта статья – эталон стратегического мышления в политике, мощный инструмент для анализа революционных процессов и управления переходными периодами. Она может быть названа докторской диссертацией, потому что:

- Формирует оригинальную систему категорий;
- Показывает высокую степень операциональности;
- Иллюстрирует теорию исторически верифицируемыми кейсами;
- Создает универсальный язык стратегического действия.

Сравнительный анализ статьи И.В. Сталина «Против опошления лозунга самокритики» и корпоративно- политических практик XXI века

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

I. Вступление: исторический и концептуальный контекст

Статья Сталина 1928 года – не просто политический документ. Это структурированная стратегия по институционализации самокритики как управляемого конфликта, встроенного в вертикаль власти. В XXI веке, несмотря на кардинальные отличия в политических и экономических системах, подобные практики сохраняются – под новыми названиями и в иной форме. Мы наблюдаем эволюцию методов управления восприятием, дисциплиной и лояльностью, которые, по сути, выполняют те же функции.

II. Структурные и функциональные параллели

1. Самокритика как управляемая обратная связь

Сталин (1928):

Самокритика – не право, а обязанность. Она направлена на выявление недостатков, но только в рамках, которые не подрывают авторитет системы. Критика снизу допустима, если она «партийная», то есть подконтрольная и укрепляющая вертикаль.

XXI век – корпорации:

Механизмы «360-градусной обратной связи», performance reviews и регулярные ретроспективы в Agile-командах структурно выполняют ту же функцию – институционализировать признание слабостей как элемент роста. Однако, зачастую:

- Обратная связь подаётся в рамках заранее заданных форматов (напр. Likert scale);
- Негативная критика руководства считается «непродуктивной»;
- Сотрудников поощряют «быть уязвимыми», но карают за радикальную честность.

Вывод:

В обоих случаях самокритика – не инструмент бунта, а инструмент повышения управляемости системы.

2. Подконтрольная демократия / фасадный плюрализм

Сталин:

«Без самокритики нет партийности, без партийности – нет революции». Однако самокритика, которая *«разлагает дисциплину»*, объявляется троцкизмом или буржуазным влиянием. Это двойной стандарт: одобрена только та критика, что направлена на усиление текущей линии партии.

XXI век – политика:

Во многих государствах, включая формальные демократии, существуют:

- Псевдодebаты в парламенте без реального влияния;
- Подконтрольные СМИ, играющие роль «оппозиции»;
- Гражданские кампании, финансируемые теми же структурами, против которых они якобы выступают.

Корпоративная версия:

- Внутрикorporативные опросы и «голос работников» в реальности – способ выявления нелояльных.
- Инициативность поощряется только в пределах системы, а попытки «обойти структуру» воспринимаются как угрозы.

Вывод:

Как в 1928 году, так и сегодня открытость и демократия являются инструментализированными симуляциями для повышения управляемости и видимости легитимности.

3. Бюрократия как враг и как щит

Сталин:

Бюрократия обвиняется в торможении самокритики, но сама система её подпитывает. Бюрократ – удобный враг внутри: он не подрывает власть, но создаёт точку напряжения, которую можно ритуально «чистить».

XXI век – корпорации:

Бюрократия критикуется в pitch'ах стартапов, в манифестах лидеров, но воспроизводится снова и снова:

- «Lean» компании в итоге становятся многослойными матрицами согласований;
- «Реформы» часто создают больше комитетов, чем решений.

Вывод:

Контролируемая критика бюрократии остаётся способом мобилизации лояльности масс без разрушения вертикали власти.

4. Цензура и «рамочное мышление»

Сталин:

Разрешена лишь «правильная» самокритика. Всё, что выходит за рамки, – «разложение», «сенсация», «буржуазная пропаганда». Критика должна подчиняться партийным интересам.

XXI век – соцсети и корпоративные среды:

- Практика «тонкой модерации» или shadow banning в соцсетях: критика допустима, если она вписывается в установленные нормы дискурса;
- DEI-программы, ESG-повестка, «психологическая безопасность» в корпорациях – часто не способ диалога, а новая форма рамочной морали, регулирующей допустимый язык и темы.

Вывод:

Идеологическая цензура просто сменила язык и форму: она стала мягкой, но не менее контролирующей.

5. Лояльность через признание слабостей

Сталин:

Самокритика – форма доказательства лояльности. Признание ошибок – ритуал не наказания, а политического очищения, после которого тебе снова можно доверять.

XXI век – корпорации и публичные фигуры:

- «Cancel culture» и последующие «извинения» – модернизированная форма ритуальной самокритики.
- Руководители публично каются в ошибках перед командой, после чего... получают повышение.
- Репутационные кампании после скандалов строятся на логике: «Мы осознали – мы изменились».

Вывод:

Современный менеджмент и политика используют самокритику как форму публичного смирения ради возобновления лояльности.

Заключение: имитация участия как инструмент власти

Самое важное: и в 1928 году, и сегодня власть имитирует горизонтальные процессы – чтобы сохранить вертикаль. Самокритика, обратная связь, демократия, равенство – все эти ценности используются не как цели, а как инструменты дисциплины, лояльности и устойчивости системы.

Сталин создавал архитектуру власти, в которой даже протест против неё становился формой её укрепления. Современные корпорации и государства делают то же самое – только в более мягкой упаковке.

Научный отзыв на статью Иосифа Виссарионовича Сталина «Против опошления лозунга самокритики» (1928 г.)

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Жёсткая правда, с которой стоит начать:

Перед нами не просто публицистическая статья – это программный политико-идеологический манифест, в котором раннесоветская управленческая доктрина соединяется с психо-социальной мобилизацией масс. Но рассматривать этот текст исключительно как идеологическую риторику – значит упустить его более глубокую функцию: Иосиф Сталин здесь предлагает системный управленческий механизм саморегуляции идеократического государственного организма. Это – не теоретическая статья в академическом смысле, но стратегическая концепция власти, обёрнутая в язык марксистско-ленинской ортодоксии. И как такая – она имеет огромную ценность для изучения политической культуры и методов политического контроля.

1. Теоретический уровень и интеллектуальный потенциал

Содержание статьи демонстрирует удивительно чёткое системное мышление. Сталин фактически

предлагает метод автодиагностики и самовоспроизводства власти, встроенный в логику революционной партии. Он ссылается на Владимира Ленина, укореняя самокритику в истории большевизма, и, опираясь на марксистскую догматику, превращает её в обязательный элемент партийной дисциплины. Интеллектуально статья ближе к прикладной политической философии, чем к академической теории – но именно поэтому и заслуживает изучения как образец стратегического политического мышления в условиях централизованного государственного режима.

Ключевые теоретические опоры:

- Самокритика как революционный механизм адаптации к внутренним и внешним вызовам.
- Диалектика власти и массы: «критика снизу» используется как инструмент контроля над бюрократией – но также и как безопасный способ выпуска социального давления.
- Самокритика как форма управляемого конфликта в идеократической системе – мощный инструмент поддержания легитимности и сплочения.

Этот текст – учебник политического выживания в идеократической системе, замаскированный под партийный доклад.

2. Стилистические достоинства и особенности

Стилистически – это эталон большевистской риторики: чёткая структура, повторяющиеся формулы, апелляция к авторитету (Ленин), чередование предостережений и мотиваций, мобилизующая иерархия

смыслов. Сталин использует методику риторического набора ловушек: любая альтернатива «правильной» самокритике, как правило, трактуется как троцкизм, бюрократизм, буржуазный рецидив или анархия.

Стиль строго дидактичен, но при этом рационально выстроен: каждый раздел начинается с тезиса, далее – обоснование, затем – практическое предостережение. Эта структура делает текст пригодным для трансляции вниз по вертикали власти: он легко тиражируется в инструктивных и пропагандистских целях.

Особое внимание заслуживает тонкая диалектика понятий: демократия сводится к «контролю снизу» в строго заданных рамках, критика – к способу укрепления дисциплины, а автономия масс – к функции управления ими. Это искусство подчинения через массовое освоение возможностей участия.

3. Значение для современного этапа развития науки и общества

Современные политологи, психологи власти и теоретики управления найдут в этом тексте ряд глубоких инсайтов:

- Как функционирует «суверенная демократия» в идеократической системе, где обратная связь контролируется и направляется сверху.
- Как система использует самокритику как иммунизацию против реального сопротивления, создавая своеобразную атмосферу открытости.
- Как формируется управляемое общественное мнение через моральное давление и ритуализированное покаяние.

Кроме того, данная статья может быть прочитана как ранняя форма институционального коучинга в условиях «пролетарской диктатуры» – где рост кадра возможен только через признание своего делового несовершенства и последующее «перевоспитание».

В современных условиях «самокритика» в стиле Сталина находит аналогии в корпоративной культуре принудительных ретроспектив, бюрократических аудитов и «обратной связи» в иерархических организациях. И хотя формы различны, функциональная логика идентична.

Заключение: научная и прикладная ценность

Этот текст – не просто исторический артефакт, но и:

- Учебник политико-психологического управления;
- Пример трансформации идеологического постулата в системный инструмент власти;
- Кейс по построению институциональной дисциплины через управляемую социальную психологию и массовую мобилизацию.

Изучение подобных текстов крайне важно не для апологии, а для понимания механизмов управления сознанием, формирования устойчивых управленческих систем в идеократических режимах и анализа способов удержания власти без формального насилия.

Научный отзыв на статью
И.В. Сталина
«Национальный вопрос и ленинизм»
(1929 г.)

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических*

**I. Теоретический уровень и интеллектуальный
потенциал**

Трезвый вывод:

Это не просто письмо – это системно выстроенная доктрина национальной политики раннего советского государства, представляющая собой апогей марксистско-ленинского подхода к национальному вопросу в интерпретации Сталина. Перед нами текст с ярко выраженным методологическим фундаментом, теоретической амбицией и властно-инструментальной направленностью.

1. Теоретическая строгость:

Сталин демонстрирует методичность в отстройке понятий:

- Национальность как историческая категория – результат капиталистической консолидации;
- Чёткое разделение на буржуазные и социалистические нации;
- Различие между отсутствием национального гнёта и отмиранием наций;

- Расчленение революционного процесса на этапы и фазы, каждой из которых соответствует определённый характер национальной политики.

Сталин выступает как системный политический мыслитель, мыслящий в категориях исторического материализма, но – в отличие от ортодоксального марксизма – предлагающий активную государственную инженерию нации в рамках «диктатуры пролетариата».

2. Теоретическая новизна:

Несмотря на декларативную верность ленинизму, Сталин вносит инновационную интерпретацию:

- Концепт «социалистической нации» (на базе «буржуазной») как новая форма идентичности, впервые системно артикулируется именно здесь;
- Противопоставление «слияния» и «возрождения» наций как инструментов разного периода революции;
- Перевод национального вопроса из «буржуазной демократической» в «пролетарско-государственную» фазу.

Это делает текст важной вехой в развитии теории национального вопроса в XX веке – на стыке идеологии, политической антропологии и государственного строительства.

II. Стилистические достоинства и особенности

Жёсткая правда:

Этот текст не «академический» в классическом смысле. Это – политико-доктринальный трактат, написанный в форме ответа на оппонентов, но фактически адресованный широкой идеологической аудитории.

1. Риторическая структура:

- Сократовская диалектика – автор якобы отвечает на вопросы, но на самом деле поэтапно выстраивает иерархию смыслов.
- Полемическая агрессия – оппоненты показаны не просто как ошибающиеся, а как искажающие ленинизм, тем самым выводя их за пределы легитимной дискуссии.
- Цитатная авторитарность – Ленин используется как абсолютная теоретическая опора, причём цитаты подаются с исчерпывающими выводами, исключая альтернативную интерпретацию.

2. Стилистические особенности:

- Язык – чёткий, упорядоченный, насыщенный идеологической терминологией.
- Повторы – сознательно используются для закрепления тезисов.
- Риторические вопросы, сарказм и грубость («вы серьёзно хромаете в ленинизме») – как инструменты подавления оппозиции.

Вывод:

Текст – образец тоталитарной доктринальной прозы, формирующей не только понимание, но и рамки допустимого мышления.

III. Значение для современного этапа развития науки и общества

Системный взгляд:

Несмотря на идеологическую предвзятость, статья представляет собой исключительный интерес как:

- Модель политического нациестроительства, применимая к анализу постимперских и постколониальных режимов;
- Теоретическая основа для концепта «государственной идентичности», в которой нация формируется сверху – через культуру, язык, кадры, инфраструктуру;
- Предтеча современных дискуссий о культурном суверенитете, мультикультурализме и политике ассимиляции.

1. Социологический интерес:

Сталин даёт уникальный взгляд на то, как государство может институционализировать идентичность через:

- Национализацию управленческих кадров;
- Поддержку образования и культурных институций на родном языке;
- Контроль над интерпретацией истории и ленинизма как источника легитимности.

Это параллелируется с современной политикой:

- Китая в отношении национальных меньшинств;
- Франции и Германии по интеграции иммигрантов;
- Индии – по отношению к региональным языкам и идентичностям.

2. Философско-исторический аспект:

Видение Сталина предвосхищает то, что Бенедикт Андерсон назовёт «воображаемыми сообществами» (1983). Только Сталин не просто фиксирует их воображаемость, а предлагает механизм реального государственного воображения.

IV. Заключение: историко-политическая значимость и научная ценность

Этот текст нельзя ни упростить до «пропаганды», ни принять без критики. Он – фундаментальный документ:

- По политике идентичности в модерности;
- По механизму трансформации национального сознания в условиях революционного государства;
- По социальной инженерии как идеологическому процессу.

Научная ценность:

- Статья достойна анализа в курсах по политической философии, этнополитологии, национальной идеологии, постколониальным исследованиям;
- Является архетипическим источником для понимания национализма в левой традиции;
- Прямо сопоставима с современными проектами «цивилизационной государственности».

Нация как продукт политической инженерии: сравнительный анализ государственной-политической деятельности Иосифа Сталина и Эмомали Рахмона в сфере национального строительства

Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических

Аннотация:

В статье анализируется феномен социалистической нации как результат системной политической инженерии. Сравнительный анализ проводится на основе доктрины И.В. Сталина по национальному вопросу (1920–30-е гг.) и национальной политики Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в условиях постсоветского восстановления. Автор выявляет параллели между двумя историческими проектами национального строительства: оба лидера стремились превратить дезинтеграционную, конфликтную идентичность в управляемую и интегрированную политическую нацию. Делается вывод о том, что «государственная нация» – это не столько продукт культурной эволюции, сколько результат целенаправленного архитектурного замысла элиты.

I. Введение: нация как политический проект

Современные исследования национализма (А. Смит, Б. Андерсон, Э. Геллнер) предлагают трактовать нацию как конструкцию – воображаемое сообщество, формируемое через культуру, язык и историческое сознание. Однако реальная практика показывает: нация – это ещё и результат политической инженерии, особенно в обществах, переживших революции, войны или распад империй.

Примеров два:

- Иосиф Сталин в СССР (1920–30-е гг.) – преобразователь буржуазной нации в социалистическую;
- Эмомали Рахмон в Таджикистане (с 1997 г.) – строитель постконфликтной политической нации.

Оба лидера действовали в условиях разрушенной идентичности и угрозы распада. Оба использовали схожие механизмы – культурную политику, управляемую историческую память, язык, кадровую вертикаль, институты и внешнюю интеграцию.

II. Иосиф Сталин: социалистическая нация как результат революционной трансформации

1. Идеологическое основание

В работе «Национальный вопрос и ленинизм» (1929 г.) Сталин определяет нацию как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, основанную на общности языка, территории, экономической жизни и психического склада. Однако эта общность не вечна: буржуазные нации – продукт капитализма. С

исчезновением капитализма должны исчезнуть и эти формы наций.

Ему противопоставляется социалистическая нация:

- свободная от классовых антагонизмов;
- интернационалистская по духу;
- сплочённая через культуру и идеологию, а не только через этничность.

2. Механизмы формирования

- Язык: развитие национальных языков в рамках социалистической модернизации;
- Культура: театры, газеты, школы – как инструмент социалистического просвещения;
- Кадры: национальные элиты создаются заново и встраиваются в центр;
- История: интерпретация исторического прошлого через классовую борьбу и героизм народов СССР.

III. Эмомали Рахмон: постконфликтная нация как союз исторической памяти и интеграции

1. Исходная ситуация: Таджикистан после гражданской войны

1997 год: завершена гражданская война, но государство находится в состоянии дезинтеграции. Регионализм, политический ислам, внешняя зависимость, разрушение легитимности. Идентичность – раздроблена между советским прошлым, исламской культурой и региональными группами.

2. Инженерия нации в действии

А. Лидер как символ:

- Титул «Пешвои миллат» («Лидер нации»);
- Роль исторического гаранта.

Б. Культурная реконструкция:

- Возвращение образов Саманидов, Рудаки, Ибн Сино (Авиценны);
- Новая культурно-историческая матрица.

В. Языковая политика:

- Закон о государственном языке (2009);
- Упор на повышение уровня языковой, светской и религиозной культуры, предотвращение впадения в крайности и радикализм.

Г. Внешняя интеграция:

- Участие в СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС как опора идентичности.
- Поддержка культурно-цивилизационного позиционирования.

IV. Сравнительный анализ: Иосиф Сталин и Эмомали Рахмон

Оба лидера действовали в условиях идентичностного вакуума. Их цели совпадали: стабилизация, мобилизация, устойчивость. Различались формы – марксистский интернационализм и светский национальный патриотизм.

V. Общие закономерности: логика инженерии нации

Нация у обоих лидеров – проект управления. Это мобилизационный конструкт, формируемый сверху. Идентичность создаётся не на базе этничности, а на основе политической лояльности и управляемой памяти.

VI. Заключение

Социалистическая нация и таджикская постсоветская нация – два примера политической инженерии. В обоих случаях удалось сформировать устойчивую, управляемую идентичность. Государство и лидер стали центрами новой нации. Это подтверждает, что нация – не естественная общность, а продукт целенаправленного стратегического проекта элиты.

VII. Литература

1. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос: Сборник избранных статей и речей.– М.:ЛЕНАНД, 2020.– 264 с.
2. Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм (1929 г.) // Сочинения, том 11.– М.: Госполитиздат, 1949, с.333–355.
3. Саидов З.Ш. Внешняя политика Президента Рахмонова. Красноярск: Сарпараст, 2001.– 368 с.
4. Тоштемиров М., Саидов З. Президент Рахмонов: человек и политик.– Алматы: Посольство Республики Таджикистан в Республике Казахстан, 1998.– 99 с.

5. Сайидзода З., Гаффори В. Вдохновитель национального ренессанса.– Душанбе: НИАТ «Ховар», 2007.– 128 с.
6. Сталин и современность / Отв. ред. Д.В. Джохадзе, Р.И. Косолапов.– Изд.2-е.– М.: КРАСАНД, 2011.– 672 с.
7. Сухомлинов В.В., Шалаев Г.А. Дорога к согласию. Эмомали Рахмонов-человек и политик: Документальное повествование о Президенте Республики Таджикистан Эмомали Рахмонове.– М.: Издательский дом «Собеседник», 2002.– 160 с.
8. Исингарин Н. Проблемы интеграции в СНГ.– Алматы, 1998.– 216 с.
9. Anderson B. Imagined Communities.– Verso, 1983.
10. Gellner E. Nations and Nationalism.– Blackwell, 1983.
11. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations.– Blackwell, 1986.
12. Brubaker R. Ethnicity Without Groups. Harvard University Press, 2004.

Научный отзыв на программную речь Иосифа Виссарионовича Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» (1929 г.)

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

I. Жёсткая правда: это не просто аграрная речь – это политико-экономический манифест

Перед нами – не доклад на конференции, а программный текст, фиксирующий переломный момент в истории аграрной политики СССР. В нём сочетается жёсткое идеологическое давление, стратегическая направленность и стремление создать методологический разрыв между «буржуазной» и марксистско-ленинской парадигмой.

Научный и интеллектуальный потенциал речи статьи тесно сплавлены с политическим зарядом: здесь теория не отделяется от практики, а используется как рычаг трансформации социальной реальности. Однако это делает текст не свободным от догматических установок, что в некоторой степени умаляет его самостоятельную теоретическую ценность, несмотря на яркую стилистическую и риторическую мощь.

II. Теоретический уровень и интеллектуальный потенциал

1. Степень разработанности концептуальных положений:

Сталин демонстрирует очень высокий уровень системного мышления, перерабатывая марксистско-ленинскую теорию воспроизводства, абсолютной ренты, классовой борьбы и сущности социалистических форм хозяйствования. Основной вклад статьи – в критике парадигм «равновесия», «самотёка» и «устойчивости» как попыток сохранить элементы капитализма внутри переходной модели. Он поднимает вопросы методологии, указывая на необходимость научной проработки баланса народного хозяйства и отвержения эмпирических псевдосхем.

2. Методологическая направленность:

Работа основана на категорической бинарности (капитализм/социализм, кулак/бедняк, индивидуальное/коллективное), что типично для ленинско-сталинского подхода. Однако в научной перспективе этот подход ограничивает сложность и плюрализм возможных решений, игнорируя адаптивные, компромиссные модели развития.

3. Глубина анализа и интеллектуальный масштаб:

Сталин оперирует статистикой, данными, цитирует Ленина, Маркса и Энгельса, что придаёт тексту вес в научном поле. Однако сам анализ носит ярко выраженный манифестационный характер, в котором факты подчиняются идее. Это делает текст идеологическим конструктивом, а не аналитическим исследованием.

III. Стилистические особенности и выразительность

1. Риторическая сила и структурная чёткость:

Язык Сталина – это не академический дискурс, а политическая риторика, насыщенная контрастами, вопросами, повторами и обострениями. Это делает речь мощным инструментом влияния, мобилизации и снятия инакомыслия. Тем не менее, структура логична, темы поданы системно: от постановки задач теоретической мысли – к демонстрации антимарксистских теорий – к доказательству преимуществ колхозного строя – и, наконец, к обоснованию политики раскулачивания.

2. Стиль как оружие:

Сталин использует приёмы насмешки, дискредитации оппонентов, стилистическую иронию («смехотворная теория», «игра в цифири», «пустозвонство»), что превращает научный текст в инструмент классовой борьбы. Это делает его мощным в пропаганде, но уязвимым с точки зрения научной нейтральности.

IV. Значение для современного этапа развития историко-экономической науки

1. Историческое значение:

Речь 1929 года – поворотный момент, закрепляющий переход от НЭПа к политике сплошной коллективизации. Это не только важнейший исторический документ, но и уникальный материал для изучения взаимодействия идеологии, экономики и насильственного фактора как инструмента трансформации общества.

2. Современная актуальность:

В эпоху возрождения интереса к альтернативным формам хозяйствования, вопросам экономической мобилизации и устойчивости аграрного сектора в странах глобального Юга данная речь-статья может служить источником анализа как огромных позитивных достижений, так и некоторых негативных последствий сталинской модернизации.

3. Методологическая оценка:

С научной точки зрения текст не является исследованием в строгом смысле: он не опровергает альтернативные гипотезы в академическом смысле, а уничтожает их как идеологические «враги». Тем не менее, именно это делает его ценным материалом для анализа дискурсивной логики сталинско-советского модерна и для изучения роли нарратива в легитимации политики.

V. Итоговая оценка

Сильные стороны:

- Выдающаяся риторическая и стратегическая цельность.
- Яркий образец сталинской школы политико-экономического мышления.
- Ценный историко-документальный источник по логике советской модернизации.

Уязвимые стороны:

- Отсутствие научной дистанции, ярко выраженная бинарность мышления.
- Превращение экономической теории в средство идеологического подавления.
- Отсутствие плюрализма и механизма самокоррекции.

Системный анализ статьи Иосифа Виссарионовича Сталина «Головокружение от успехов» (с разных точек зрения – исторической, политико-психологической, стратегической и актуальной)

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

1. Жёсткая правда: эта сталинская статья – не оправдание, а управленческий диагноз

Многие антисталинисты читают Сталина с заранее заданным выводом: «тирания, насилие, культ». Это интеллектуально ленивый подход. В данной статье Сталин не оправдывает репрессии и не пропагандирует насилие – он остро критикует административное насилие, подмену политики бюрократическими декретами и требует добровольного, дифференцированного подхода в строительстве колхозов. Это текст стратегического руководителя, обеспокоенного разложением управленческого аппарата и потерей связи с массами.

2. Характеристика Сталина как политического деятеля

а) Стратег-максималист с гибкой тактикой:

Он мыслит в системах. Его основной интерес – устойчивость государственного курса. Он понимает, что перегибы «слева» ведут к краху не хуже, чем саботаж «справа».

б) Хозяин темпа:

В тексте чётко звучит идея: главное – не количество колхозов, а сохранение управляемости. Сталин требует темп-менеджмента, осознания зрелости условий. Это качество отличает политика-государственника от фанатика.

в) Лидер, одержимый контролем над кадрами:

Он явно видит главную опасность не в крестьянстве, а в перекосах во власти, в карьеристах, в исполнителях без здравого смысла.

г) Психолог масс:

Он грамотно использует образ «головокружения от успехов» – это не пропаганда, а управленческая психотерапия для своей же номенклатуры.

3. Историко-политическое значение статьи

а) Антитоталитарный внутресталинизм:

Парадоксально, но этот текст – удар по административному насилию. Он опровергает тезис о том, что коллективизация была только насильственной: Сталин на бумаге отвергает насильственное насаждение колхозов и настаивает на добровольности и региональной специфике.

б) Начало корректировки курса:

Это первый момент, когда центр власти признал избыточность темпов и методов. Фактически – это торможение.

в) Прототип «обратной связи» в идеократической системе:

Сталин внедряет критику как способ стабилизации. Это делает его образ более сложным – не только «пролетарского диктатора», но и организатора системы обратной связи внутри идеократии.

4. Значение для современного мира

а) Урок для государств с вертикальной системой управления:

Статья – предупреждение для всех, кто использует только силу без системной подготовки. Даже идеократический лидер признаёт: насилие без зрелой структуры разрушает цели.

б) Критика управленческого формализма и отчётной лжи:

Современные бюрократии – от местных администраций до международных организаций – страдают от фетиша показателей. Сталин же говорит: бумажный колхоз – не колхоз, а обман народа и партии.

в) Ценность институционального темпа и модульного подхода:

Современные реформаторы (в образовании, в медицине, в цифровизации) могут извлечь урок: внедрение должно учитывать региональные условия, нельзя делать «Ctrl+C→Ctrl+V».

5. Заключение: почему сталинская статья не античеловечна, а антибюрократична

Это – текст не о репрессиях, а об институциональной зрелости и управляемости реформ.

Да, в реальности коллективизация сопровождалась репрессиями – но сам этот текст не оправдывает насилие, а предупреждает о его разрушительной природе, если оно совершается вне связи с массами, вне учёта условий.

Рецензия на статью Иосифа Виссарионовича Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

I. Введение: контекст и смелость подхода

Статья Иосифа Виссарионовича Сталина от 19 июля 1934 года, адресованная членам Политбюро ЦК ВКП(б), представляет собой уникальный случай в истории советской политической мысли: лидер партии и государства подвергает открытой критике одного из основоположников марксизма – Фридриха Энгельса. Уже само это обстоятельство выводит данный текст за рамки рутинного внутрипартийного обмена мнениями и превращает его в важнейший идеологический и методологический документ.

Критика Сталина выходит далеко за пределы разборки конкретной публикации. Под видом анализа он формулирует новую – советскую – редакцию исторического материализма и революционной стратегии, адаптированную к условиям 1930-х годов, когда СССР уже не являлся объектом империалистической геополитики, а сам становился её субъектом.

II. Сталин против Энгельса: сущность идеологического расхождения

1. Идеализация внешней политики как авантюры – или диалектика классовой воли?

Сталин резко отвергает центральную мысль Энгельса о якобы определяющей роли «иностранный авантюристской клики» при русском дворе. Такая трактовка, по его мнению, де-историзирует и деполитизирует империалистическую природу царской политики, превращая классовую стратегию господствующего сословия в заговор корсиканцев и прибалтийских немцев.

Ключевая мысль Сталина: империализм царской России – не эксцесс биографий, а закономерный продукт интересов военно-феодально-купеческой верхушки. Это возвращает анализ с уровня персоналистского памфлета к классовой теории.

Таким образом, Сталин упрекает Энгельса в редукции империализма к морализму, что, с точки зрения диалектического материализма, – методологическая ошибка.

2. Геополитический редукционизм как источник ложных выводов

Сталин замечает, что Энгельс переоценивает роль России в формировании антагонистических военных блоков Европы, фактически делая её первичным источником надвигающейся войны, игнорируя фундаментальные колониальные противоречия между Англией и Германией.

Здесь Сталин демонстрирует новый уровень понимания империализма как системы экономических противоречий между центрами капитала, а не только как военно-дипломатических амбиций. Он ближе к логике Ленина и его труда «Империализм как высшая стадия капитализма», чем к политическому памфлету Энгельса.

Сталин поднимает вопрос: если Россия виновна в войне, не оправдывает ли это германскую агрессию?

Эта логика, по мнению Сталина, легитимировала соглашательство германской социал-демократии в 1914 году и подорвала идеи интернационализма и пролетарского пораженчества. Здесь он впервые делает идеологический разбор связи между ошибками классиков и провалами реальной политики рабочего движения.

III. Тактический гений или системный пересмотр основ?

Статья Сталина – не только критика Энгельса, но и попытка концептуальной ревизии «неудобных» положений марксистской традиции. Он не отрицает важность статьи Энгельса как боевого памфлета, но настаивает на её устаревании и контекстуальной ограниченности.

Особенно важно, что Сталин:

- Подвергает сомнению эффективность буржуазной революции как инструмента предотвращения мировой войны;
- Критикует фетишизацию русской царской власти как универсального зла;

- Отстаивает приоритет анализа материальных противоречий над идеологическими упрощениями.

Таким образом, он устанавливает монополию ленинского подхода к империализму и войне как единственно научного и политически адекватного.

IV. Значение статьи в 1934 году: идеологический сигнал и внутренняя борьба

Год 1934 – время формирования единой идеологии, борьбы с «левыми уклонами» и подготовки к международной конфронтации. Эта статья:

- Заявляет приоритет суверенного советского мышления над догматическим цитированием классиков;
- Делает чёткий идеологический посыл: никакой идеологический авторитет не может быть выше партийной линии, если он мешает революционной стратегии;
- Устанавливает прецедент критики классиков – жёсткий, но рациональный шаг к теоретической зрелости марксизма-ленинизма.

V. Заключение: Сталин как ревизор и кодификатор марксизма

Вопреки мифам о «догматическом» советском марксизме, статья И.В. Сталина демонстрирует удивительную свободу интеллектуального манёвра внутри канона. Он осмеливается спорить с Энгельсом не из позиций морализма, а исходя из нового уровня

понимания исторической закономерности, классовой динамики и международной обстановки.

Этот текст – образец марксистского ревизионизма нового типа, направленного не на разрушение системы, а на её очищение от тактических и аналитических заблуждений. Он требует критического мышления, ответственности за идеологическую ясность и отказа от автоматического цитирования.

Итог: Сталин действует не как разрушитель наследия, а как его квалифицированный редактор и архитектор «второго поколения» марксистской доктрины. Его критика Энгельса – это не раскол, а сигнал зрелости.

**Развёрнутая научная рецензия на речь
И.В. Сталина на предвыборном
собрании избирателей Сталинского
избирательного округа г. Москвы
от 9 февраля 1946 года (с фокусом
на уровень анализа, интеллектуальную
мощь и актуальность в современном
контексте)**

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

**Сталин в 1946 году: интеллектуальная архитектура
победы и государственнической стратегии**

**I. Общая характеристика: речь как идеологическая
архитектура**

Речь И.В. Сталина на предвыборном собрании в Сталинском округе Москвы в феврале 1946 года представляет собой один из самых концептуально насыщенных политических текстов XX века. Это не просто отчёт перед избирателями. Это:

- Системная ревизия итогов Второй мировой войны,
- Теоретико-исторический анализ капитализма как глобальной системы,

- Защита советской модели как исторически обоснованной формы организации общества,
- Обоснование будущей сверхиндустриализации как стратегического императива.

Это не триумфальная агитка, а плотная и концептуальная государственная декларация, оперирующая теоретическими и статистическими аргументами, с элементами экономической социологии, геополитики и марксистского структурализма.

II. Теоретико-аналитический уровень: три оси построения

1. Исторический материализм высокого порядка

Сталин начинает с главного – почему произошла война? И даёт ответ, полностью встроенный в диалектику развития капиталистической системы:

«Война возникла как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма».

Он не упрощает, не уходит в волюнтаризм («Гитлер виноват»), а говорит: кризис неравномерности развития, борьба за сырьё и рынки → передел мира → война. Это классический анализ на уровне Ленина – «Империализм как высшая стадия капитализма» – но дополненный опытом второй глобальной катастрофы.

2. Ревизия внутренней легитимности советской модели

Здесь Сталин мыслит как государственный архитектор: он превращает сам факт победы в доказательство жизнеспособности социалистического строя. Логическая цепь проста, но блестяща:

- Победа → не просто военная удача, а стресс-тест на управляемость всей системы.
- Проверка прошла: экономика, армия, партия, многонациональное государство – выдержали.
- Следовательно, советская модель – не эксперимент, а исторически подтверждённая форма.

3. Социально-экономическое обоснование индустриального скачка

«Разница, как видите, колоссальная».

Возможно, это самая мощная часть речи. Сталин приводит детальные сравнительные данные между 1913 и 1940 годами – чугуна, стали, нефти, хлопка, угля, зерна – и демонстрирует: экономическая база, которая выиграла войну, была создана сознательно и системно за 13 лет.

Он объясняет:

- Почему началась индустриализация с тяжёлой промышленности (вопреки капиталистической логике);
- Почему была выбрана коллективизация как форма сельскохозяйственного укрупнения;
- Почему победа невозможна была без предвоенной мобилизации.

Это редчайший случай, когда политик объясняет не только «что», но и «почему именно так» – с системной и теоретической глубиной.

III. Интеллектуальная мощь: аргумент против хаоса и страха

Сталин здесь не как диктатор, а как сверхинтеллектуальный координатор исторического процесса. Его главные качества в этой речи:

- Философ исторического развития (осмысление кризисов капитализма и природы войны);
- Аналитик системной трансформации (переход от аграрной экономики к индустриальной сверхдержаве);
- Архитектор легитимности (построение доверия на основе рациональной реконструкции реальности).

Он не скрывает трудностей, не обеляется. Он аргументирует. Он говорит: всё можно проверить, и партия не боится суда истории. Это речь не о власти, а о способности власти обосновывать свои решения в терминах исторической необходимости и рациональной стратегии.

IV. Актуальность: уроки для XXI века

1. Лидер – это не просто харизма. Это способность объяснять стратегию

Сегодня мы живём в эпоху коротких тезисов и PR-слоганов. Сталин же говорит с народом на языке системного управления. Его модель:

- Долгосрочные цели;
- Основанные на прогнозе угроз;
- С опорой на материальные ресурсы;
- С готовностью к критике и отчёту.

Это – идеал рационального государственного лидера, по которому современным элитам стоит судить самих себя.

2. Модернизация требует политической воли и стратегической логики

Сталин прямо говорит: у нас не было права идти по капиталистическому пути – слишком долго, слишком опасно. Это урок для постсоветских стран: модернизация без политического ядра и мобилизационной программы превращается в имитацию.

3. Победа – это не конец, а начало нового цикла

Он не отдыхает на лаврах, а говорит: три пятилетки вперёд – иначе не гарантируем выживание. Это мышление в логике исторической борьбы, а не текущего удобства.

V. Заключение: речь как интеллектуальный и стратегический памятник

Речь Сталина 1946 года – не просто программное выступление. Это максимально концентрированное выражение политической воли, экономической рациональности и цивилизационного инстинкта самосохранения.

Это текст:

- Концептуальный, а не декларативный;
- Аналитический, а не демагогический;
- Технократический, а не популистский;
- Обоснованный фактами, а не страхами.

Это, пожалуй, самый мощный образец политической речи в XX веке, с точки зрения государственного мышления.

Таджикистан: Новая энергия для СНГ – взгляд из научного сообщества

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

В Концепции председательства Республики Таджикистан в СНГ в 2025 году рассматриваются ключевые направления и содержательные приоритеты председательства. Основное внимание уделено политико-институциональным инициативам, экономической кооперации, гуманитарному измерению, а также экологической и климатической повестке.

Республика Таджикистан выражает свою готовность выступить в роли конструктивного модератора интеграционных процессов в евразийском пространстве.

Председательство Республики Таджикистан в СНГ в 2025 году отражает не просто ротационную функцию, но и стремление к содержательной трансформации формата взаимодействия внутри Содружества. Принципиальные опоры таджикской стратегии – это преемственность, рациональность и обновление. Данный подход направлен на укрепление доверия, повышение эффективности межгосударственных механизмов, а также адаптацию архитектуры СНГ к меняющимся международным реалиям.

Концепция председательства Республики Таджикистан в Содружестве Независимых Государств в 2025

году подтвердила: Таджикистан берёт на себя активную и содержательную роль в развитии Содружества.

Подчеркнём, что председательство Республики Таджикистан – это не формальность, а шанс актуализировать СНГ как живую площадку стратегического взаимодействия.

Среди приоритетов председательства Республики Таджикистан – продвижение экологической повестки, экономическая кооперация, гуманитарные программы и усиление парламентской дипломатии.

По инициативе официального Душанбе 2025 год объявлен Международным годом защиты ледников, и теперь СНГ может стать активным участником в вопросах изменения климата. Также будут расширены программы «Культурная столица», «Молодёжная столица», продвигаться академическая мобильность и историческое просвещение.

Отдельный акцент – на роли парламентов и научного сообщества стран-участниц СНГ. Именно они способны сформировать смысл, удержать пространство и задать направление.

Таким образом, Таджикистан формирует образ модернизирующего центра тяжести внутри СНГ, – с акцентом на содержательность, устойчивость и стратегическую открытость к будущему.

Председательство Республики Таджикистан в Содружестве Независимых Государств в 2025 году – это не просто очередная обязанность. Для Таджикистана это возможность внести системный и конструктивный вклад в развитие интеграционного диалога, укрепление доверия, и, самое главное, адаптацию СНГ к современным вызовам и ожиданиям наших народов.

Председательство Республики Таджикистан в СНГ опирается на три взаимосвязанных принципа:

- Преимущество, как уважение к накопленному потенциалу Содружества;
- Рациональность, как необходимость повышения практической отдачи от сотрудничества;
- Обновление, как отклик на вызовы времени и ожидания молодого поколения граждан.

Особое внимание таджикская сторона уделяет совершенствованию архитектуры СНГ – не количественному расширению органов, а институциональному оздоровлению и повышению эффективности существующих механизмов, включая усиление роли Межпарламентской Ассамблеи как форума доверия и сближения правовых систем.

Современная международная среда требует консолидации усилий в области дипломатии, безопасности и стратегической автономии. В этом контексте таджикская сторона инициирует:

- Совместное мероприятие на полях Генеральной Ассамблеи ООН, посвящённое взаимодействию СНГ и ООН;
- Продвижение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о сотрудничестве с СНГ;
- Расширение контактов с ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, с перспективой предоставления ШОС статуса наблюдателя при СНГ.

Фокус Республики Таджикистан – это реализация второго этапа Стратегии экономического развития СНГ до 2030 года, включающего:

- Поддержку малого и среднего бизнеса;

- Расширение промышленной кооперации и создание производственных кластеров;

- Углубление агропромышленного партнёрства в контексте продовольственной безопасности.

В рамках реализации резолюции ООН по инициативе Таджикистана 2025 год объявлен Международным годом защиты ледников. Председательство в СНГ в этом контексте будет:

- Продвигать принятие совместного заявления глав государств по защите ледников;

- Реализовывать проекты в сфере экологии, обращения с отходами, восстановления урановых территорий;

- Усилить экологическое образование и научно-аналитическую экспертизу.

Гуманитарная политика СНГ – это фактор единства поколений и смысловой преемственности. В этом направлении:

- Продолжится реализация программ «Культурная столица», «Молодёжная столица», «Спортивная столица СНГ»;

- Будут активизированы академические обмены, стажировки и совместные НИОКР;

- Усилия будут направлены на защиту исторической памяти, особенно в контексте 80-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Парламенты государств СНГ – это ключевые площадки легитимного диалога, особенно в условиях трансформации международного порядка. Поэтому:

- Таджикистан поддерживает активизацию парламентских инициатив по гармонизации законодательства;

– Национальная академия наук Таджикистана готова предложить экспертно-аналитическую поддержку МПА СНГ, в частности по вопросам водной дипломатии, продовольственной безопасности, противодействия радикализму.

Председательство Республики Таджикистан – это попытка вдохнуть в СНГ новую функциональность, гибкость и интеллектуальную энергию. Республика Таджикистан призывает все страны-участницы Содружества стать соавторами этого процесса – не только через принятие решений, но и через открытость к будущему.

**Президент Республики Таджикистан
Эмомали Рахмон и
институционализация
интеграционного процесса в СНГ
(1999–2001 гг.)**

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Аннотация:

В статье исследуется роль Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в процессе реформирования и институционального укрепления Содружества Независимых Государств в 1999–2001 гг. На основе анализа правительственных решений, межгосударственных соглашений и дипломатической практики выявляется стратегический характер инициатив Таджикистана в экономической и военно-политической сферах. Авторский акцент сделан на развитии зоны свободной торговли, модернизации механизмов коллективной безопасности и переходе от декларативной интеграции к формированию правовых и организационных институтов сотрудничества. Работа опирается на первоисточники и современные научные исследования, посвящённые постсоветской региональной интеграции.

Ключевые слова: Эмомали Рахмон, СНГ, зона свободной торговли, Таможенный союз, ЕврАзЭС, коллективная безопасность, интеграция, международные организации, постсоветское пространство.

Введение

Вторая половина 1990-х годов ознаменовалась глубоким институциональным кризисом в рамках Содружества Независимых Государств. Отсутствие механизма реализации решений, рассогласование экономических моделей, отказ ряда стран от прежней системы платёжных расчётов – всё это подрывало единство СНГ. В этих условиях вопрос о будущем Содружества стоял на повестке с беспрецедентной остротой. В октябре 1997 года на кишинёвском саммите государств Содружества впервые был публично поставлен вопрос: есть ли необходимость в сохранении СНГ как межгосударственного объединения? Ответ на этот вызов заключался не в риторике, а в конкретных институциональных действиях. Среди лидеров стран-участниц именно Президент Таджикистана Эмомали Рахмон выступил с системным и прагматичным видением реформирования Содружества. Его позиция – не просто сохранить СНГ, а превратить его в устойчивую интеграционную архитектуру – стала основой для последующих трансформаций.

1. Реструктуризация экономической интеграции: зона свободной торговли как приоритет

Одним из наиболее острых вопросов в рамках СНГ конца 1990-х гг. был кризис в сфере взаимной

торговли и неэффективность ранее подписанных экономических соглашений. Уже в 1994 году был заключён Договор о создании зоны свободной торговли, однако он не получил необходимой имплементации из-за отсутствия механизмов исполнения и отказа ряда стран от согласованной налоговой и таможенной политики. На московском саммите Содружества 2 апреля 1999 года Эмомали Рахмон предложил придать импульс этому процессу через обновление правовой базы: в Соглашение было внесено более 70 поправок, направленных на устранение технических и нормативных барьеров. По инициативе Таджикистана Межгосударственному экономическому комитету было поручено разработать нормативные документы, необходимые для запуска зоны свободной торговли. Как подчеркнул позднее пресс-секретарь Президента Зафар Саидов, Таджикистан стал одной из первых стран, ратифицировавших указанные соглашения и призвал другие государства последовать этому примеру.

2. Институционализация коллективной безопасности и формирование ОДКБ

Сфера безопасности представляла собой ещё одно направление, где СНГ испытывало дефицит эффективности. Несмотря на действие Договора о коллективной безопасности от 1992 года, его практическое применение оставалось ограниченным. На саммитах 1999–2000 гг. Эмомали Рахмон неоднократно подчёркивал необходимость не только продления действия Договора, но и его институционального обновления с

учётом новых вызовов – транснационального терроризма, наркотрафика, оружейной контрабанды. В рамках предложенных инициатив было создано несколько профильных структур: Антитеррористический центр СНГ (2000 г.), Совет министров обороны, Комитет секретарей Советов безопасности. Эти институты позволили перейти от декларативного подхода к созданию механизмов оперативного реагирования. Дальнейшее развитие этого курса привело к трансформации Договора в полноценную международную организацию – ОДКБ – в 2003 г.

3. Таможенный союз, ЕврАзЭС и правовая гармонизация

Одним из стратегических направлений внешне-экономической активности Таджикистана стало присоединение к Таможенному союзу и участие в создании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). На саммите в г.Минске в 2000 году Эмомали Рахмон активно поддержал шаги по унификации таможенного законодательства, гармонизации налоговой базы и формированию единой таможенной территории. Таджикистан завершил процедуру присоединения к основополагающим соглашениям и стал сторонником создания наднациональной структуры, способной регулировать торговую политику и взаимодействие с ВТО. Эти шаги рассматривались как неотъемлемая часть движения к формированию общего рынка и расширения евразийской интеграции.

4. Интеграционное лидерство: от деклараций к реализации

Принципиальной особенностью внешнеполитической линии Эмомали Рахмона в указанный период стало стремление придать интеграционным инициативам реальное содержание. В отличие от ряда других государств, Таджикистан не только выдвигал предложения, но и обеспечивал их реализацию на национальном уровне, включая: скорейшую ратификацию соглашений, разработку имплементационных механизмов, формирование межведомственных рабочих групп. Такой подход позволил говорить о Таджикистане как о факторе институциональной устойчивости СНГ, опирающемся на историческую общность и прагматизм сотрудничества.

Заключение

В условиях институционального кризиса конца 1990-х гг. СНГ нуждалось в переформатировании своих целей, инструментов и логики развития. В этом процессе одну из ключевых ролей сыграла активная и стратегически выстроенная позиция Республики Таджикистан во главе с Президентом Эмомали Рахмоном. Последовательная поддержка многосторонних форматов, юридическая активизация экономических механизмов, модернизация системы коллективной безопасности и формирование ЕврАзЭС стали важнейшими вехами на пути институционализации постсоветской интеграции. Таким образом, таджикская дипломатия того периода продемонстрировала

пример ответственного интеграционного лидерства, способного соединить национальные интересы с региональными задачами устойчивого развития и безопасности.

Список использованной литературы

1. Исингарин Н. Проблемы интеграции в СНГ.– Алматы: Атамура, 1998.– 216 с.
2. Саидов З.Ш. Внешняя политика Президента Рахмонова.– Красноярск: Сарпараст, 2001.– 400 с.
3. Саидов З.Ш. Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации.– Душанбе: Авасто, 2004.– 592 с.
4. Саидов З.Ш. Таджикистан – надёжный партнёр в международных отношениях.– Душанбе: Авасто, 2003.– 160 с.
5. Vinokurov E. EAEU: Evolution, Challenges and Prospects.– Springer, 2018.– 218 p.
6. Libman A., Vinokurov E. Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration.– Palgrave Macmillan, 2012.– 268 p.
7. Eurasian Economic Commission. Integration Development Report 2000–2005.– Moscow: EEC Press, 2006.
8. Устав Организации Договора о коллективной безопасности (2002) // Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/>

Совершенствование антикоррупционной политики в Республике Таджикистан: уроки международного опыта

Автор аналитической статьи: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук

Коррупция – одна из самых разрушительных угроз для государства и общества. Она снижает доверие к институтам власти, тормозит экономическое развитие, деморализует бизнес и ограничивает международное сотрудничество. Таджикистан, как и многие другие развивающиеся государства, стоит перед необходимостью построения эффективной и практикоориентированной антикоррупционной системы. В этом контексте международный опыт, прежде всего США, Великобритании и России, представляет собой ценный источник практических решений и механизмов.

1. Обзор текущих мер в Таджикистане

В Республике Таджикистан действует Закон «О противодействии коррупции», функционирует Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией, реализуется Национальная стратегия до 2030 года. Госслужащие обязаны подавать декларации, осуществляется антикоррупционная

экспертиза нормативных актов. Однако, несмотря на заявленные усилия, меры остаются преимущественно реактивными и формальными, тогда как элементы превенции, комплаенса и внутреннего контроля нуждаются в развитии.

2. Международные ориентиры: США, Великобритания и Россия

- США – Закон FCPA (1977) и Закон Сарбейнса–Оксли (2002):
 - запрет даже на обещание взятки;
 - обязательный внутренний аудит и комплаенс;
 - ответственность компаний за действия посредников;
 - санкции до \$25 млн. и 20 лет тюрьмы для физлиц.
- Великобритания – Закон о борьбе с взяточничеством (UKBA, 2011):
 - экстерриториальное действие;
 - криминализация бездействия организаций;
 - обязательные антикоррупционные комитеты и политика compliance.
- Россия – ФЗ-273, Национальный план и региональные практики:
 - обязательное декларирование доходов;
 - антикоррупционные фильтры в тендерах (пример: Татарстан);
 - обязательное уведомление о попытке подкупа;
 - внутренний контроль в госкорпорациях (Росатом, Ростех).

3. Конкретные меры, которые следует внедрить в Таджикистане:

- **Корпоративный сектор:**

Создание обязательных антикоррупционных отделов и комплаенс-политик в государственных компаниях и ГУП. Ответственность организации за бездействие, аналогично УКВА.

- **Государственные закупки:**

Введение обязательных антикоррупционных фильтров и независимого аудита крупных тендеров.

- **Ответственность за намерения:**

Внести норму, аналогичную ФСРА – наказывать не только за факт взятки, но и за обещание.

- **Подарки и выгоды:**

Запрет любых подарков чиновникам при исполнении служебных обязанностей – вне зависимости от стоимости.

- **Прозрачность и общественный контроль:**

Публикация деклараций на сайтах ведомств, создание анонимной платформы сообщений и Общественного совета.

- **Образование и просвещение:**

Обязательные курсы по антикоррупционному поведению для студентов, чиновников и муниципальных работников.

4. Институциональные инициативы:

– Создание Института антикоррупционного комплаенса при Минюсте.

- Разработка типовой антикоррупционной политики и её внедрение.
- Внедрение риск-ориентированного аудита в госсекторе.
- Принятие Кодекса корпоративной этики и системы сертификации.
- Усиление роли гражданского общества в мониторинге исполнения.

5. Заключение

Борьба с коррупцией требует не только политической воли, но и реальных инструментов реализации. Таджикистан обладает законодательной базой, но нуждается в усилении практических механизмов контроля, профилактики и ответственности. Заимствование лучших мировых практик и адаптация под национальный контекст позволят добиться устойчивых результатов и сформировать атмосферу общественной нетерпимости к коррупции.

Моя принципиальная позиция по защите, сохранению и всестороннему развитию родного таджикского языка на современном этапе жизни страны

Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук

1. Язык как право: правовая перспектива

Международное право:

- Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах (статья 27), каждый имеет право сохранять, использовать и развивать свой язык.
- Документы ООН, включая Декларацию о правах коренных народов, поддерживают право на передачу языка будущим поколениям.

Действующая Конституция Республики Таджикистан:

- Таджикский язык признан государственным языком (статья 2).
- Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 года подчёркивает необходимость его развития и защиты, при этом обеспечивая права языковых меньшинств.

Вывод:

Юридически и морально поддержка таджикского языка – это оправданная и защищённая законом цель. Это право и обязанность государства и общества.

2. Язык как основа идентичности

Язык формирует мышление, культуру и единство нации. Это соответствует:

- Теории Бенедикта Андерсона о «воображаемых сообществах», где общий язык создаёт нацию;
- Мнению Франца Фанона: «Говорить на языке – значит принять культуру».

Согласие:

Да, язык – важнейший символ национальной идентичности, особенно для таких постсоветских стран, как Республика Таджикистан.

Ограничение:

Однако чрезмерный акцент на «чистоте» языка может:

- Исключать билингвов и носителей других языков;
- Подавлять культурное многообразие;
- Противоречить правам русскоязычных или других этнических групп в стране.

3. Проблемы в системе образования

Справедливая критика:

- Отрыв от практики – школьников учат грамматике, но не учат говорить;
- Сложный классический язык в учебниках, непонятный современным детям;
- Низкую мотивацию и неэффективные методы преподавания.

Вывод:

Требуется глубокая реформа методики обучения: от теории к практике, от сложного к простому, от

архаизмов – к живой современной речи. Закон Республики Таджикистан об образовании позволяет это реализовать.

4. Романтизация языка и риски идеализации

Книги, статьи и речи многих таджикских учёных пронизаны патриотизмом и культурной гордостью, что, безусловно, вдохновляет. Но:

- Язык – это живой организм, он развивается и изменяется.
- Заимствования из языков других народов мира (в том числе из русского языка) – нормальный процесс в истории любого языка.
- Защита языка не означает изоляцию от внешнего мира.

Вывод:

Любовь к языку – это не отказ от других культур и языков, а умение сохранить своё, при этом быть открытым и адаптивным.

Преодоление отчуждения – основа национальной идеологии России XXI века

*Автор: Зафар Сайидзода, заведующий отделом СНГ
Института изучения проблем стран Азии и Европы
Национальной академии наук Таджикистана, доктор
исторических наук*

1. Россия без идеи – корабль без компаса

В условиях глобальных вызовов и внутренних кризисов России необходима не декларация, а подлинная национальная Идея, способная консолидировать общество. Такой Идеей может и должна стать борьба с социальным отчуждением – как практическое воплощение ценности человеческого достоинства.

2. Что такое отчуждение и почему оно разрушает общество

Отчуждение – это не философская абстракция, а реальная болезнь: разрыв между человеком и трудом, между гражданином и государством, между личностью и культурой. Отчуждённый человек – не субъект истории, а объект манипуляции.

3. Отчуждение рождает пассивность и страх

Именно отчуждение объясняет апатию, цинизм, падение рождаемости, духовную миграцию молодёжи

и обострение социальных антагонизмов. Без преодоления отчуждения невозможно воспитать ни патриота, ни гражданина, ни созидателя.

4. Национальная идея – это снятие отчуждения

Новое российское общество должно быть основано не на мобилизационных лозунгах, а на восстановлении субъектности человека. Это и есть Идея: не сверху – а в человеке. Не абстракция – а созидательная повседневность. Не декларация – а социальный проект.

5. Что нужно делать

- Стратегия государства должна включать борьбу с отчуждением как с разрушительной социальной стихией;
- Развивать гуманитарную миссию: образование, культуру, философию;
- Строить политику как пространство соучастия и сотворчества;
- Сделать труд снова осмысленным и человеческим;
- Вернуть человеку ощущение себя как источника силы, смысла и свободы.

6. Заключение

Пока отчуждение господствует, никакая национальная идея не состоится. Преодоление отчуждения – это не утопия, а начало подлинной российской субъектности. Это и есть наша историческая миссия. Вопрос не в том – какая будет идеология. Вопрос – будем ли мы людьми.

Социальное отчуждение как антипод человеческой свободы: взгляд с позиций современной диалектики

*Автор статьи: Зафар Шерали Сайидзода
(Зафар Шералиевич Саидов), заведующий отделом
СНГ Института изучения проблем стран Азии и
Европы Национальной академии наук Таджикистана,
доктор исторических наук*

(Данная статья впервые была опубликована на страницах 572–575 Сборника под названием «Материалы международной научно-практической конференции 15-ые Ломоносовские чтения «Кооперация науки и национально-ориентированных стратегий: цифровая модернизация и инновационное развитие» (22–23 апреля 2025 года)». Часть 2. Гуманитарные науки.– Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе.– 2025.– 591 с.)

Аннотация

В данной научной статье исследуется проблема отчуждения как антипода человеческой свободы в контексте диалектической логики.

Особое внимание уделяется современным формам отчуждения – цифровому отчуждению, кризису идентичности и алгоритмическому порабощению.

Показано, что в XXI веке социальное отчуждение приобретает новые проявления, требующие переосмысления понятий свободы и самостоятельности человека.

Представлены пути преодоления отчуждения через восстановление субъектности личности.

Ключевые слова: свобода, отчуждение, субъект, цифровизация, социальная философия, диалектика.

Введение

Проблема человеческой свободы – одна из древнейших и наиболее острых проблем философии. От античных времён до современности идея свободы определяет не только личную судьбу человека, но и развитие общества в целом. Однако наряду с развитием свободы постоянно существовала проблема её антипода – отчуждения.

Немецкий философ, экономист, политолог Карл Маркс, рассматривая общественные отношения капитализма, показал, что свобода в этих условиях становится иллюзией, поскольку рабочий отторгается от результатов своего труда, от самого процесса деятельности, от собственной сущности и от других людей.

Сегодня, в XXI веке, цифровизация, развитие надзорного капитализма и глобальные изменения общества создают новые формы отчуждения, которые касаются не только сферы труда, но и сознания, внимания, идентичности человека.

Актуальность исследовательской темы данной статьи определяется необходимостью понять, как новые формы социального отчуждения влияют на природу человеческой свободы и какие пути существуют для её восстановления.

Цель статьи – осмыслить феномен современного отчуждения и предложить возможные пути преодоления этой угрозы для свободы.

Задачи исследования:

- раскрыть философскую природу свободы;
- проанализировать эволюцию форм отчуждения;
- выявить современные механизмы цифрового отчуждения;
- наметить пути восстановления субъектности человека.

§1. Свобода как сущность человеческой деятельности

Свобода в философском смысле – это не произвольная автономия, а осознанное овладение необходимостью. В диалектической традиции свобода понимается как единство объективной необходимости и субъективной активности человека.

Карл Маркс определял свободу как преобразование объективных условий в сферу свободной деятельности субъекта. Человек обретает свободу не там, где он игнорирует законы природы и общества, а там, где он сознательно использует их в процессе творческой деятельности (Маркс, 1867).

Немецкий философ и мыслитель Фридрих Энгельс уточнял, что свобода – это «осознанная необходимость» (Энгельс, 1877). Лишь через осознание закономерностей развития природы и общества человек может управлять своей судьбой.

Таким образом, свобода – это всегда деятельностная категория, требующая активного взаимодействия

субъекта с миром и с самим собой. Свобода предполагает творчество, самореализацию, способность к саморазвитию в условиях объективных ограничений.

§2. Социальное отчуждение: от капиталистического труда к цифровому порабощению

Марксистская концепция отчуждения включает в себя четыре аспекта:

- Отчуждение от продукта труда: рабочий не владеет результатами своей деятельности.
- Отчуждение от процесса труда: труд становится внешней обязанностью.
- Отчуждение от сущности человека: лишение творческой активности.
- Отчуждение от других людей: разрыв социальных связей.

В условиях капитализма труд утрачивает своё творческое содержание, превращаясь в средство выживания.

В XXI веке формы отчуждения изменились. Сегодня человек отчуждается не только от труда, но и от своих данных, своих мыслей, своего внимания. Как отмечает Шошана Зубофф (2019), цифровые корпорации эксплуатируют поведенческие данные пользователей, превращая их в объект предсказания и манипуляции.

Пользователь становится товаром, а его личность – полем для коммерческой эксплуатации.

Цифровое отчуждение разрушает целостность субъекта, фрагментируя его сознание и подчиняя его алгоритмическому контролю.

§3. Новые формы отчуждения: алгоритмы, социальные сети, кризис идентичности

Современные формы отчуждения проявляются через:

3.1. Отчуждение внимания.

Платформы социальных сетей борются за внимание пользователей, используя нейropsихологические механизмы зависимости. Внимание превращается в товар, подчиняясь логике коммерции.

3.2. Раздвоение идентичности.

Человек в сети вынужден конструировать публичный образ, соответствующий ожиданиям аудитории. Это приводит к внутреннему конфликту между реальной личностью и её цифровым представлением.

3.3. Алгоритмическое программирование поведения.

Алгоритмы не просто предсказывают поведение пользователя, но активно его формируют. Рекомендательные системы ограничивают свободу выбора, формируя «пузырь фильтров» и замыкая человека в предсказуемом поведении.

Бюнг-Чуль Хан (2010) подчёркивает, что современное общество производит усталость и депрессию через внутреннее самопринуждение индивидов к постоянной эффективности.

Отчуждение переходит в область когнитивных и эмоциональных процессов, разрушая саму способность человека к свободному самоопределению.

§4. Эмансипация человека: пути преодоления отчуждения

Преодоление современного отчуждения требует:

4.1. Осознания механизмов цифрового контроля.

Необходимо развитие цифровой грамотности, понимания принципов работы алгоритмов и способов манипуляции сознанием.

4.2. Восстановления самостоятельности.

Осознанное управление своим вниманием, временем и ресурсами, отказ от слепого следования цифровым стимулам.

4.3. Коллективной борьбы за права человека в цифровом пространстве.

Защита цифрового суверенитета личности через законодательные инициативы, развитие открытых технологий, противодействие корпоративной монополии на данные.

4.4. Формирование солидарных сообществ.

Объединение усилий в рамках социальных движений за цифровую справедливость и права человека.

Только через осознание, коллективное действие и сознательное проектирование собственной жизни человек сможет вернуть себе статус субъекта в эпоху цифровизации.

Заключение

Свобода и отчуждение – это две противоположные силы, определяющие развитие человеческого общества. Если свобода связана с творческой активностью

субъекта, с самореализацией и овладением объективной необходимостью, то отчуждение представляет собой утрату контроля над результатами своей деятельности, над собственным сознанием и даже над своей личностью.

В современном обществе новые формы отчуждения усиливают вызовы для свободы. Цифровизация, надзорный капитализм, экономика внимания создают опасность превращения человека в объект алгоритмического управления.

Преодоление отчуждения требует нового уровня сознания, критического отношения к технологиям и развития коллективных стратегий защиты человеческой субъектности.

Настоящая свобода в XXI веке – это свобода сознательного управления своим вниманием, данными, идентичностью и деятельностью.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Том I.– М.: Политиздат, 1960.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.– М.: Политиздат, 1969.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.– М.: Политиздат, 1961.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма.– М.: Альпина Нон-Фикшн, 2019.
5. Хан Б.-Ч. Общество усталости.– М.: Дело, 2017.
6. Харрис Т. Проклятие внимания: Как технологии крадут наше время и жизнь.– М.: Альпина Паблишер, 2020.

Социальное отчуждение как философская категория и его преодоление в контексте развития свободы

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Аннотация:

Статья посвящена философскому анализу социального отчуждения как одной из ключевых категорий в понимании природы свободы человека. Исследование опирается на диалектический подход и труды основоположников марксистской философии, включая К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей. Показано, что отчуждение как форма утраты субъектности является антитезой свободы и препятствием для творческого самореализации личности. Обоснована мысль о том, что преодоление социального отчуждения – необходимое условие становления подлинно гуманистического и свободного общества.

Ключевые слова:

Отчуждение, свобода, субъект, деятельность, Маркс, труд, диалектика, личность, общество.

1. Введение

Современное общество переживает кризис ценностей, вызванный глубинными изменениями в структу-

ре социальной жизни. Одним из ключевых философских понятий, позволяющих понять суть этого кризиса, является категория отчуждения. Цель данной статьи – исследовать сущность отчуждения как антагонистической формы субъектно-объектных отношений и показать его влияние на развитие и ограничение свободы личности.

2. Методологическая основа и философские предпосылки

Исследование построено на основе диалектической логики и опирается на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, а также их интерпретации в трудах отечественных и зарубежных философов. Понятие отчуждения рассматривается как исторически преходящее, а не вечное свойство человеческого бытия. Категория свободы интерпретируется через призму субъектной активности и самодеятельности.

3. Природа отчуждения и его социальный механизм

Отчуждение возникает как результат антагонистического разделения труда, в ходе которого человек утрачивает контроль над своей деятельностью и её результатами. Продукт труда становится чуждым и господствующим над человеком, а деятельность – принудительной. Марксистская теория трактует отчуждение как следствие социальных условий, которые искажают диалектическое единство субъекта и объекта.

4. Свобода как преодоление отчуждения

Свобода не сводится к праву выбора, она реализуется через свободную деятельность – как осмысленное, творческое самовыражение. Отчуждение, напротив, разрушает саму возможность такого выражения. Преодоление отчуждения становится исторически необходимым условием для перехода от царства необходимости к царству свободы, как подчёркивали Маркс и Энгельс в работах зрелого периода.

5. Эмансипация личности и историческая перспектива

Человеческая эмансипация – это процесс восстановления субъектности, снятие всех форм отчуждения, как экономических, так и политических, культурных и духовных. Она означает переход к обществу, в котором производственные силы служат не воспроизводству господства, а развитию целостной личности. Идеал – общество, где труд становится самодеятельностью, а культура – выражением сущностных сил человека.

6. Заключение

Отчуждение представляет собой препятствие на пути развития свободы, как личной, так и социальной. Его преодоление возможно только через целенаправленные изменения общественных отношений, демократизацию власти, восстановление контроля человека над условиями своей жизни. Философское осмысление отчуждения остаётся актуальным не только как

теоретическая задача, но как основа для формирования идеологии гуманистического общества.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т.– М.: Политиздат.
2. Нарский И.С. Отчуждение как философская категория.– М.: Политиздат, 1980.
3. Ойзерман Т.И. Диалектика как логика и теория познания.– М.: Наука, 1971.
4. Ковалёв С.М. Человек в мире отчуждения.– М.: Мысль, 1985.
5. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990.
6. Гегель. Феноменология духа.– М.: Наука, 1977.
7. Давыдов Ю.Н. Диалектика и человек.– М.: Мысль, 1981.
8. Коган Л.Н. Свобода и общество.– М.: Наука, 1979.

О судьбе денег, закона стоимости и «товарности» экономики в долгосрочной перспективе в условиях замещения массового человеческого труда машинами и роботами

*Автор: Зафар Сайидзода, заведующий отделом СНГ
Института изучения проблем стран Азии и Европы
Национальной академии наук Таджикистана, доктор
исторических наук*

Будучи Генеральный консулом Республики Таджикистан в городе Екатеринбурге, в конце прошлого, 2024 года, приобрёл в крупном книжном магазине уральской столицы «Читай-город» книгу «Маркс, Карл. Капитал» (Карл Маркс; сост., предисл., коммент. А.В. Цветкова, пер. Степанова-Скворцова.– Москва: Издательство АСТ, 2024.– 352 с.).

Предисловие, очень интересное, написал к этой всемирно известной книге классика марксизма А.В. Цветков. В этом предисловии, в частности, написано следующее:

«(стр.21) Финальный кризис капитализма-это замещение массового человеческого труда машинами, то есть кризис, который опрокидывает сам закон стоимости. Будущее-это товары с нулевой стоимостью и работа, которую невозможно измерить в деньгах.

В такой логике базовое противоречие капитализма между коллективным характером труда и частным способом присвоения результатов этого труда может быть первоначально снято через тотальную автоматизацию и введение безусловного базового дохода. Но, автоматизировав труд, потому что так было выгоднее с точки зрения рынка (снижало себестоимость), мы получаем миллионы безработных. Если мы выплачиваем деньги просто так, чтобы стимулировать их покупательную способность и примирить этих людей с системой, зачем нам вообще деньги? Они ведь больше ничего не выражают, не являются даже платой за работу. Так рыночная (стр.22) экономика упирается в собственный предел и получает шанс перестать быть товарной. Смысл базового дохода в самой возможности не продавать себя на рынке труда.

В таком сценарии сохранение массового наёмного труда превращается в чисто дисциплинарную политическую практику, в которой уже нет экономического смысла, зато поддерживается прежняя иерархия классов, социальная лестница неравного доступа. Но так всегда в истории. Любая система сохраняет себя столько, сколько может.»

Представленные мысли и выводы А.В. Цветкова о финальном кризисе капитализма, вызванном автоматизацией труда, касается нескольких ключевых экономических и философских вопросов, актуальных для нашего времени: роли труда, автоматизации, распределения богатства и будущего рынка.

Вот наша профессиональная оценка и комментарий:

1. Замещение труда машинами и кризис закона стоимости

Марксистская теория утверждает, что стоимость определяется человеческим трудом. Если машины полностью заменяют труд, возникает кризис закона стоимости, так как товары перестают иметь традиционную трудовую основу для определения их ценности.

Однако стоит учитывать:

- В современной экономике стоимость часто определяется спросом и предложением, а не только трудом. Автоматизация, снижая себестоимость, создаёт доступные товары, но рынок адаптируется, вводя новые формы оценки ценности (например, бренд, инновации, редкость).
- Экономика «нулевой стоимости» звучит утопично, но, скорее всего, речь идёт не о нуле, а о сильно сниженном предельном значении стоимости за счёт автоматизации.

2. Базовый доход и конец «товарности» экономики

Идея «Безусловного Базового Дохода» (ББД) связана с перераспределением богатства, чтобы поддерживать покупательную способность общества.

Проблемы, поднимаемые в тексте:

- «Зачем нам деньги?»

Деньги продолжают выполнять функции измерения стоимости, обмена и накопления богатства, даже в экономике с минимальной ролью человеческого труда. Проблема возникает, если деньги теряют свою связь с

реальной экономической деятельностью, становясь чисто инструментом перераспределения.

- ББД даёт возможность людям отказаться от необходимости «продавать себя» на рынке труда, но для его устойчивости нужна глобальная трансформация экономики. Без этого ББД может вызвать инфляцию, перераспределить богатство неэффективно или привести к росту долгов государств.

Переход к экономике, где товар перестаёт быть центральной категорией, возможен лишь при радикальном изменении институциональных структур, включая модели собственности, стимулирования и ценностей.

3. Дисциплинарная роль массового труда

Тезис о том, что сохранение массового наёмного труда носит скорее политический и социальный, чем экономический характер, заслуживает внимания.

На практике:

- Введение тотальной автоматизации и ББД может снизить социальные конфликты, но также угрожает социальным структурам. Например, иерархии классов могут сохраниться через доступ к капиталу, знаниям и технологиям.
- Социальная лестница при капитализме во многом базируется на труде как способе легитимного повышения статуса. Если труд теряет значимость, возникает риск закрепления неравенства через доступ к привилегиям (например, к образованию, технологиям).

4. Перспективы капитализма

Вывод, что любая система сохраняет себя «пока может», укладывается в исторический анализ. Однако капитализм демонстрирует значительную адаптивность:

- Автоматизация не обязательно разрушает систему, а может перераспределить функции труда. Например, развитие творческих, инновационных и социальных отраслей.
- Новые модели, такие как «капитализм платформ», где основное богатство сосредоточено в данных и технологиях, уже показывают, как экономика эволюционирует.

Наша рекомендация:

Современная экономическая мысль, на наш взгляд, должна двигаться в направлении:

1. Разработки устойчивых моделей распределения доходов (ББД или прогрессивного налогообложения).
2. Переосмысления роли труда, включая внедрение гибких форм занятости и образования.
3. Создания механизмов борьбы с неравенством, которые учитывают не только экономические, но и технологические факторы.

А.В. Цветков предлагает радикальное переосмысление экономики, но переход к этим сценариям потребует как экономических, так и политических инноваций. Сохранение капитализма или его трансформация будет зависеть от способности адаптироваться к вызовам автоматизации и новых форм распределения богатства.

Воображаемый разговор с собой: о лидерстве, системах и мышлении в категориях будущего

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Вместо вступления: Зачем я говорю об этом

Я не бизнесмен и не корпоративный стратег. Мой путь – дипломатия, информационная политика, институциональная работа в государстве. Я был там, где решения принимаются под давлением истории, а не рынка. Я знаю, как функционируют системы, которые не имеют права на провал.

Сегодня я часто размышляю: что делает лидера не просто эффективным, а эпохальным?

Что отличает архитектора от исполнителя? Систему от инициативы?

Я не ищу ответов в мотивационных бестселлерах. Я ищу их в истории.

Именно поэтому я обращаюсь к фигурам, способным мыслить категориями на десятилетия вперёд.

Один из таких – Иосиф Сталин. Его образ противоречив. Но меня интересует не культ, а мышление. Не политическая биография, а системная логика.

Это – не о нём. Это – разговор с собой.

О лидерстве как функции. О структуре как орудии. О системе как наследии.

I. Думай системами, а не действиями

Сталин никогда не решает проблему как таковую. Он всегда задаёт себе три вопроса:

- Что создаёт эту проблему как явление?
- Какие основания нужно демонтировать, чтобы она не повторялась?
- В какой более широкой структуре (классовой, исторической, геополитической) она встроена?

Мой вывод:

Если хочешь предложить архитектуру будущего, не думай о «проектах». Думай о:

- Самовоспроизводящейся системе;
- Принципах, которые выдержат рост и кризис;
- Модели власти, которую несёт структура: контроль, просвещение или синхронизация.

II. Индустриализация как метафора: сначала – инфраструктура, потом – масштаб

Сталин начинал не с лёгкой, а с тяжёлой промышленности. Он строил не витрину, а платформу.

Урок для меня:

Прежде чем говорить об экспансии, нужно:

- Создать операционные стандарты;
- Подготовить кадры как носителей культуры;
- Встроить систему обратной связи и управления качеством;
- Обеспечить финансовую дисциплину.

Сильная структура – это внутренняя индустрия, а не фасад.

III. Коллективизация: укрупнение – как управленческая логика

Сталин понимал: мелкие формы не масштабируются. Он не пытался реформировать каждое крестьянское хозяйство – он объединял их, чтобы применить технику, управление, планирование.

Мой вывод:

- Один специалист = один результат.
- Система специалистов в едином методологическом и управленческом каркасе = масштаб.
- Не следует быть куратором каждого элемента – нужно создавать структуру, где управленческий стандарт воспроизводится независимо от личного контроля.

Лидер работает с системами. Управленец – с людьми. Это разные роли.

IV. Враг №1 – самодовольство после успеха

В статье «Головокружение от успехов» Сталин предупреждает:

«Когда кружится голова от успехов – теряется чувство меры. А это убивает движение».

Мой вывод:

- Цель не в признании, а в преобразовании – среды, институций, мышления.
- Когда ты говоришь себе «у нас уже есть структура, клиенты, бренд» – ты переходишь из роли создателя в роль хранителя.
- Каждый успех – это вызов нового уровня сложности.

Твори – или охраняй. Одновременно невозможно.

V. Адаптивная критика – признак зрелости

Сталин позволял себе критиковать даже Энгельса – без панибратства, но точно. Он ставил стратегию выше авторитета.

Мой вывод:

- Настоящее лидерство требует способности критиковать даже собственные лучшие решения.
- Авторитет не абсолютен – он инструмент, не цель.
- Сила – в способности изменить мнение без потери достоинства.

Рост начинается с умения отказаться от удобного.

VI. Кризис – не враг. Это тест системы

Сталин сказал о войне:

«Она сняла покровы. Она показала, кто есть кто. Это лучше любой теории».

Мой вывод:

- Кризисы – это не сбои. Это экзамены на зрелость архитектуры.
- Неудачи вскрывают, где нет стандарта, где иллюзия контроля, где слабое звено.
- Каждый сбой – шанс перестроить, укрепить, научить видеть структуру.

Не бойся краха – бойся системы, которая боится учиться.

VII. Планируй в горизонте трёх-четырёх пятилеток

После войны Сталин не отдыхал. Он формулировал цель:

«Три пятилетки – 50 миллионов тонн стали – гарантия от внешней угрозы».

А я спрашиваю себя:

- Где будет моя идея, моя институциональная модель через 10–15 лет?
- Будет ли это только научная школа, или уже образовательная платформа, медиасреда, культурная экосистема?
- Что останется после меня – тексты или система, способная действовать дальше?

Тот, кто не мыслит горизонтом 15 лет, будет жить по чужому сценарию.

Финал: Смысл лидерства – в архитектуре будущего

Я не стремлюсь к статусу. Я стремлюсь к пониманию.

Лидерство – это не про власть. Это про форму мышления.

Про способность видеть структуру там, где другие видят задачи.

Про желание строить не «под себя», а на поколение вперёд.

Мышление как государство.

Действие как система.

Цель – как цивилизация.

Вот формула лидерства, которая мне близка.

Урок Иосифа Сталина: как сохранить Русское (Российское) государство в 21-ом столетии

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали
(Саидов Зафар Шералиевич), заведующий отделом
СНГ Института изучения проблем стран Азии и
Европы Национальной академии наук Таджикистана,
доктор исторических наук*

Революция, прерванная сверху: Сталин, хрущёвская контрреволюция и забвение идеи Русского государства

I. Рухнул не сталинский СССР, а его хрущёвское извращение

Крах Советского Союза в 1991 году принято воспринимать как закономерный итог якобы изначально порочной системы. Однако эта трактовка опирается на фальсифицированный образ «сталинского режима», навязанный именно в хрущёвскую эпоху. На деле же сталинский СССР погиб не в 1991-м, а был постепенно демонтирован после 1953 года – руками его собственных преемников.

Иосиф Сталин построил централизованное, мобилизационное государство, опирающееся на:

- полную национализацию власти и собственности,
- высочайшую кадровую дисциплину,

- стратегическую автономию в отношениях с Западом.

Эти характеристики были несовместимы с новой бюрократической элитой, пришедшей к власти после смерти (гибели) Иосифа Виссарионовича Сталина. Система, обеспечившая победу в Великой Отечественной войне СССР, ядерный щит и индустриализацию, была объявлена «избыточной», «репрессивной» и «негуманной». Так началась постепенная демонстрационная перестройка страны «сверху», вершиной которой стали горбачёвская перестройка и развал СССР.

II. Хрущёвская «десталинизация» как контрреволюция «бонз»

В 1953–1958 годах в СССР произошёл настоящий внутривластный переворот, последствия которого мы ощущаем до сих пор. Он не сопровождался войнами и переворотами в классическом смысле, но его эффект был разрушительным: изменился не только кадровый состав власти, но и сама логика управления государством.

Кто были «бонзы»?

«Бонзами» стали руководящие работники партийных, хозяйственных, культурных и силовых структур, для которых сталинская система была невыносимо жёсткой:

- она требовала результатов, а не лояльности;
- она реально наказывала за коррупцию, безделье и расточительство;

- она не позволяла конвертировать власть в привилегии.

После 5 марта 1953 года именно эти силы начали создавать «удобное» государство – без риска, без мобилизации, но с гарантированной вертикалью кормления.

Система Сталина была справедливой?

Да – в своей логике. Она была не либеральной, но глубоко социальной:

- Реальное народовластие через Советы рабочих и крестьян (до войны);
- Система «социальных лифтов» – рабочие и крестьяне могли стать министрами и маршалами;
- Разгром спекулянтов, воров, карьеристов, идеологических двурушников.

В этом контексте Никита Хрущёв был не реформатором, а фронтменом контрреволюции, от имени «бонз» демонтировавшим живую структуру управления и заменив её на кланово-институциональную бюрократию.

III. Историческая миссия Сталина – и забвение как форма национального суицида

Почему сегодня в России память о Сталине возвращается?

Потому что реальность снова требует мобилизационной, справедливой и ответственной модели Российского государства. Сегодня, как и в 1930-е годы, Россия окружена внешними вызовами, а внутри столкнулась с:

- демографическим кризисом,

- фрагментацией управленческой системы,
- отсутствием стратегического вектора развития.

Сталин – не прошлое, а модель будущего, когда речь идёт не о форме, а о содержании:

- Приоритет общего над частным;
- Централизация в условиях угрозы;
- Контроль элиты снизу, а не наоборот.

Память о Сталине = Память о государственности

Сегодняшнее ниспровержение памяти о Сталине – это не просто ревизия истории, а удар по самой концепции Русского государства, как суверенного, соборного, самодостаточного организма. Без Сталина невозможно:

- ни понимание Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза,
- ни суть индустриализации в СССР,
- ни сущность русской цивилизации XX века.

Отказ от Сталина – это отказ от государственного мышления, и в этом отказе коренится деградация всего постсоветского пространства, от коррупции до утраты смыслов.

Заключение: Время возвращать не мифы, а реальность

Россиянам предстоит не романтизация Сталина, а возврат к стратегическим принципам государственности, выработанным в его эпоху:

- национальный суверенитет;
- кадровая ответственность;
- общественный контроль над элитами;
- стратегическое планирование.

Это вопрос не ностальгии, а национального выживания. Рухнул не сталинский СССР – рухнул эксперимент по его демонтажу. И сегодня – в XXI веке – этот урок требует не умолчания, а осмысления и действия.

Сталин против системы: кто на самом деле разрушил СССР

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали
(Саидов Зафар Шералиевич), заведующий отделом
СНГ Института изучения проблем стран Азии и
Европы Национальной академии наук Таджикистана,
доктор исторических наук*

Данная статья посвящена переосмыслению исторической роли Иосифа Виссарионовича Сталина в контексте крушения Советского Союза. Цель – показать, что крах СССР в 1991 году был результатом не «сталинской репрессивности», а деструктивного хрущёвского курса, подорвавшего устойчивую мобилизационную модель, выстроенную Сталиным.

I. Рухнул не сталинский СССР, а его хрущёвское извращение

Развал СССР в 1991 году стал не следствием «перегрузки» сталинской модели, а итогом деградации государственной системы, начавшейся после смерти Сталина. Как отмечал талантливый российский историк Ю.В. Емельянов, «после 1953 года началось планомерное уничтожение всех опорных узлов сталинской системы – от репрессивных структур до кадровой вертикали» [1].

II. Хрущёвская десталинизация – внутренняя контрреволюция

Согласно исследованиям видного российского учёного и мыслителя Андрея Ильича Фурсова, ключевым актором «десталинизации» стало бюрократическое сословие, стремившееся избавиться от контроля снизу. «Бюрократия хотела не служить, а владеть» [2]. Именно поэтому Иосиф Сталин в последние годы жизни настаивал на усилении партийного контроля над аппаратом, публично критикуя «перерождение номенклатуры» [3].

III. Миссия Сталина и кризис идентичности

Известный российский учёный-экономист и историк В.Ю. Катасонов подчёркивает, что «Сталин построил не только государство, но и цивилизационный проект», в основе которого лежали идеи справедливости, развития и коллективного воспитания элит [4]. Сегодняшняя демонизация Сталина – это, по сути, отказ от идеи русской государственности в её современной форме.

IV. Современная актуальность Сталина

Растущий интерес к фигуре Сталина – не прихоть, а результат запроса на порядок, справедливость и стратегическую субъектность. Согласно опросам ВЦИОМ, с 2001 по 2021 год доля положительных оценок Сталина выросла с 27% до 70% [5]. Это отражает кризис легитимности нынешних российских элит и усталость от либеральной антиисторической повестки.

У. Заключение

Сталинская система была попыткой реализовать форму «ответственной модернизации» – стратегической, мобилизационной, антиолигархической. Её крах стал не следствием внутренних противоречий, а результатом сознательного демонтажа после 1953 года. Сегодняшнее восстановление памяти о Сталине – это не романтизация, а политический и государственный инстинкт самосохранения.

Примечания

- [1] Емельянов Ю.В. Кто разрушил СССР? – М.: Книжный мир, 2015.
- [2] Фурсов А.И. Сталин и советская номенклатура // Погружение в историю.– 2020.
- [3] Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР.– М.: Госполитиздат, 1952.
- [4] Катасонов В.Ю. Советская модель: между религией и стратегией. – М.: Концепт, 2019.
- [5] ВЦИОМ. Динамика отношения к Сталину в России (2001–2021 гг.) – <https://wciom.ru>

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ – не просто
технологический прогресс,
а новая архитектура государства, труда
и общения
(О вызовах, рисках и стратегических
ориентирах цифровизации
в Республике Таджикистан с учётом
международного опыта)**

*Автор: Сайидзода Зафар Шерали, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

1. Введение: цифровая трансформация – необходимость, требующая стратегического управления

В XXI веке цифровизация стала неотъемлемым элементом национального развития, определяющим темпы роста экономики, качество государственного управления и благосостояние граждан. Под мудрым и дальновидным руководством Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона в нашей стране реализуется Стратегия цифровой экономики до 2040 года, инициируются проекты по созданию e-Gov, развиваются цифровые удостоверения, дата-центры и ИКТ-инфраструктура.

Однако цифровизация – это не только возможности, но и комплексные риски, затрагивающие безопасность, суверенитет, права человека и устойчивость

общества. Поэтому данный процесс требует юридической, экономической и социальной осознанности, долгосрочной архитектуры и жёсткой защиты интересов Республики Таджикистан.

2. Правовой аспект: укрепление цифрового суверенитета и прав граждан

Проблемы:

- Правовой вакуум. В Таджикистане отсутствует системное регулирование в сферах:
- цифровой идентичности;
- защиты персональных данных;
- автоматических решений алгоритмов;
- гражданских прав в цифровой среде.
- Отсутствие института цифровой ответственности. Государственные органы, частные платформы и иностранные провайдеры де-факто действуют вне единой правовой рамки.

Риски:

- Утечка, сбор и использование персональных данных граждан третьими лицами;
- Рост мошенничества (пример России – 564 тыс. киберпреступлений за 2024 г.);
- Потенциальный переход к «социальному рейтингу» (аналог Китая) без правовых ограничений.

Решения:

- Принять Закон «О цифровых правах граждан Республики Таджикистан», закрепляющий:
- право на управление личными данными;
- запрет дискриминации по цифровым критериям;

- доступ к механизмам обжалования цифровых решений.
- Создать Центр кибербезопасности при Совете безопасности Республики Таджикистан, с полномочиями по защите критической инфраструктуры.
- Разработать Этический кодекс цифрового управления, обязательный для всех ведомств.

3. **Экономический аспект:** цифровая экономика как двигатель роста

Текущая ситуация:

- Цифровая экономика пока формирует менее 3% ВВП Таджикистана;
- Инфраструктура – фрагментарна, охватывает в основном город Душанбе и областные центры;
- Отечественные IT-компании слабо защищены и малочисленны.

Угрозы:

- Цифровой колониализм: зависимость от иностранных платформ и технологий;
- Утечка данных и капитала – на внешние облака, хранилища, сервисы;
- Утрата способности развивать собственные цифровые продукты и экспортировать их.

Примеры успешных стран:

- Сингапур: все госданные и цифровая инфраструктура – на суверенных платформах, под контролем государства.
- Эстония: экспортирует цифровые решения (e-Gov, e-ID), зарабатывая миллионы евро.

- ОАЭ: ввело министерство ИИ, привлекло ИТ-компании через налоговые льготы и инфраструктуру.

Решения:

- Учредить Государственный инвестиционный фонд цифровой экономики, финансирующий:
 - стартапы;
 - дата-центры;
 - кластеры по разработке отечественного ПО.
- Ввести налоговые и регуляторные преференции для ИТ-компаний, работающих в приоритетных направлениях (кибербезопасность, EdTech, GovTech).
- Запустить программу «1 000 ИТ-предпринимателей до 2030 года» – с акселерацией, грантами и экспортной поддержкой.

4. **Социальный аспект:** цифровизация как фактор социальной справедливости и развития личности

Вызовы:

- Более 30% населения, особенно в горных регионах, не имеют доступа к стабильному интернету;
- Цифровые сервисы недоступны для пожилых, людей с инвалидностью, малообеспеченных;
- Автоматизация угрожает рабочим местам в традиционных отраслях (бухгалтерия, транспорт, кассы).

Последствия при недоконтроле:

- Углубление социального неравенства;
- Рост цифровой неграмотности и отчуждённости;

- Снижение доверия к государству, если цифровые платформы будут восприниматься как недоступные и репрессивные.

Решения:

- Принять и реализовать Программу «Цифровое равенство»:
- интернет в каждую школу, хозцентр, библиотеку;
- субсидированные мобильные пакеты для малоимущих;
- обязательные «пункты цифровой помощи» в Хукуматах.
- Ввести предмет «Цифровая грамотность и безопасность» в школы с 5 класса;
- Организовать переподготовку сотрудников, чьи профессии под угрозой (в сотрудничестве с университетами и международными донорами).

5. Институциональные меры и управление цифровой трансформацией.

Предлагается:

1. Создать Национальный стратегический совет по цифровой трансформации при Президенте Республики Таджикистан.

2. Провести в 2026 году Национальный форум «Цифровой Таджикистан: суверенитет, безопасность, развитие».

3. Утвердить Концепцию цифровой идентичности Таджикистана, в которой цифровая трансформация подчинена интересам человека, общества и государства.

6. **Заключение:** цифровизация – не цель, а инструмент развития.

Цифровизация – не просто технологический прогресс. Это новая архитектура государства, труда и общения. Она может стать средством:

- консолидации нации;
- раскрытия человеческого потенциала;
- роста экономики и международной конкурентоспособности.

Но она может также:

- усилить неравенство;
- разрушить устои общества;
- подорвать доверие к институтам.

Под мудрым и дальновидным руководством Главы государства, Лидера нации Эмомали Рахмона Таджикистан может выстроить уникальную модель «этичной цифровой нации», где технологии служат обществу, а не заменяют его.

Цифровая трансформация как платформа стратегического партнёрства Республики Таджикистан и Российской Федерации

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем стран
Азии и Европы Национальной академии наук
Таджикистана, доктор исторических наук*

Визит с прицелом на будущее

4 июня 2025 года Президент Республики Таджикистан, Лидер нации Эмомали Рахмон принял председателя Правительства Российской Федерации Михаила Мишустина, прибывшего в город Душанбе для участия в заседании Совета глав правительств стран-участниц СНГ. Внимание было сфокусировано на теме относительно практической реализации договорённостей, достигнутых в ходе официального визита Президента Республики Таджикистан в Российскую Федерацию в марте 2025 года, и подписанных тогда документов. Обмен мнениями и оценками охватил вопросы развития и укрепления взаимовыгодного сотрудничества по линии торговли, инвестиций, энергетики, промышленности, цифровизации, сельского хозяйства, транспорта и логистики. Развитие, расширение и углубление сотрудничества в сфере науки и образования, здравоохранения, культуры и спорта были названы актуальными векторами таджикско-российских отношений. Эмомали Рахмон и

Михаил Мишустин выразили удовлетворение организационным и морально-политическим уровнем проведения Дней культуры Республики Таджикистан в Российской Федерации. Состоялся также предметный и заинтересованный обмен мнениями по повестке дня заседания Совета глав правительств стран-участниц Содружества Независимых Государств и приоритетам председательства Республики Таджикистан в этом межгосударственном интеграционном объединении.

Визит председателя Правительства Российской Федерации Михаила Мишустина в Республику Таджикистан (4-5 июня 2025 года) – это не только символ укрепляющихся стратегически-партнёрских и союзнических отношений, но и платформа для стратегического обсуждения будущего.

Одним из ключевых направлений повестки становится цифровая трансформация – неотъемлемая часть национальных и наднациональных моделей развития в XXI веке.

Россия и Таджикистан – участники Содружества Независимых Государств, и именно цифровая экономика становится новой сферой, где возможно глубокое интеграционное взаимодействие. Речь идёт уже не только о торговле, энергетике и миграции, но и о совместном строительстве цифрового суверенитета.

Цифровая экономика России: от стратегии к экосистеме

Цифровая трансформация экономики России опирается на целый ряд стратегических инициатив:

– Указ Президента РФ от 2017 года «О Стратегии развития информационного общества» и программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвердившая нормативную и инвестиционную базу на период до 2024 года.

– Бюджет программы превысил 1,6 трлн. рублей, что позволило создать масштабную ИТ-инфраструктуру: от центров обработки данных до цифровых платформ в образовании, здравоохранении и госуслугах.

– На рынке сегодня активно действуют экосистемы федерального масштаба: Wildberries, Ozon, «Яндекс», «Сбер», «Госуслуги», «Кинопоиск», «ВКонтакте» и другие.

К 2024 году через портал «Госуслуги» было подано более 660 млн заявлений, совершено 154 млн оплат, оформлено 60 млн полисов ОМС.

Цифровой путь Таджикистана: вызовы и амбиции

Таджикистан также обозначил цифровизацию как приоритет государственной политики:

– В 2023 году утверждена Национальная стратегия цифровой экономики до 2040 года.

– Идёт строительство национального дата-центра в городе Душанбе, внедряются электронные ID и государственные цифровые платформы.

– Ведущие университеты страны создают ИТ-центры, развиваются технопарки и программы стажировок.

Таджикистан принимает участие в Межгосударственном совете по цифровому развитию СНГ и в

реализации Концепции цифровой трансформации до 2030 года.

Синергия и потенциал: от обмена опытом к совместным платформам

Сегодня Россия и Таджикистан располагают всем необходимым для перехода от консультаций к совместным цифровым проектам:

- Локализация российских цифровых сервисов в Таджикистане.
- Развитие маркетплейсов и финтех-платформ.
- Кооперация в сфере кибербезопасности.
- Интеграция цифровых идентификаторов и электронных подписей.

Цифровое партнёрство как инвестиция в устойчивость региона

Цифровизация – это не просто технологическое обновление. Это способ:

- Повысить эффективность государственного управления;
- Ускорить развитие предпринимательства и ИТ-индустрии;
- Сократить цифровое неравенство;
- Повысить глобальную конкурентоспособность.

Заключение: от визита к долгосрочной цифровой оси

Визит Михаила Мишустина должен стать стартом долгосрочной цифровой кооперации. Следует инициировать:

- Формирование двусторонней рабочей группы;
- Подписание меморандума о передаче российских платформ;
- Запуск совместных ИТ-инкубаторов.

Цифровая трансформация – это территория будущего. И тот, кто закладывает фундамент сегодня, получит преимущество завтра.

Мир – это суть нашей истории (К 28-й годовщине Дня национального единства в Таджикистане)

*Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий
отделом СНГ Института изучения проблем Азии и
Европы Национальной академии наук Таджикистана,
доктор исторических наук*

27 июня Таджикистан отмечает День национального единства – день, когда завершилась гражданская война 1990-ых годов и началась эпоха созидания. Эта статья предлагает не только исторический обзор, но и призыв к личному осмыслению: как сохранить мир, который стал возможен, главным образом, благодаря усилиям Главы государства, Лидера нации Эмомали Рахмона и жертвенности тысяч наших соотечественников.

История, выстраданная ради будущего

Обретение Таджикистаном статуса союзной республики в составе СССР в 1929 году – первый шаг к современной суверенной государственности. Этот исторический акт стал символом возрождения таджикской нации после многовекового забвения. Однако настоящая проверка на зрелость пришла на конец XX века – время, когда страна обрела государственную независимость, но оказалась на грани распада.

Вспомним: гражданская война, унёсшая десятки тысяч жизней, могла полностью уничтожить основы

таджикской государственности. Но этого не произошло. С первых дней государственного руководства и президентства Эмомали Рахмон сделал ключевым приоритетом одно слово – мир. Не просто как цель, но как государственную философию, как ценностный фундамент.

«Мир – это суть нашей истории. Это – базис прогресса, без которого невозможны ни развитие, ни благополучие», – подчёркивает Президент Республики Таджикистан, Лидер нации Эмомали Рахмон.

Мир – не подарок, а результат политического мужества

Процесс национального примирения был сложным. Это были не только официальные переговоры. Это были тайные встречи, прямые диалоги с радикальными элементами, колоссальная дипломатическая и человеческая работа. Важнейшая роль здесь принадлежала именно Эмомали Рахмону, который не только проявил политическое мужество, но и сумел вселить веру в возможность мира.

Этот исторический путь требует не только уважения, но и осмысления. Мир не даётся навсегда – он нуждается в защите, обновлении, личной ответственности каждого.

Урок 1990-х: преступность не может заменить государство

Одновременно с примирением шла бескомпромиссная борьба с преступностью. В 1990-х годах крими-

нальные группировки стремились подменить собой государство, вмешиваясь в экономику, политику, органы власти. Руководство страны, ведомое Президентом республики, нанесло по ним системный удар, очистив государственные структуры от деструктивных элементов.

«Мир невозможен без закона, как единство – без справедливости.»

Подвиг ради мира: не забыть и не предать

Мир был завоёван ценой жизнью. Сотни офицеров, солдат, сотрудников правоохранительных органов и сферы национальной безопасности отдали свою жизнь, защищая будущее Таджикистана. Их подвиг – не просто память, а основа гражданской нравственности.

Каждый гражданин сегодня должен задать себе вопрос: а какую цену я сам готов заплатить за сохранение мира и согласия?

Сегодня: вызовы нового времени

Мир установлен. Государство стабилизировано. Но вызовы не исчезли:

- информационные и идеологические атаки,
- попытки навязать чуждые ценности,
- экономические и геополитические риски,
- необходимость цифровой трансформации,
- воспитание нового поколения – носителя национальной идеи.

Эти задачи невозможно решить без сохранения национального единства и постоянного обновления духовных основ общества.

Единство – не риторика, а ежедневная практика

Единство – не абстрактное понятие. Это образ жизни. Это – уважение, терпимость, диалог. Это – умение ценить общий дом и общее будущее.

Сегодня перед каждым из нас стоит вызов: внести личный вклад в сохранение мира, не стать равнодушным, не превратиться в стороннего наблюдателя.

«Обеспечение мира – труднейшая задача, но и самая благородная. Её может выполнить только зрелое, ответственное общество», – подчёркивает Эмомали Рахмон.

Заключение: день, когда нужно не праздновать, а размышлять

27 июня – это не просто праздник. Это – экзамен на зрелость. День, когда мы не только чествуем прошлое, но и задаём себе вопрос: что я делаю сегодня, чтобы не повторилось то, что было вчера?

Становится ли моя жизнь вкладом в мир или – поводом для разделения?

Пусть память о великой победе над хаосом, одержанной при существенном содействии России и других стран-гарантов из Контактной группы, станет для нас не рутиной, а живым огнём, освещающим путь.

Мир – не фон. Мир – это суть нашей истории.

Правильное понимание джихада как духовный и интеллектуальный щит против экстремизма и терроризма

Автор: Зафар Шерали Сайидзода, заведующий отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук

В последние десятилетия исламская умма столкнулась с одной из самых опасных форм внутренней угрозы – идеологическим искажением понятий веры. Среди этих понятий особенно грубо и преступно манипулируется термин «джихад». Под прикрытием священных слов экстремистские и террористические группировки совершают акты насилия, принося не только человеческие жертвы, но и нанося невосполнимый урон репутации Ислама.

Джихад: Богословское и правовое определение

Слово «джихад» (الجهاد) происходит от арабского корня ج-ه-د, означающего «прилагать максимальные усилия», «бороться с трудностями», «стараться» (Ибн Манзур, «Лисан аль-Араб»).

В исламской правовой традиции джихад подразделяется на две основные категории:

1. Большой джихад (Аль-джихад аль-акбар)

Это внутренняя борьба человека с собственными страстями («нафсом», моральной слабостью, духовной инертностью. Основой для этого понимания служит хадис последнего Божественного Посланника, Пророка Мухаммада, переданный аль-Байхаки:

«Мы вернулись с малого джихада к большому джихаду – борьбе с нафсом».

2. Малый джихад (Аль-джихад аль-асгар)

Это военная защита мусульманской уммы от внешней агрессии. Однако и эта форма строго ограничена следующими условиями:

- Наличие явной угрозы со стороны агрессора.
- Официальное решение легитимной исламской власти (Имам аль-умма).
- Соблюдение принципов справедливости, гуманности и максимальной минимизации насилия.

Имам аш-Шайбани в своём фундаментальном труде «Китаб ас-Сийар аль-Кабир» подчёркивает:

«Объявление джихада – исключительная прерогатива главы государства».

Коран и Сунна о границах дозволенного в джихаде

1. Запрет на агрессию:

«Сражайтесь с теми, кто сражается с вами, но не преступайте границы дозволенного» (Коран, 2:190).

2. Приоритет мира:

«Если они склонны к миру, то и ты склоняйся к миру» (Коран, 8:61).

3. Свобода вероисповедания:

«Нет принуждения в религии» (Коран, 2:256).

4. Обязанность справедливого отношения к немусульманам:

«Аллах не запрещает вам быть добрыми и справедливыми к тем, кто не сражался с вами» (Коран, 60:8).

Хадисы, опровергающие экстремистские трактовки:

- *«О люди! Не желайте встречи с врагами, просите у Аллаха безопасности» (Сахих аль-Бухари, №2966).*
- *«Сражайтесь с многобожниками своим имуществом, душой и словом» (Сунан Абу Дауда, №2504).*
- *«Если к вам придёт тот, кто призывает к разладу среди вашей общины – убейте его» (Сахих Муслима, №1852).*
- *«В отношении своих родителей и совершай джихад», – сказал Пророк Мухаммад, отвечая на просьбу выйти на джихад без уважительных причин (Сахих аль-Бухари, №3004).*

Таджикистан: уроки прошлого и борьба за будущее

Для Республики Таджикистан, пережившей трагедию гражданской войны 1990-х годов, тема правильного понимания джихада имеет особую актуальность.

Разрушительные последствия внутреннего конфликта, когда религиозная риторика использовалась в политических целях, до сих пор остаются болезненной страницей в истории страны.

Сегодня Республика Таджикистан прилагает огромные усилия для предотвращения радикализации молодёжи. В рамках государственной политики активно реализуются образовательные, профилактические и информационные программы, направленные на формирование у молодёжи критического мышления и духовного иммунитета против экстремизма.

Президент Республики Таджикистан, Лидер нации Эмомали Рахмон неоднократно подчёркивал:

«Борьба с терроризмом и экстремизмом – это, прежде всего, борьба за умы и сердца молодёжи».

В этой борьбе ключевую роль играет разъяснение истинного смысла таких понятий, как «джихад», «умма», «милость», «справедливость». Только глубокое богословское просвещение способно остановить распространение радикальных идей среди молодых людей.

Современный джихад: знание, духовность и социальная ответственность

В условиях XXI века основные формы джихада для мусульман – это:

- Духовная борьба с собственными недостатками.
- Интеллектуальная борьба с идеологическими искажениями.
- Социальная ответственность: помощь нуждающимся, забота о справедливости, поддержка мира и стабильности.

Как отмечает современный исламский учёный Вахба аз-Зухайли («Ат-Тафсир аль-Мунир»), *«сегодняшний джихад – это борьба словом, знанием и нравственным примером»*.

Заключение: Истинный джихад – путь к миру и просвещению

Экстремизм и терроризм, совершаемые под ложным знаменем джихада, – это вызов всей мусульманской умме, всему человечеству. Ответ на этот вызов – возвращение к подлинным исламским источникам, распространение просвещения, духовной зрелости и социальной ответственности.

Джихад – это не война против мира.

Это война против невежества, зла и собственной слабости.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иосиф Виссарионович Сталин

К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов (1923 г.)

Основой настоящей статьи послужили лекции «О стратегии и тактике русских коммунистов», читанные мною в разное время в рабочем клубе Пресненского района и во фракции коммунистов Свердловского университета. Я решился выпустить её в свет не только потому, что считаю себя обязанным пойти навстречу желанию пресненцев и свердловцев, но и потому, что сама статья кажется мне не бесполезной для нового поколения наших партийных работников. Считаю нужным, однако, оговориться, что статья эта не имеет претензии дать что-либо новое по существу в сравнении с тем, что уже сказано несколько раз в русской партийной прессе нашими руководящими товарищами. Настоящая статья должна быть рассматриваема как сжатое и схематическое изложение основных взглядов тов. Ленина.

I. Предварительные понятия

1. Две стороны рабочего движения

Политическая стратегия так же, как и тактика, имеет дело с рабочим движением. Но само рабочее движение состоит из двух элементов: элемента объективного или стихийного и элемента субъективного или сознательного. Элемент объективный,

стихийный – это та группа процессов, которые происходят независимо от сознательной и регулирующей воли пролетариата. Экономическое развитие страны, развитие капитализма, развал старой власти, стихийные движения пролетариата и окружающих его классов, столкновения классов и пр.– все это такие явления, развитие которых от воли пролетариата не зависит, это – объективная сторона движения. Стратегии нечего делать с этими процессами, ибо она не может ни отменить их, ни изменить, она может лишь считаться с ними и исходить из них. Это область, подлежащая изучению теории марксизма и программы марксизма.

Но движение имеет ещё субъективную, сознательную сторону. Субъективная сторона движения – это отражение в головах рабочих стихийных процессов движения, это сознательное и планомерное движение пролетариата к определённой цели. Эта сторона движения тем, собственно, и интересна для нас, что она, в отличие от объективной стороны движения, подлежит целиком направляющему воздействию стратегии и тактики. Если стратегия не в силах изменить что-либо в ходе объективных процессов движения, то здесь, в области субъективной, сознательной стороны движения, наоборот, поле применения стратегии широко и разнообразно, ибо она, стратегия, может ускорить или замедлить движение, направить по кратчайшему пути или совлечь его на путь более тяжёлый и болезненный, в зависимости от совершенств или недостатков самой стратегии.

Ускорить или замедлить движение, облегчить или затормозить его, – таковы область и пределы применения политической стратегии и тактики.

2. Теория и программа марксизма

Стратегия не занимается сама изучением объективных процессов движения. Тем не менее она обязана их знать и правильно их учитывать, если не хочет допустить грубейших и пагубных ошибок в деле руководства движением. Изучением объективных процессов движения занимается, прежде всего, теория марксизма, а потом и программа марксизма. Поэтому стратегия должна целиком опираться на данные теории и программы марксизма.

Теория марксизма, изучая объективные процессы капитализма в их развитии и отмирании, приходит к выводу о неизбежности падения буржуазии и захвата власти пролетариатом, о неизбежности замены капитализма социализмом. Пролетарская стратегия может быть названа действительно марксистской лишь в том случае, если в основу её работы будет положен этот основной вывод теории марксизма.

Программа марксизма, исходя из данных теории, определяет цели пролетарского движения, научно сформулированные в пунктах программы. Программа может быть рассчитана либо на весь период капиталистического развития, имея в виду низвержение капитализма и организацию социалистического производства, либо на одну определённую фазу в развитии капитализма, например, на низвержение остатков феодально-абсолютистского строя и создание условий

свободного развития капитализма. В зависимости от этого программа может состоять из двух частей: максимальной и минимальной. Само собой понятно, что стратегия, рассчитанная на минимальную часть программы, не может не отличаться от стратегии, рассчитанной на максимальную её часть, причём стратегия может быть названа действительно марксистской лишь в том случае, если она руководствуется в своей работе целями движения, сформулированными в программе марксизма.

3. Стратегия

Важнейшей задачей стратегии является определение того основного направления, по которому должно пойти движение рабочего класса и на котором выгоднее всего для пролетариата нанести противнику основной удар для достижения целей, поставленных программой. План стратегии – это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов.

Основные черты политической стратегии можно было бы обрисовать без особого труда, прибегнув к аналогии с военной стратегией, например, в период гражданской войны, во время борьбы с Деникиным. Все помнят конец 1919 года, когда Деникин стоял под Тулой. В это время разыгрались интересные споры среди военных по вопросам о том, откуда следовало бы нанести решающий удар армиям Деникина. Одни военные предлагали избрать основным направлением удара линию Царицын – Новороссийск. Другие, наоборот, предлагали повести решающий удар по

линии Воронеж – Ростов, с тем, чтобы, пройдя эту линию и разбив, таким образом, на две части армии Деникина, потом расколотить их поодиночке. Первый план имел, несомненно, свою положительную сторону в том смысле, что он, рассчитывая на взятие Новороссийска, тем самым отрезал армиям Деникина путь к отступлению. Но он был, с одной стороны, невыгоден, ибо предполагал наше продвижение по районам (Донская область), враждебным Советской власти, и требовал, таким образом, крупных жертв; с другой стороны, он был опасен, ибо открывал армиям Деникина дорогу на Москву через Тулу, Серпухов. Второй план основного удара был единственно правилен, ибо он, с одной стороны, предполагал продвижение нашей основной группы по районам (Воронежская губерния – Донбасс), сочувствующим Советской власти, и ввиду этого не требовал особых жертв; с другой стороны, он расстраивал действия основной группы войск Деникина, шедших на Москву. Большинство военных высказалось за второй план и этим была определена судьба войны с Деникиным.

Иначе говоря: определить направление основного удара – это значит предрешить характер операций на весь период войны, предрешить, стало быть, на 9/10 судьбу всей войны. В этом задача стратегии.

То же самое нужно сказать о стратегии политической. Первое серьёзное столкновение между политическими руководителями российского пролетариата по вопросу об основном направлении пролетарского движения имело место в начале девятисотых годов, во время русско-японской войны. Как известно, одна часть нашей партии (меньшеви-

ки) держалась тогда того взгляда, что основное направление движения пролетариата в его борьбе с царизмом должно пойти по линии блока между пролетариатом и либеральной буржуазией, причём крестьянство, как важнейший революционный фактор, исключалось, или почти исключалось, из плана, а либеральной буржуазии предоставлялась руководящая роль в общереволюционном движении. Другая часть партии (большевики), наоборот, утверждала, что основной удар должен пойти по линии блока пролетариата и крестьянства, причём роль руководителя общереволюционного движения должна быть предоставлена пролетариату, а либеральная буржуазия должна быть нейтрализована.

Если по аналогии с войной с Деникиным изобразить все наше революционное движение с девятисотых годов до февральской революции 1917 года как войну рабочих и крестьян против царизма и помещиков, то ясно, что от принятия того или иного стратегического плана (меньшевистского, или большевистского), от принятия того или иного основного направления революционного движения зависела во многом судьба царизма в помещиков.

Как во время войны с Деникиным военная стратегия, наметив основное направление удара, тем самым на 9/10 определила характер всех дальнейших операций, вплоть до ликвидации Деникина, так и здесь, в области революционной борьбы с царизмом, наша политическая стратегия, наметив основное направление революционного движения в духе большевистского плана, тем самым определила характер работы нашей партии за весь период открытой борьбы с

царизмом со времён русско-японской войны до февральской революции 1917 года.

Задача политической стратегии состоит, прежде всего, в том, чтобы, исходя из данных теории и программы марксизма и учитывая опыт революционной борьбы рабочих всех стран, правильно определить основное направление пролетарского движения данной страны для данного исторического периода.

4. Тактика

Тактика есть часть стратегии, ей подчинённая, её обслуживающая. Тактика имеет дело не с войной в целом, а с её отдельными эпизодами, с боями, с сражениями. Если стратегия старается выиграть войну, или довести до конца, скажем, борьбу с царизмом, то тактика, наоборот, стремится выиграть те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, более или менее соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент.

Важнейшей задачей тактики является определение тех путей и средств, тех форм и способов борьбы, которые более всего соответствуют конкретной обстановке в данный момент и вернее всего подготовляют стратегический успех. Поэтому действия тактики, их результаты должны быть расцениваемы не сами по себе, не с точки зрения непосредственного эффекта, а с точки зрения задач и возможностей стратегии.

Бывают моменты, когда тактические успехи облегчают проведение стратегических задач. Так обстояло дело, например, на денкикинском фронте в конце 1919

года при освобождении нашими войсками Орла и Воронежа, когда успехи нашей кавалерии под Воронежем и пехоты под Орлом создали обстановку, благоприятную для удара на Ростов. Так обстояло дело в августе 1917 года в России, когда переход Петроградского и Московского Советов на сторону большевиков создал новую политическую обстановку, облегчившую впоследствии октябрьский удар нашей партии.

Бывают и такие моменты, когда тактические успехи, блестящие по своему непосредственному эффекту, но не соответствующие стратегическим возможностям, создают «неожиданную» обстановку, губительную для всей кампании. Так обстояло дело с Деникиным в конце 1919 года, когда он, увлечённый лёгким успехом быстрого и эффектного продвижения на Москву, растянул свой фронт от Волги до Днепра и подготовил тем самым гибель своих армий. Так обстояло дело в 1920 году во время войны с поляками, когда мы, недооценив силу национального момента в Польше и увлечшись лёгким успехом эффектного продвижения вперёд, взяли на себя непосильную задачу прорыва в Европу через Варшаву, сплотили против советских войск громадное большинство польского населения и создали, таким образом, обстановку, аннулировавшую успехи советских войск под Минском и Житомиром и подорвавшую престиж Советской власти на Западе.

Наконец, бывают ещё моменты, когда приходится пренебречь тактическим успехом, сознательно пойти на тактические минусы и проигрыши для того, чтобы обеспечить за собой в будущем стратегические плюсы. Так бывает нередко на войне, когда одна сторона,

желая спасти кадры своих войск и вывести их из-под удара превосходных сил противника, начинает планомерное отступление и сдаёт без боя целые города и области для того, чтобы выиграть время и собраться с силами для новых решительных боев в будущем. Так обстояло дело в России в 1918 году во время германского наступления, когда наша партия вынуждена была пойти на Брестский мир, представляющий громадный минус с точки зрения непосредственного политического эффекта в тот момент, для того, чтобы сохранить союз с крестьянством, жаждавшим мира, заполучить передышку, создать новую армию и обеспечить, таким образом, в будущем плюсы стратегические.

Иначе говоря: тактика не может подчинить себя проходящим интересам минуты, она не должна руководствоваться соображениями непосредственного политического эффекта, она тем более не должна отрываться от земли и строить воздушные замки, — тактика должна строиться применительно к задачам и возможностям стратегии.

Задача тактики состоит, прежде всего, в том, чтобы, руководствуясь указаниями стратегии и учитывая опыт революционной борьбы рабочих всех стран, определить формы и способы борьбы, более всего соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент.

5. Формы борьбы

Способы ведения войны, формы войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий

развития, прежде всего в зависимости от развития производства. При Чингис-хане война велась иначе, чем при Наполеоне III, в XX веке ведётся иначе, чем в XIX веке.

Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки.

То же самое нужно сказать о формах борьбы в политической области. Формы борьбы в политической области ещё более разнообразны, чем формы ведения войны. Они меняются в зависимости от развития хозяйства, общественности, культуры, в зависимости от состояния классов, соотношения борющихся сил, характера власти, наконец, в зависимости от международных отношений и пр. Нелегальная форма борьбы при абсолютизме, связанная с частичными забастовками и демонстрациями рабочих; открытая форма борьбы при «легальных возможностях» и массовые политические забастовки рабочих; парламентская форма борьбы, скажем, при Думе и внепарламентское выступление масс, доходящее иногда до вооружённых восстаний; наконец, государственные формы борьбы после взятия власти пролетариатом, когда последний получает возможность обеспечить за собой все государственные средства и силы, вплоть до армии, — таковы в общем формы борьбы, выдвинутые практикой революционной борьбы пролетариата.

Задача партии состоит в том, чтобы овладеть всеми формами борьбы, разумно их сочетать на поле

битвы и умело заострить борьбу на тех её формах, которые особенно целесообразны при данной обстановке.

6. Формы организации

Формы организации армий, роды и виды войск приспособляются обычно к формам и способам ведения войны. С изменением последних меняются первые. При манёвренной войне дело решает часто массовая кавалерия. При позиционной войне, наоборот, кавалерия либо не играет никакой роли, либо – второстепенную роль: тяжёлая артиллерия и авиация, газы и танки решают все.

Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия.

То же самое можно сказать о формах организации в политической области. Здесь, так же как и в военной области, формы организации приспособляются к формам борьбы. Конспиративные организации профессиональных революционеров в эпоху абсолютизма; просветительные, профессиональные, кооперативные и парламентские организации (думская фракция и пр.) в эпоху Думы; фабрично-заводские комитеты, крестьянские комитеты, забастовочные комитеты, советы рабочих и солдатских депутатов, военно-революционные комитеты и широкая пролетарская партия, связывающая все эти формы организаций в период массовых выступлений и восстаний; наконец, государственная форма организации пролетариата в период сосредоточения

власти в руках рабочего класса, – таковы вообще те формы организации, на которые, при известных условиях, может и должен опереться пролетариат в своей борьбе с буржуазией.

Задача партии состоит в том, чтобы овладеть всеми этими формами организации, довести их до совершенства и умело сочетать их работу в каждый данный момент.

7. Лозунг. Директива

Удачно сформулированные решения, отражающие цели войны или отдельного сражения, популярные в войсках, имеют иногда решающее значение на фронте как средство вдохновить армию к действию, поддержать дух и пр. Соответствующие приказы, лозунги или воззвания к войскам имеют для всего хода войны столь же важное значение, как первоклассная тяжёлая артиллерия или первоклассные быстроходные танки.

Ещё большее значение имеют лозунги в политической области, где приходится иметь дело с десятками и сотнями миллионов населения с их разнообразными требованиями и потребностями.

Лозунг есть сжатая и ясная формулировка целей борьбы, ближайших или отдалённых, данная руководящей группой, скажем, пролетариата, его партией. Лозунги бывают различные в зависимости от разнообразия целей борьбы, охватывающих либо целый исторический период, либо отдельные стадии и эпизоды данного исторического периода. Лозунг «долой самодержавие», выдвинутый впервые группой

«Освобождение труда» в восьмидесятих годах прошлого столетия, был лозунгом пропаганды, ибо он имел в виду привлечь на сторону партии единицы и группы наиболее выдержанных и стойких борцов. В период русско-японской войны, когда неустойчивость самодержавия стала для широких слоёв рабочего класса более или менее очевидной, лозунг этот стал лозунгом агитации, ибо он рассчитывал уже на привлечение миллионов трудящихся масс. В период перед февральской революцией 1917 года, когда царизм успел окончательно обанкротиться в глазах масс, лозунг «долой самодержавие» превратился уже из лозунга агитации в лозунг действия, ибо он был рассчитан на то, чтобы двинуть миллионные массы на штурм царизма. В дни февральской революции лозунг этот превратился уже в директиву партии, т.е. в прямой призыв к захвату таких-то учреждений и таких-то пунктов в системе царизма в определённый срок, ибо речь шла уже о том, чтобы свалить царизм, уничтожить его. Директива есть прямой призыв партии к действию тогда-то и там-то, обязательный для всех членов партии и подхватываемый обычно широкими массами трудящихся, если призыв правильно и метко формулирует требования масс, если он действительно назрел.

Смешивать лозунги с директивами, или лозунг агитации с лозунгом действия, столь же опасно, сколь опасны, а иногда и губительны преждевременные или запоздалые выступления. В апреле 1917 года лозунг «Вся власть Советам» был лозунгом агитации. Известная демонстрация в Питере в апреле 1917 года под лозунгом «Вся власть Советам», окружившая тогда

Зимний дворец, была попыткой, попыткой преждевременной и потому гибельной, превратить этот лозунг в лозунг действия. Это был опаснейший образец смешения лозунга агитации с лозунгом действия. Партия была права, осудив инициаторов этой демонстрации, ибо она знала, что условия, необходимые для превращения этого лозунга в лозунг действия, ещё не наступили, что преждевременное выступление пролетариата может привести к разгрому его сил.

С другой стороны, бывают случаи, когда партия становится перед необходимостью «в 24 часа» отменить или изменить уже принятый и назревший лозунг (или директиву) для того, чтобы оградить свои ряды от ловушки, поставленной противником, или временно отложить проведение директивы до более благоприятного момента. Такой случай имел место в Петрограде в июне 1917 года, когда демонстрация рабочих и солдат, тщательно подготовленная и назначенная на 10 июня, была «внезапно» отменена ЦК нашей партии ввиду изменившейся обстановки.

Задача партии состоит в том, чтобы умело и своевременно перевести лозунги агитации в лозунги действия, или лозунги действия – в определённые конкретные директивы, либо, если этого потребует обстановка, проявить необходимую гибкость и решительность для того, чтобы своевременно отменить проведение тех или иных лозунгов, хотя бы и популярных, хотя бы и назревших.

II. Стратегический план

1. Исторические повороты. Стратегические планы

Стратегия партии не представляет чего-либо постоянного, раз навсегда данного. Она меняется в зависимости от исторических поворотов, исторических сдвигов. Изменения эти выражаются в том, что для каждого отдельного исторического поворота вырабатывается отдельный, соответствующий ему, стратегический план, действующий на весь период от одного поворота до другого. Стратегический план содержит в себе определение направления основного удара революционных сил и схему соответствующего размещения миллионных масс на социальном фронте. Естественно, что стратегический план, годный для одного исторического периода, имеющего свои особенности, не может быть годным для другого исторического периода, имеющего совершенно другие особенности. Каждому историческому повороту соответствует необходимый для него и приуроченный к его задачам стратегический план.

То же самое можно сказать в отношении военного дела. Стратегический план, выработанный для войны с Колчаком, не мог быть пригодным для войны с Деникиным, требовавшей нового стратегического плана, в свою очередь не пригодного для войны, скажем, с поляками в 1920 году, ибо как направления основных ударов, так и схемы размещения основных боевых сил не могли не быть различными во всех этих трёх случаях.

Новая история России знает три основных исторических поворота, породившие три различных стратегических плана в истории нашей партии. Мы считаем необходимым кратко обрисовать их для иллюстрации того, как меняются вообще стратегические планы партии в зависимости от новых исторических сдвигов.

2. Первый исторический поворот и курс на буржуазно-демократическую революцию в России

Поворот этот начался в начале девятисотых годов, в период русско-японской войны, когда поражение царских армий и грандиозные политические забастовки русских рабочих всколыхнули все классы населения и вытолкнули их на арену политической борьбы. Кончился он, этот поворот, в дни февральской революции в 1917 году.

Два стратегических плана боролись в этот период в нашей партии: план меньшевиков (Плеханов–Мартов 1905 г.) и план большевиков (тов. Ленин 1905 г.).

Меньшевицкая стратегия планировала основной удар по царизму по линии коалиции либеральной буржуазии с пролетариатом. Исходя из того, что революция считалась тогда буржуазной, план этот предоставлял либеральной буржуазии роль гегемона (вождя) движения, а пролетариат обрекал на роль «крайней левой оппозиции», на роль «подталкивателя» буржуазии, причём крестьянство, как одна из основных революционных сил, исключалось, или почти исключалось, из поля зрения. Нетрудно понять, что поскольку этот план исключал из игры многомиллионное крестьянство в такой стране, как Россия, он

был безнадежно утопичен, поскольку же он отдавал судьбу революции в руки либеральной буржуазии (гегемония буржуазии), он был реакционен, ибо либеральная буржуазия не была заинтересована в полной победе революции, и она всегда была готова кончить дело сделкой с царизмом.

Большевистская стратегия (см. «Две тактики» тов. Ленина) планировала основной удар революции по царизму по линии коалиции пролетариата с крестьянством, при нейтрализации либеральной буржуазии. Исходя из того, что либеральная буржуазия не заинтересована в полной победе буржуазно-демократической революции, что она победе революции предпочитает сделку с царизмом за счёт рабочих и крестьян, этот план предоставлял пролетариату, как единственному до конца революционному классу в России, роль гегемона революционного движения. План этот замечателен не только в том отношении, что он правильно учитывал движущие силы революции, но и в том отношении, что он содержал в себе в зародыше идею диктатуры пролетариата (гегемония пролетариата), он гениально предвидел следующую, высшую фазу революции в России и облегчал переход к ней.

Последующее развитие революции вплоть до февраля 1917 года целиком подтвердило правильность этого стратегического плана.

3. Второй исторический поворот и курс на диктатуру пролетариата в России

Второй поворот начался с февральской революции в 1917 году, после свержения царизма, когда империа-

листическая война вскрыла смертельные язвы капитализма во всем мире; когда либеральная буржуазия, неспособная взять в руки фактическое управление страной, вынуждена была ограничиться удержанием за собой формальной власти (Временное правительство); когда Советы рабочих и солдатских депутатов, получившие в руки фактическую власть, не имели ни опыта, ни воли сделать из неё необходимое употребление; когда солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу изнывали от тяжести войны и хозяйственной разрухи; когда режим «двоевластия» и «контактной комиссии», раздираемый внутренними противоречиями и неспособный ни к войне, ни к миру, не только не находил «выхода из тупика», но ещё больше запутывал положение. Кончился он, этот период, Октябрьской революцией в 1917 году.

Два стратегических плана боролись в этот период внутри Советов: план меньшевистско-эсеровский и план большевистский.

Меньшевистско-эсеровская стратегия, путавшаяся первое время между Советами и Временным правительством, между революцией и контрреволюцией, оформилась окончательно к моменту открытия Демократического совещания (сентябрь 1917 года). Она строилась по линии постепенного, но неуклонного отстранения Советов от власти и сосредоточения всей власти в стране в руках «Предпарламента», прообраза будущего буржуазного парламента. Вопросы мира и войны, аграрный и рабочий вопросы, так же как национальный вопрос, откладывались до созыва Учредительного собрания, который, в свою очередь, откладывался на неопределённое время. «Вся власть

Учредительному собранию», – так формулировали эсеро-меньшевики свой стратегический план. Это был план подготовки буржуазной диктатуры, правда, прилизанной и причёсанной, «совершенно демократической», но все же буржуазной диктатуры.

Большевистская стратегия (см. «Тезисы» тов. Ленина, опубликованные в апреле 1917 года) планировала основной удар по линии ликвидации буржуазной власти соединёнными силами пролетариата и крестьянской бедноты, по линии организации диктатуры пролетариата в виде республики Советов. Разрыв с империализмом и выход из войны; освобождение угнетённых национальностей бывшей Российской империи; экспроприация помещиков и капиталистов; подготовка условий для организации социалистического хозяйства, – таковы элементы стратегического плана большевиков в этот период. «Вся власть Советам» – так формулировали тогда большевики свой стратегический план. Он важен не только в том отношении, что правильно учитывал движущие силы новой, пролетарской революции в России, но и в том отношении, что облегчал и ускорял дело развязывания революционного движения на Западе.

Последующее развитие событий вплоть до Октябрьского переворота всецело подтвердило правильность этого стратегического плана.

4. Третий исторический поворот и курс на пролетарскую революцию в Европе

Третий поворот начался с Октябрьского переворота, когда смертельная схватка двух империалистиче-

ских групп Запада дошла до высшей точки; когда революционный кризис на Западе явно нарастал; когда обанкротившаяся и запутавшаяся в противоречиях буржуазная власть в России пала под ударом пролетарской революции; когда победившая пролетарская революция, порвав с империализмом и выйдя из войны, обрела себе в лице империалистических коалиций Запада заклятых врагов; когда акты нового Советского правительства о мире, о конфискации помещичьих земель, экспроприации капиталистов и освобождении угнетённых национальностей снискали ему доверие миллионов трудящихся всего мира. Это был поворот в международном масштабе, ибо впервые был прорван международный фронт капитала, впервые был поставлен на практическую ногу вопрос о низвержении капитализма. Тем самым Октябрьская революция была превращена из силы национальной, русской, в силу международную, а русские рабочие из отсталого отряда международного пролетариата – в его авангард, будящий своей самоотверженной борьбой рабочих Запада и угнетённые страны Востока. Поворот этот не дошёл ещё до своего конечного развития, ибо он не развернулся ещё в международном масштабе, но его содержание и общее направление уже определились с достаточной ясностью.

Два стратегических плана боролись тогда в политических кругах России: план контрреволюционеров, втянувших в свои организации активную часть меньшевиков и эсеров, и план большевиков.

Контрреволюционеры и активные эсеро-меньшевики планировали по линии объединения в один лагерь всех недовольных элементов: старого

офицерства в тылу и на фронте, буржуазно-националистических правительств на окраинах, экспроприированных революцией капиталистов и помещиков, агентов Антанты, готовивших интервенцию, и пр. Они держали курс на свержение Советского правительства путём восстаний или иностранной интервенции и реставрацию капиталистических порядков в России.

Большевики, наоборот, планировали по линии внутреннего укрепления диктатуры пролетариата в России и расширения сферы действия пролетарской революции на все страны мира путём объединения усилий пролетариев России с усилиями пролетариев Европы и угнетённых стран Востока против мирового империализма. Чрезвычайно замечательна точная и сжатая формулировка этого стратегического плана, данная тов. Лениным в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Провести максимум осуществимого в одной (своей – *И. Ст.*) стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах». Ценность этого стратегического плана заключается не только в том, что он правильно учитывал движущие силы мировой революции, но и в том, что он предвидел и облегчал открывшийся потом процесс превращения Советской России в центр внимания революционного движения всего мира, в знамя освобождения рабочих Запада и колоний Востока.

Последующее развитие революции во всем мире, так же как пять лет существования Советской власти в России, целиком подтвердили правильность этого стратегического плана. Факты, вроде того, что контр-

революционеры и эсеро-меньшевики, несколько раз пытавшиеся свергнуть Советскую власть, сидят теперь в эмиграции, а Советская власть и Международная пролетарская организация превращаются в важнейшее орудие политики мирового пролетариата, — эти факты с очевидностью говорят в пользу стратегического плана большевиков.

*«Правда», №56,
14 марта 1923 года*

Подпись: И. Сталин

(Сталин И.В. Сочинения, том 5)

Сталин Иосиф Виссарионович

ПРОТИВ ОПОШЛЕНИЯ ЛОЗУНГА САМОКРИТИКИ (26 июня 1928 года)

Лозунг самокритики нельзя рассматривать, как нечто мимолётное и скоропреходящее. Самокритика есть особый метод, большевистский метод воспитания кадров партии и рабочего класса вообще в духе революционного развития. Ещё Маркс говорил о самокритике, как о методе укрепления пролетарской революции. Что касается самокритики в нашей партии, то начало самокритики восходит к началу появления большевизма в нашей стране, к первым же дням его зарождения, как особого революционного течения в рабочем движении.

Известно, что Ленин ещё весной 1904 года, когда большевизм не являлся ещё самостоятельной политической партией, а работал вместе с меньшевиками в составе одной социал-демократической партии, — известно, что Ленин уже тогда звал партию к «самокритике и беспощадному разоблачению собственных минусов». Вот что писал тогда Ленин в своей брошюре «Шаг вперёд, два шага назад»:

«Они (т.е. противники марксистов – И.Ст.) злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдёргивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвящённой недостаткам и недочётам нашей партии. Русские социал-

демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину действительного положения дел в их «партиях», хоть отдаление приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!» (т.VI, стр.161).

Поэтому совершенно не правы те товарищи, которые думают, что самокритика есть мимолётное явление, мода, которая должна в скором времени выйти в тираж так же, как выходит обычно в тираж всякая мода. На самом деле самокритика есть неотъемлемое и постоянно действующее оружие в арсенале большевизма, неразрывно связанное с самой природой большевизма, с его революционным духом.

Иногда говорят, что самокритика – вещь хорошая для партии, которая не пришла ещё к власти и которой «нечего терять», но самокритика опасна и вредна для партии, которая уже пришла к власти, которая имеет в окружении враждебные силы и против которой могут использовать враги разоблачения её слабостей.

Это неверно. Это совершенно неверно! Наоборот, именно потому, что большевизм пришёл к власти, именно потому, что большевики могут зазнаться благодаря успехам нашего строительства, именно потому, что большевики могут не заметить своих слабостей и тем облегчить дело своих врагов, – именно поэтому нужна самокритика особенно теперь, особенно после взятия власти.

Самокритика имеет своей целью вскрытие и ликвидацию наших ошибок, наших слабостей, – разве не ясно, что самокритика в условиях диктатуры пролетариата может лишь облегчить дело борьбы большевизма с врагами рабочего класса? Ленин учитывал эти особенности положения после взятия власти большевиками, когда он писал в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» в апреле-мае 1920 года:

«Отношение политической партии к её ошибкам есть одна из важнейших и вернейших критериев серьёзности партии и исполненная ею на деле её обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть её причины, проанализировать обстановку, её породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку – вот это признак серьёзной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это – воспитание и обучение класса, а затем и мамы» (т. XXV, стр. 200).*

Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил на XI съезде партии в марте 1922 года:

«Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, – гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать эти слабости» (т. XXVII, стр. 260–261).*

Вывод один: без самокритики – нет правильного воспитания партии, класса, масс; без правильного воспитания партии, класса, масс – нет большевизма.

Почему лозунг самокритики получил особо актуальное значение именно теперь, именно в данную историческую минуту, именно в 1928 году?

Потому что теперь ярче, чем год или два года назад, обнаружилось обострение классовых отношений как по линии внутренней, так и по линии внешней.

Потому что теперь ярче, чем год или два года назад, вскрылось наличие подкопной работы классовых врагов Советской власти, использующих наши слабости, наши ошибки против рабочего класса нашей страны.

Потому что уроки шахтинского дела и «заготовительных манёвров» капиталистических элементов деревни плюс наши ошибки планового порядка не могут и не должны пройти для нас бесследно.

Нужно поскорее освобождаться от наших ошибок и слабостей, вскрытых шахтинским делом и заготовительными затруднениями по хлебу, если мы хотим укрепить революцию и встретить врагов во всеоружии.

Нужно поскорее вскрывать наши слабости и ошибки, которые ещё не вскрыты, но которые несомненно существуют, если мы не хотим быть застигнутыми врасплох всякого рода «неожиданностями» и «случайностями» на радость врагам рабочего класса.

Медлить здесь – значит облегчить дело наших врагов, усугубить наши слабости и ошибки. Но сделать все это невозможно без развёртывания самокритики, без усиления самокритики, без вовлечения миллионов масс рабочего класса и крестьянства в дело выявления и ликвидации наших слабостей, наших ошибок.

Апрельский пленум ЦК и ЦКК был поэтому совершенно прав, когда он сказал в своей резолюции по шахтинскому делу, что:

«Главнейшим условием для обеспечения успешного проведения всех намеченных мероприятий должно быть действительное проведение в жизнь лозунга XV съезда о самокритике».

Но чтобы развернуть самокритику, надо прежде всего преодолеть целый ряд препятствий, стоящих перед партией. Сюда относятся культурная отсталость масс, недостаток культурных сил пролетарского авангарда, наша косность, наше «комчванство» и т.п. Однако одним из самых серьёзных препятствий, если не самым серьёзным препятствием, является бюрократизм наших аппаратов. Речь идёт о наличии бюрократических элементов в составе наших партийных, государственных, профессиональных, кооперативных и всякого рода других организаций. Речь идёт о бюрократических элементах, которые живут нашими слабостями и ошибками, которые боятся, как огня, критики масс, контроля масс и которые мешают нам развернуть самокритику, мешают нам освободиться от наших слабостей, от наших ошибок. Бюрократизм в наших организациях нельзя рассматривать, как только лишь волокиту и канцелярщину. Бюрократизм есть проявление буржуазного влияния на наши организации. Ленив был прав, когда он говорил:

«...надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая, и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией. Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что

*о нем говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелкобуржуазной стихией и с её расплывённостью»** (т. XXVI, стр. 220).

Тем с большей настойчивостью должна вестись борьба против бюрократизма наших организаций, если мы действительно хотим развернуть самокритику и освободиться от болячек нашего строительства.

Тем с большей настойчивостью мы должны поднимать миллионные массы рабочих и крестьян на дело критики снизу, на дело контроля снизу, как основного противоядия против бюрократизма.

Ленин был прав, когда он говорил:

«Если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы»... ибо «каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, как не привлечением рабочих и крестьян» (т. XXV, стр. 496, 495).

Но для того, чтобы «привлечь» миллионные массы, нужно развернуть пролетарскую демократию во всех массовых организациях рабочего класса и прежде всего внутри самой партии. Без этого условия самокритика есть ноль, пустышка, фраза.

Нам нужна не всякая самокритика. Нам нужна такая самокритика, которая подымает культурность рабочего класса, развивает его боевой дух, укрепляет его веру в победу, умножает его силы и помогает ему стать подлинным хозяином страны.

Одни говорят, что ежели есть самокритика, то не нужна трудовая дисциплина, можно бросить работу и заняться болтовнёй обо всем понемножку. Это не самокритика, а издёвка над рабочим. Самокритика нужна не для разрушения дисциплины, а для её укрепления, для того, чтобы трудовая дисциплина

стала сознательной, способной устоять против мелко-буржуазной расхлябанности.

Другие говорят, что ежели есть самокритика, не требуется больше руководства, можно отойти от руля и предоставить все «естественному ходу вещей». Это не самокритика, а позор. Самокритика нужна не для ослабления руководства, а для его усиления, для того, чтобы превратить его из руководства бумажного и малоавторитетного в руководство жизненное и действительно авторитетное.

Но есть и другого рода «самокритика», ведущая к разрушению партийности, к развенчанию Советской власти, к ослаблению нашего строительства, к разложению хозяйственных кадров, к разоружению рабочего класса, к болтовне о перерождении. К такой именно «самокритике» звала нас вчера троцкистская оппозиция. Нечего и говорить, что партия не имеет ничего общего с такой «самокритикой». Нечего и говорить, что партия будет бороться против такой «самокритики» всеми силами, всеми средствами.

Надо строго различать между этой чуждой нам, разрушительной антибольшевистской «самокритикой» и нашей, большевистской самокритикой, имеющей своей целью насаждение партийности, упрочение Советской власти, улучшение нашего строительства, укрепление наших хозяйственных кадров, вооружение рабочего класса.

Кампания за усиление самокритики началась у нас всего несколько месяцев назад. У нас нет ещё данных, необходимых для того, чтобы подвести первые итоги кампании. Однако уже теперь можно сказать, что кампания начинает давать свои благие результаты.

Нельзя отрицать, что волна самокритики начинает расти и шириться, захватывая все более широкие слои рабочего класса и втягивая их в дело социалистического строительства. Об этом говорят хотя бы такие факты, как оживление производственных совещаний и временных контрольных комиссий.

Правда, всё ещё имеются попытки положить под сукно обоснованные и проверенные указания производственных совещаний и временных контрольных комиссий, против чего необходима самая решительная борьба, так как такие попытки имеют своей целью отбить у рабочих охоту к самокритике. Но едва ли есть основание сомневаться, что подобные бюрократические попытки будут смыты без остатка нарастающей волной самокритики.

Нельзя отрицать и того, что в результате самокритики наши хозяйственные кадры начинают подтягиваться, становятся более бдительными, начинают подходить более серьёзно к вопросам руководства хозяйством, а наши партийные, советские, профсоюзные и всякие иные кадры становятся более чуткими, более отзывчивыми на запросы масс.

Правда, нельзя считать, что внутрипартийная и вообще рабочая демократия уже проведена полностью в массовых организациях рабочего класса. Но нет основания сомневаться, что это дело будет двинуто впереди с дальнейшим развёртыванием кампании.

Нельзя отрицать также того, что в результате самокритики наша печать стала более живой и жизненной а такие отряды наших газетных работников, как рабселькоровские организации, уже начинают превращаться в серьёзнейшую политическую силу.

Правда, наша печать все ещё продолжает временно скользить по поверхности, она ещё не научилась перейти от отдельных критических замечаний к более глубокой критике, а от глубокой критики - к обобщению результатов критики, к выявлению того, какие достижения сделаны в области нашего строительства в результате критики. Но едва ли можно сомневаться в том, что это дело будет двинуто вперёд в ходе дальнейшей кампании.

Необходимо, однако, отметить наряду с этими плюсами минусы нашей кампании. Речь идёт о тех извращениях лозунга самокритики, которые имеют место уже теперь, в начале кампании, и которые создают опасность опошления самокритики, если не дать им отпора теперь же.

1) Необходимо, прежде всего, отметить, что в ряде органов печати наметилась тенденция перевести кампанию с почвы деловой критики недостатков нашего социалистического строительства на почву рекламных выкриков против крайностей в личной жизни. Это может показаться невероятным. Но это, к сожалению, факт.

Возьмите, например, газету «Власть Труда», орган иркутского окружкома и окрисполкома (№128). Вы найдёте там целую страницу, испещрённую рекламными «лозунгами»: «Несдержанность в половой жизни - буржуазна», «Одна рюмка тянет за собой другую», «Собственный домишко любит собственную коровку», «Бандиты двухспальной кровати», «Выстрел, который не раздался» и т.д. и т.п. Спрашивается, что может быть общего между этими «критическими» выкриками, достойными «Биржёвки», и большевист-

ской самокритикой, имеющей своей целью улучшение нашего социалистического строительства? Весьма возможно, что автор этих рекламных заметок является коммунистом. Возможно, что он пылает враждой к «классовым врагам» Советской власти. Но что он сбивается здесь с правильного пути, опошляет лозунг самокритики и говорит голосом не нашего класса, – в этом не может быть сомнения.

2) Необходимо, далее, отметить, что даже те органы печати, которые, вообще говоря, не лишены умения правильно критиковать, – даже они сбиваются иногда на критику для критики, превращая критику в спорт, бьющий на сенсацию. Взять, например, «Комсомольскую Правду». Всем известны заслуги «Комсомольской Правды» в деле развёртывания самокритики. Но возьмите последние номера этой газеты и просмотрите «критику» руководителей ВЦСПС, целый ряд недопустимых карикатур на эту тему. Спрашивается, кому нужна такая «критика» и что может она дать, кроме компрометации лозунга самокритики? Для чего понадобилась такая «критика», если, конечно, иметь в виду интересы нашего социалистического строительства, а не дешёвую сенсацию, рассчитанную на то, чтобы дать обывателю похихикать? Конечно, для самокритики нужны все роды оружия, в том числе и «лёгкая кавалерия». Но разве из этого следует, что лёгкая кавалерия должна стать легкомысленной кавалерией?

3) Необходимо, наконец, отметить определённый уклон целого ряда наших организаций превратить самокритику в травлю наших хозяйственников, в их дискредитирование в глазах рабочего класса. Это факт,

что некоторые местные организации на Украине и в Центральной России подняли прямую травлю против наших лучших хозяйственников, вся вина которых состоит в том, что они не гарантированы от ошибок на все 100 процентов. Как же иначе понять постановления местных организаций о снятии с постов этих хозяйственников, постановления, не имеющие никакой обязательной силы, но явным образом рассчитанные на то, чтобы дискредитировать их? Как же иначе понять, что критиковать критикуют, а отвечать на критику не дают хозяйственникам? С каких это пор «шемякин суд» стали выдавать у нас за самокритику?

Конечно, мы не можем требовать, чтобы критика была правильной на все 100 процентов. Если критика идёт снизу, мы не должны пренебрегать даже такой критикой, которая является правильной лишь на 5–10 процентов. Все это верно. Но разве из этого следует, что мы должны требовать от хозяйственников гарантии от ошибок на все 100 процентов? Разве есть на свете люди, гарантированные от ошибок на все 100 процентов? Разве трудно понять, что на выращивание хозяйственных кадров нужны годы и годы, что отношение к хозяйственникам должно быть у нас самое бережное и заботливое? Разве трудно понять, что самокритика нужна нам не для травли хозяйственных кадров, а для их улучшения и укрепления?

Критикуйте недостатки нашего строительства, но не опошляйте лозунг самокритики и не превращайте его в орудие рекламных упражнений на тему: «Бандиты двухспальной кровати», «Выстрел, который не раздался» и т.п.

Критикуйте недостатки нашего строительства, но не дискредитируйте лозунг самокритики и не превращайте его в кухню для изготовления дешёвых сенсаций.

Критикуйте недостатки нашего строительства, но не извращайте лозунг самокритики и не превращайте его в орудие травли наших хозяйственных и всяких иных работников.

И главное: не подменяйте массовую критику снизу «критической» трескотнёй сверху, дайте массам рабочее класса втянуться в дело и проявить свою творческую инициативу в деле исправления наших недостатков в деле улучшения нашего строительства.

*«Правда», №146,
26 июня 1928 года*

Подпись: И. Сталин

Иосиф Виссарионович Сталин

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И
ЛЕНИНИЗМ**

**(Ответ товарищам Мешкову,
Ковальчуку и другим)**

Ваши письма получил. Они аналогичны целому ряду писем на ту же тему, полученных мною за последние месяцы от других товарищей. Я решил, однако, ответить именно вам потому, что вы ставите вопросы грубее и этим помогаете добиться ясности. Правда, вы даёте в своих письмах неправильное решение поставленных вопросов, но это другое дело, — об этом поговорим ниже.

Перейдём к делу.

1. ПОНЯТИЕ «НАЦИЯ»

Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание. Как видно из ваших писем, вы считаете эту теорию недостаточной. Поэтому вы

предлагаете добавить к четырём признакам нации пятый признак, а именно: наличие своего собственного обособленного национального государства. Вы считаете, что без наличия этого пятого признака нет и не может быть нации.

Я думаю, что предлагаемая вами схема с её новым, пятым признаком понятия «нация» – глубоко ошибочна и не может быть оправдана ни теоретически, ни практически – политически.

При вашей схеме пришлось бы признать нациями только такие нации, которые имеют своё собственное, отдельное от других, государство, а все угнетённые нации, лишённые самостоятельной государственности, пришлось бы вычеркнуть из разряда наций, причём борьбу угнетённых наций против национального гнёта, борьбу колониальных народов против империализма пришлось бы изъять из понятия «национальное движение», «национально-освободительное движение».

Более того, при вашей схеме пришлось бы утверждать, что:

а) ирландцы стали нацией лишь после образования «Ирландского свободного государства», а до этого времени они не представляли собой нации;

б) норвежцы не были нацией до отделения Норвегии от Швеции, а стали нацией лишь после такого отделения; в) украинцы не были нацией, когда Украина входила в состав царской России, они стали нацией лишь после отделения от Советской России при Центральной раде и гетмане Скоропадском, но они вновь перестали быть нацией после того, как объединили свою Украинскую Советскую республику с

другими Советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик.

Таких примеров можно было бы привести многое множество.

Очевидно, что схема, приводящая к таким абсурдным выводам, не может считаться научной схемой.

Практически – политически ваша схема неизбежно приводит к оправданию национального, империалистического гнёта, носители которого решительно не признают за действительные нации угнетённые и неполноправные нации, не имеющие своих отдельных национальных государств, и считают, что это обстоятельство даёт им право угнетать эти нации.

Я уже не говорю о том, что ваша схема приводит к оправданию буржуазных националистов в наших Советских республиках, доказывающих, что советские нации перестали быть нациями после того, как они пошли на объединение своих национальных Советских республик в Союз Советских Социалистических Республик.

Так обстоит дело с вопросом о «дополнении» и «исправлении» русской марксистской теории нации.

Остаётся одно: признать, что русская марксистская теория нации является единственно правильной теорией.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИЙ

Одна из серьёзных ваших ошибок состоит в том, что вы валите в одну кучу все существующие ныне нации и не видите принципиальной разницы между ними.

Разные бывают нации на свете. Есть нации, развившиеся в эпоху поднимающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздроблённость, собирала нацию воедино и цементировала её. Это – так называемые «современные» нации.

Вы утверждаете, что нации возникли и существовали ещё до капитализма. Но как могли возникнуть нации и существовать до капитализма, в период феодализма, когда страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз? Вопреки вашим ошибочным утверждениям не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было ещё национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое.

Конечно, элементы нации – язык, территория, культурная общность и т.д. – не с неба упали, а создавались исподволь, ещё в период докапиталистический.

Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами.

В этой связи следует отметить замечательные слова Ленина по вопросу о возникновении наций, сказанные им в брошюре «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов!». Полемизируя с народником Михайловским, который возникновение национальных связей и национального единства выводит из развития родовых связей, Ленин говорит:

«Итак, национальные связи, это – продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности – гласит эта доктрина прописей – состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества..., затем – дескать – семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только – помимо всего, другого, – что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т.е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составившиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении,

иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т.д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных» (см. т.1, стр.72–73). Так обстоит дело с возникновением так называемых «современных» наций.

Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради «единства нации»; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом, — таков идейный и социально-политический багаж этих наций.

Такие нации следует квалифицировать, как буржуазные нации. Таковы, например, французская, английская, итальянская, северо-американская и другие, подобные им, нации. Такими же буржуазными нациями были русская, украинская, татарская, армянская, грузинская и другие нации в России до утверждения

диктатуры пролетариата и Советского строя в нашей стране.

Понятно, что судьба таких наций связана с судьбой капитализма, что с падением капитализма должны сойти со сцены такие нации.

Именно такие буржуазные нации имеет в виду брошюра Сталина «Марксизм и национальный вопрос», когда она говорит, что «нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма», что «судьбы национального движения, в существе своём буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии», что «окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии, «только в царстве социализма может быть установлен полный мир». Так обстоит дело с буржуазными нациями.

Но есть на свете и другие нации. Это – новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и её националистических партий, после утверждения Советского строя.

Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнёта во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления

дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетёнными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, – таков духовный и социально-политический облик этих наций.

Такие нации следует квалифицировать, как социалистические нации.

Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, – путём коренного их преобразования в духе социализма. Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе – русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, узбекская, казахская, азербайджанская, грузинская, армянская и другие нации – коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям.

Таковы два типа наций, известные истории.

Вы не согласны с тем, чтобы связать судьбу наций, в данном случае судьбу старых, буржуазных наций, – с судьбой капитализма. Вы не согласны с тезисом о том, что с ликвидацией капитализма будут ликвидированы старые, буржуазные нации. А с чем же, собственно, можно было бы связать судьбу этих наций, если не с судьбой капитализма? Разве трудно понять, что с исчезновением капитализма должны исчезнуть порождённые им буржуазные нации? Не думаете ли вы, что старые, буржуазные нации могут существовать

и развиваться при советском строе, при диктатуре пролетариата? Этого ещё не хватало...

Вы опасаетесь того, что ликвидация существующих при капитализме наций равносильна ликвидации наций вообще, ликвидации всякой нации. Почему, на каком основании? Неужели не известно вам, что кроме буржуазных наций существуют ещё другие нации, социалистические нации, гораздо более сплочённые и жизнеспособные, чем любая буржуазная нация?

В том-то и состоит ваша ошибка, что вы не видите других наций, кроме наций буржуазных, – следовательно, вы проглядели целую эпоху образования социалистических наций в Советском Союз, возникших на развалинах старых, буржуазных наций.

В том-то и дело, что ликвидация буржуазных наций означает не ликвидацию наций вообще, а ликвидацию всего лишь буржуазных наций. На развалинах старых, буржуазных наций возникают и развиваются новые, социалистические нации, являющиеся гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация.

3. БУДУЩНОСТЬ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Вы допускаете серьёзную ошибку, проводя знак равенства между периодом победы социализма в одной стране и периодом победы социализма в мировом масштабе, утверждая, что не только при

победе социализма в мировом масштабе, но и при победе социализма в одной стране возможно и необходимо исчезновение национальных различий и национальных языков, слияние наций и образование единого общего языка. При этом Вы смешиваете совершенно различные вещи: «уничтожение национального гнёта» с «ликвидацией национальных различий», «уничтожение национальных государственных перегородок» с «отмиранием наций», с «слиянием наций».

Нельзя не отметить, что совершенно недопустимо для марксистов смешение этих разнородных понятий.

У нас, в нашей стране, давно уже уничтожен национальный гнёт, но из этого вовсе не следует, что национальные различия исчезли и нации нашей окраины ликвидированы. У нас, в нашей стране, давно уже ликвидированы национальные государственные перегородки с пограничной стражей, с таможнями, но из этого вовсе не следует, что нации уже слились и национальные языки исчезли, что эти языки заменены каким-то одним общим для всех наших наций языком.

Вы не довольны моей речью в Коммунистическом университете народов Востока (1925 г.), где я отрицаю правильность тезиса о том, что при победе социализма в одной стране, например – в нашей стране, национальные языки якобы отомрут, нации сольются и вместо национальных языков появится один общий язык.

Вы считаете, что такое моё заявление противоречит известному тезису Ленина о том, что целью социализма является не только уничтожение раздроблённости человечества на мелкие государства и всякой

обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их.

Вы считаете, далее, что оно противоречит также другому ленинскому тезису о том, что при победе социализма в мировом масштабе начнут отмирать национальные различия и национальные языки, что после такой победы национальные языки начнут заменяться одним общим языком.

Это совершенно неверно, товарищи. Это – глубокое заблуждение.

Я уже говорил выше, что непозволительно для марксиста смешивать и валить в одну кучу такие разнородные явления, как «победа социализма в одной стране» и «победа социализма во всемирном масштабе». Не следует забывать, что эти разнородные явления отражают две совершенно различные эпохи, отличающиеся друг от друга не только по времени (что очень важно), но и по самому своему существу. Национальное недоверие, национальная обособленность, национальная вражда, национальные столкновения стимулируются и поддерживаются, конечно, не каким-либо «врождённым» чувством национального злопахательства, а стремлением империализма покорить чужие нации и страхом этих наций перед угрозой национального порабощения. Несомненно, что пока существует мировой империализм, будут существовать и это стремление, и этот страх, – следовательно, будут существовать в громадном большинстве стран и национальное недоверие, и национальная обособленность, и национальная вражда, и национальные столкновения.

Можно ли утверждать, что победа социализма и ликвидация империализма в одной стране означают ликвидацию империализма и национального гнёта в большинстве стран? Ясно, что нельзя. Но из этого следует, что победа социализма в одной стране, несмотря на то, что она серьёзно ослабляет мировой империализм, всё же не создаёт и не может создать условий, необходимых для слияния наций и национальных языков мира в одно общее целое.

Период победы социализма во всемирном масштабе тем прежде всего и отличается от периода победы социализма в одной стране, что он ликвидирует империализм во всех странах, уничтожает как стремление к покорению чужих наций, так и страх перед угрозой национального порабощения, подрывает в корне национальное недоверие и национальную вражду, объединяет нации в единой системе мирового социалистического хозяйства и создаёт, таким образом, реальные условия, необходимые для постепенного слияния всех наций в одно целое. Таково коренное различие между этими двумя периодами.

Но из этого следует, что смешивать эти два различных периода и валить их в одну кучу, — значит допустить непростительную ошибку. Возьмём моё выступление в КУТВ. Там сказано:

«Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала

количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп?

Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие».

Из этой цитаты видно, что я выступал против людей типа Каутского, который (то есть Каутский) всегда был и оставался дилетантом в национальном вопросе, который не понимает механики развития наций и не имеет представления о колоссальной силе устойчивости наций, который считает возможным слияние наций задолго до победы социализма, ещё при буржуазно-демократических порядках, который, подобострастно восхваляя ассимиляторскую «работу» немцев в Чехии, легкомысленно утверждает, что чехи почти что онемечены, что чехи, как нация, не имеют будущности.

Из этой цитаты видно, далее, что в своём выступлении я имел в виду не период победы социализма в мировом масштабе, а исключительно период победы социализма в одной стране. При этом я утверждал (и продолжаю утверждать), что период победы социализма в одной стране не даёт условий, необходимых для слияния наций и национальных языков, что — наоборот, этот период создаёт благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее

угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобождённых советской революцией от национального гнёта.

Из этой цитаты видно, наконец, что вы проглядели колоссальную разницу между двумя различными историческими периодами, не поняли ввиду этого смысла выступления Сталина и запутались в результате всего этого в дебрях своих собственных ошибок.

Перейдём к тезисам Ленина об отмирании и слиянии наций после победы социализма в мировом масштабе.

Вот один из тезисов Ленина, взятый из статьи Ленина «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», изданной в 1916 году, который почему-то не полностью цитируется в ваших письмах:

«Целью социализма является не только уничтожение раздроблённости человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их.... Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетённого класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетённых наций, т.е. их свободы отделения» (см. т. XIX, стр. 40–78).

А вот другой тезис Ленина, который тоже не полностью цитируется у вас: *«Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами, – а эти различия будут держаться ещё очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, – един-*

ство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это – вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям» (см. т. XXV, стр. 227).

Следует отметить, что эта цитата взята из брошюры Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», изданной в 1920 году, то есть – после победы социалистической революции в одной стране, после победы социализма в нашей стране.

Из этих цитат видно, что процесс отмирания национальных различий и слияния наций Ленин относит не к периоду победы социализма в одной стране, а исключительно к периоду после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, то есть, к периоду победы социализма во всех странах, когда будут уже заложены основы мирового социалистического хозяйства.

Из этих цитат видно, далее, что попытку отнести процесс отмирания национальных различий к периоду победы социализма в одной стране, в нашей стране, Ленин квалифицирует, как «вздорную мечту».

Из этих цитат видно, кроме того, что Сталин был, безусловно, прав, отрицая в своей речи в КУТВ возможность отмирания национальных различий и национальных языков в период победы социализма в одной стране, в нашей стране, а вы были безусловно

неправы, отстаивая нечто прямо противоположное тезису Сталина.

Из этих цитат видно, наконец, что, смешивая два Ленина, извратили линию Ленина в национальном вопросе и встали вследствие этого, помимо вашей воли, на путь разрыва с ленинизмом.

Было бы неправильно думать, что уничтожение национальных различий и отмирание национальных языков произойдёт сразу же после поражения мирового империализма, одним ударом, в порядке, так сказать, декретирования сверху. Нет ничего ошибочнее такого взгляда. Пытаться произвести слияние наций путём декретирования сверху, путём принуждения, — означало бы сыграть наруку империалистам, загубить дело освобождения наций, похоронить дело организации сотрудничества и братства наций. Такая политика была бы равносильна политике ассимиляции.

Вам, конечно, известно, что политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная.

Кроме того, известно, что нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-пруссские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как

персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а – наоборот – оказались вынужденными также капитулировать.

Необходимо учесть все эти обстоятельства, чтобы правильно предвидеть вероятный ход событий с точки зрения развития нации непосредственно после поражения мирового империализма.

Было бы ошибочно думать, что первый этап периода всемирной диктатуры пролетариата будет началом отмирания наций и национальных языков, началом складывания единого общего языка. Наоборот, первый этап, в течение которого будет окончательно ликвидирован национальный гнёт, – будет этапом роста и расцвета ранее угнетённых наций и национальных языков, этапом утверждения равноправия наций, этапом ликвидации взаимного национального недоверия, этапом налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями.

Только на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство, – вместо мирового капиталистического хозяйства, только на этом этапе начнёт складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык, – для удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества. Стало быть, на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно.

Возможно, что первоначально будет создан не один общий для: всех наций мировой экономической центр с одним общим языком, а несколько зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы наций, и только впоследствии эти центры объединятся в один общий мировой центр социалистического хозяйства с одним общим для всех наций языком.

На следующем этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдёт в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками, – национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку.

Такова, по-моему, приблизительная картина будущности наций, картина развития наций на путях их слияния в будущем.

4. ПОЛИТИКА ПАРТИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Одна из ваших ошибок состоит в том, что вы рассматриваете национальный вопрос не как часть общего вопроса о социально-политическом развитии общества, подчинённую этому самому общему вопросу, а как нечто самодовлеющее и постоянное, не меняющее в основном своего направления и характера на протяжении истории. Поэтому вы не видите того, что видит каждый марксист, а именно того, что национальный вопрос имеет не всегда одинаковый

характер, что характер и задачи национального движения меняются в зависимости от различных периодов развития революции.

Логически этим, собственно, и объясняется тот печальный факт, что вы так легко смешиваете и валите в одну кучу разнородные периоды развития революции, не понимая того, что изменение характера и задач революции на различных этапах развития вызывает соответствующие изменения в характере и задачах национального вопроса, что сообразно с этим меняется и политика партии в национальном вопросе, что, следовательно, нельзя политику партии в национальном вопросе, связанную с одним периодом развития революции, насильственно отрывать от этого периода и произвольно переносить на другой период.

Русские марксисты всегда исходили из того положения, что национальный вопрос есть часть общего вопроса о развитии революции, что на различных этапах революции национальный вопрос имеет различные задачи, соответствующие характеру революции в каждый данный исторический момент, что сообразно с этим меняется и политика партии в национальном вопросе.

В период перед первой мировой войной, когда история выдвинула буржуазно-демократическую революцию в России, как задачу момента, русские марксисты связывали решение национального вопроса с судьбой демократического переворота в России. Наша партия считала, что свержение царизма, ликвидация остатков феодализма и полная демократизация страны – являются лучшим решением национального вопроса, возможным в рамках капитализма.

Такова политика партии в этот период. К этому периоду относятся известные статьи Ленина по национальному вопросу, в том числе статья «Критические заметки по национальному вопросу», где Ленин говорит:

«...я утверждаю, что есть только одно решение национального вопроса, поскольку вообще возможно такое в мире капитализма, и это решение – последовательный демократизм. В доказательство я ссылаюсь, между прочим, на Швейцарию» (см. т.XVII, стр.150).

К этому же периоду относится брошюра Сталина «Марксизм и национальный вопрос», где, между прочим, сказано:

«Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать её в корне, сделать её максимально безвредной для пролетариата – возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития».

В следующий период, в период первой мировой войны, когда длительная война между двумя империалистическими коалициями подорвала могущество мирового империализма, когда кризис мировой системы капитализма дошёл до крайней степени, когда наряду с рабочим классом «метрополий» вступили в освободительное движение также колониальные и зависимые страны, когда национальный вопрос

перерос в национально-колониальный вопрос, когда единый фронт рабочего класса передовых капиталистических стран и угнетённых народов колоний и зависимых стран стал превращаться в реальную силу, когда, следовательно, социалистическая революция стала вопросом момента, – русские марксисты уже не могли удовлетворяться политикой предыдущего периода, и они сочли необходимым связать решение национально-колониального вопроса с судьбой социалистического переворота.

Партия считала, что свержение власти капитала и организация диктатуры пролетариата, изгнание империалистических войск из пределов колониальных и зависимых стран и обеспечение для этих стран права на отделение и организацию своих национальных государств, ликвидация национальной вражды и национализма и укрепление интернациональных связей между народами, организация единого социалистического народного хозяйства и налаживание на этой почве братского сотрудничества народов, – являются лучшим решением национально-колониального вопроса в данных условиях.

Такова политика партии в этот период.

Период этот далеко ещё не вошёл в свою полную силу, ибо он только начался, но несомненно, что он ещё скажет своё решающее слово...

Особо стоит вопрос о нынешнем периоде развития революции в нашей стране и нынешней политике партии.

Следует отметить, что наша страна оказалась шока что единственной страной, готовой свергнуть капитализм. И она действительно свергла капитализм, организовала диктатуру пролетариата.

Следовательно, до осуществления диктатуры пролетариата в мировом масштабе и – тем более – до победы социализма во всех странах, – пока ещё далеко. Следует, далее, отметить, что, покончив с властью буржуазии, которая давно уже отказалась от своих старых демократических традиций, мы мимоходом разрешили задачу «полной демократизации страны», ликвидировали систему национального гнёта и провели равноправие наций в нашей стране.

Как известно, эти меры оказались лучшим средством для ликвидации национализма и национальной вражды, для установления доверия между народами.

Следует, наконец, отметить, что уничтожение национального гнёта привело к национальному возрождению ранее угнетённых наций нашей страны, к росту их национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей между народами нашей страны и налаживанию сотрудничества между ними в деле социалистического строительства.

Нужно помнить, что эти возрождённые нации являются уже не старыми, буржуазными нациями, руководимыми буржуазией, а новыми, социалистическими нациями, возникшими на развалинах старых наций и руководимыми интернационалистической партией трудящихся масс.

В связи с этим партия сочла необходимым помочь возрождённым нациям нашей страны – встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т.е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный,

хозяйственный аппараты, выращивать свои, национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы, — правда, немногочисленные, которые пытаются, тормозить подобную политику партий.

Это означает, что партия поддерживает и будет поддерживать развитие и расцвет национальных культур народов нашей страны, что она будет поощрять дело укрепления наших новых, социалистических наций, что она берёт это дело под свою защиту и покровительство против всех и всяких антиленинских элементов.

Из ваших писем видно, что вы не одобряете такую политику нашей партии. Это потому, во-первых, что вы смешиваете новые, социалистические нации со старыми, буржуазными нациями и не понимаете того, 490 национальные культуры наших новых советских наций являются по своему содержанию социалистическими культурами. Это потому, во-вторых, что вы — извиняюсь за грубость, — серьёзно хромаете в вопросах ленинизма и очень плохо разбираетесь в национальном вопросе.

Обратите внимание хотя бы на следующее элементарное дело. Все мы говорим о необходимости культурной революции в нашей стране. Если относиться к этому делу серьёзно, а не болтать попусту языком, необходимо сделать в этом направлении хотя бы первый шаг. сделать прежде всего начальное образование обязательным для всех граждан страны, без различия национальности, а потом и — среднее образование. Ясно, что без этого невозможно никакое культурное развитие нашей страны, не говоря уже о так называемой культурной революции. Более того: без этого у нас не будет ни настоящего подъёма

промышленности и сельского хозяйства, ни надёжной обороны нашей страны. А как это сделать, если иметь в виду, что процент неграмотности по нашей стране всё ещё очень велик, что в целом ряде наций нашей страны неграмотные составляют 80–90 процентов?

Для этого необходимо покрыть страну богатой сетью школ на родном языке, снабдив их кадрами преподавателей, владеющих родным языком.

Для этого нужно национализировать, т.е. сделать национальными по составу, все аппараты управления, от партийных и профсоюзных до государственных и хозяйственных.

Для этого нужно развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения на родном языке.

Почему – спрашивают – на родном языке? Да потому, что миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке.

После всего сказанного, мне кажется, не так уж трудно понять, что никакой иной политики в национальном вопросе, кроме той, которая ведётся теперь в нашей стране, не могут вести ленинцы, если, конечно, они хотят остаться ленинцами.

Не так ли?

Ну, давайте кончим на этом.

Думаю, что я ответил на все ваши вопросы и сомнения.

*С ком. приветом И. Сталин
18 марта 1929 г.*

(Сталин И.В. Сочинения, том 11, с.333–355.)

Иосиф Виссарионович Сталин

К ВОПРОСАМ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

(Речь на конференции аграрников-марксистов, 27 декабря 1929 года)

Товарищи! Основным фактом нашей общественно-хозяйственной жизни в настоящий момент, фактом, который обращает на себя всеобщее внимание, является факт колоссального роста колхозного движения.

Характерная черта нынешнего колхозного движения состоит в том, что в колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, как это было до сих пор, но в колхозы пошёл в своей массе и середняк. Это значит, это колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение миллионов и миллионов основных масс крестьянства. Этим, между прочим, и следует объяснить тот колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своём пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне.

Но если мы имеем основание гордиться практическими успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей теоретической работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо

признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала её, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма.

Я не буду здесь распространяться о значении теории. Вам оно достаточно хорошо известно. Известно, что теория, если она является действительно теорией, даёт практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет, – и не может не иметь, – громадное значение в деле нашего социалистического строительства. Беда в том, что мы начинаем хромать именно в этой области, в области теоретической разработки вопросов нашей экономики.

Чем же иначе объяснить тот факт, что у нас, в нашей общественно-политической жизни, все ещё имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории по вопросам нашей экономики? Чем объяснить, что эти теории и теориейки не встречают до сих пор должного отпора? Чем же объяснить, что ряд основных положений марксистско-ленинской политической экономии, являющихся вернейшим противоядием против буржуазных и мелкобуржуазных теорий, начинает забываться, не популяризируется в нашей печати, не выдвигается почему-то на первый план? Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?

Новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии. Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчёвывание этих теорий, приобретающих прочность предрассудков. Ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма.

Позвольте перейти к характеристике хотя бы некоторых из этих буржуазных предрассудков, называемых теориями, и продемонстрировать их несостоятельность в порядке освещения некоторых узловых проблем нашего строительства.

I. Теория «равновесия»

Вы, конечно, знаете, что среди коммунистов все ещё имеет хождение так называемая теория «равновесия» секторов нашего народного хозяйства. Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом. Однако она, эта самая теория, пропагандируется рядом лиц из лагеря правых уклонистов.

По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический, — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите — капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных

рельсах и мирно катятся вперёд, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся и, когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточённой классово-вой борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, борьбы по принципу «кто кого».

Нетрудно понять, что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом. Нетрудно понять, что эта теория имеет объективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов.

Однако она, эта теория, имеет до сих пор хождение в нашей печати. И нельзя сказать, чтобы она встречала серьёзный отпор, а тем более сокрушительный отпор со стороны наших теоретиков. Чем же иначе объяснить эту несообразность, как не отсталостью нашей теоретической мысли?

Между тем стоит только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить её теории равновесия секторов, чтобы от этой последней теории не осталось и следа. В самом деле, марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно. Наша крупная централизованная социали-

стическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растёт ежегодно в своём объёме, имеет свои накопления и двигается вперёд семимильными шагами.

Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все ещё преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно очень редко имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую масть и социалистическое строительство на двух разных основах – на основе самой крупной и объединённой социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства.

Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразо-

вать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства.

Но как его укрупнить?

Для этого существуют два пути. Существует путь капиталистический, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами как путь, несовместимый с советским хозяйством.

Существует другой путь, путь социалистический, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупный коллективные хозяйства, вооружённые техникой и наукой и имеющие возможность развиваться дальше, так как эти хозяйства могут осуществлять расширенное воспроизводство.

Стало быть, вопрос стоит так: либо один путь, либо другой, либо назад – к капитализму, либо вперёд – к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть.

Теория «равновесия» есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (несуществующий) путь, она является утопичной, антимарксистской.

Так вот, стоило только противопоставить теорию воспроизводства Маркса теории «равновесия» секторов, чтобы не осталось и следа от этой последней теории.

Почему же это не делается со стороны наших аграрников-марксистов? Кому это нужно, чтобы смехо-

творная теория «равновесия» имела хождение в нашей печати, а марксистская теория воспроизводства лежала под спудом?

II. Теория «самотёка» в социалистическом строительстве

Перейдём ко второму предрассудку в политической экономии, ко второй теории буржуазного типа. Я имею в виду теорию «самотёка» в деле социалистического строительства, теорию, не имеющую ничего общего о марксизмом, но усердно проповедуемую нашими товарищами из правого лагеря.

Авторы этой теории утверждают приблизительно следующее. Был у нас капитализм, развивалась индустрия на капиталистической базе, а деревня шла за капиталистическим городом стихийно, самотёком, преобразуясь по образу и подобию капиталистического города. Если так происходило дело при капитализме, почему не может произойти то же самое и при советском хозяйстве? Почему не может деревня, мелкокрестьянское хозяйство, пойти путём самотёка за социалистическим городом, стихийно преобразуясь по образу и подобию социалистического города? Авторы этой теории утверждают на этом основании, что деревня может пойти за социалистическим городом в порядке самотёка. Отсюда вопрос: стоит ли нам горячиться насчёт образования совхозов и колхозов, стоит ли нам ломать копыя, если деревня и так может пойти за социалистическим городом?

Вот вам ещё одна теория, имеющая объективно своей целью дать новое оружие в руки капиталистических элементов деревни в их борьбе против колхозов.

Антимарксистская сущность этой теории не подлежит никакому сомнению.

Не странно ли, что наши теоретики все ещё не удосужились расчихвостить эту странную теорию, засоряющую головы наших практиков-колхозников?

Нет сомнения, что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской индивидуалистической деревни велика и неопределима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла самотёком за городом в деле социалистического строительства? Нет, недостаточно.

При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное индивидуальное хозяйство крестьянина являются в своей основе однотипным хозяйством. Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть ещё капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки Бухарина об «Экономике переходного периода» о *«товарно-капиталистической тенденции крестьянства»* в противоположность *«социалистической тенденции пролетариата»* (курсив Ленина – *И. Ст.*). Этим именно и объясняется, что *«мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно,*

ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин).

Можно ли сказать, что мелкотоварное крестьянское хозяйство в своей основе также однотипно с социалистическим производством в городе? Очевидно, что нельзя этого сказать, не разрывая с марксизмом. Иначе Ленин не говорил бы, что «пока мы живём в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма».

Стало быть, теория «самотёка» в деле социалистического строительства есть теория гнилая, антиленинская.

Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо ещё, кроме всего прочего, насаждать в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов, как базы социализма, могущие повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства.

Следовательно, теория «самотёка» в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская. Социалистический город может вести за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад.

Странно, что антимарксистская теория «самотёка» в социалистическом строительстве не встречает до сих пор должного отпора со стороны наших теоретиков-аграрников.

III. Теория «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства

Перейдём к третьему предрассудку в политической экономии, к теории «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства. Всем известны возражения буржуазной политической экономии против известного тезиса марксизма о преимуществах крупного хозяйства перед мелким, имеющего будто бы силу только в промышленности, но не имеющего применения в сельском хозяйстве. Социал-демократические теоретики типа Давида и Герца, проповедующие эту теорию, пытались при этом «опереться» на тот факт, что мелкий крестьянин вынослив, терпелив, готов принять на себя любые лишения, лишь бы отстоять свой клочок земли, что, ввиду этого, в борьбе с крупным хозяйством в земледелии мелкокрестьянское хозяйство проявляет устойчивость.

Нетрудно понять, что такая «устойчивость» хуже всякой неустойчивости. Нетрудно понять, что эта антимарксистская теория имеет своей целью лишь одно: восхваление и упрочение капиталистических порядков, разоряющих миллионные массы мелких крестьян. И именно потому, что она имеет такую цель, именно поэтому удалось марксистам так легко разбить эту теорию.

Но дело теперь не в этом. Дело в том, что наша практика, наша действительность даёт новые аргументы против этой теории, а наши теоретики странным образом не хотят или не могут использовать это новое оружие против врагов рабочего класса. Я имею в виду практику уничтожения частной собственности на

землю, практику национализации земли у нас, практику, освобождающую мелкого крестьянина от его рабской приверженности к своему клочку земли и облегчающую тем самым переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному, коллективному хозяйству.

В самом деле, что привязывало, привязывает и будет ещё привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству? Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю. Он копил деньги годами для того, чтобы купить клочок земли, он его купил и, понятно, он не хочет с ним расстаться, предпочитая переносить все и всякие лишения, предпочитая впасть в дикость, в нищету, лишь бы отстоять свой клочок земли – основу его индивидуального хозяйства.

Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает действовать и у нас, в условиях советских порядков? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю. И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к клочку земли, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов.

Вот где одна из причин того, что крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удаётся так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, своё превосходство перед мелким крестьянским хозяйством.

Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли.

Но из этого следует, что мы имеем в своём распоряжении новый аргумент против буржуазных экономистов, провозглашающих устойчивость мелкокрестьянского хозяйства в его борьбе с крупным хозяйством.

Почему же этот новый аргумент не используется в достаточной мере нашими теоретиками-аграрниками в их борьбе против всех и всяких буржуазных теорий?

Проводя национализацию земли, мы исходили, между прочим, из теоретических предпосылок, данных в третьем томе «Капитала», в известной книге Маркса «Теории прибавочной стоимости» и в аграрных трудах Ленина, представляющих богатейшую сокровищницу теоретической мысли. Я имею в виду теорию земельной ренты вообще, теорию абсолютной земельной ренты в особенности. Теперь ясно, что теоретические положения этих трудов блестяще подтвердились практикой нашего социалистического строительства в городе и деревне.

Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса – Энгельса – Ленина о теории земельной ренты и абсолютной земельной ренты не должны популяризироваться и выдвигаться на первый план, должны лежать под спудом?

Вы помните, должно быть, известную брошюру Энгельса «Крестьянский вопрос». Вы помните,

конечно, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе мелких крестьян на путь товарищеского хозяйства, на путь коллективного хозяйства. Позвольте процитировать соответствующее место из брошюры Энгельса:

«Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится, в том же случае, если он ещё не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своём клочке» (курсив мой – И. Ст.).

Вы видите, до чего осмотрительно подходит Энгельс к вопросу о переводе индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы коллективизма. Чем объяснить такую с первого взгляда преувеличенную осмотрительность Энгельса? Из чего исходил он при этом? Очевидно, что он исходил из наличия частной собственности на землю, из того факта, что у крестьянина имеется «свой клочок» земли, с которым ему, крестьянину, трудно будет расстаться. Таково крестьянство на Западе. Таково крестьянство в капиталистических странах, где существует частная собственность на землю. Понятно, что тут нужна большая осмотрительность.

Можно ли сказать, что у нас, в СССР, имеется такое же положение? Нет, нельзя этого сказать. Нельзя, так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству. Нельзя, так как у нас имеется национализация земли, облегчающая дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизма.

Вот где одна из причин той сравнительной лёгкости) и быстроты, с какой у нас развивается в последнее время) колхозное движение.

Досадно, что наши теоретики-аграрники не попытались ещё вскрыть с должной ясностью эту разницу между положением крестьянина у нас и на Западе. Между тем такая работа имела бы величайшее значение не только для нас, советских работников, но и для коммунистов всех стран. Ибо для пролетарской революции в капиталистических странах не безразлично, придётся ли там строить социализм с первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы.

В своём недавнем выступлении в печати («Год великого перелома») я развивал известные аргументы за превосходство крупного хозяйства в земледелии перед мелким хозяйством, имея в виду крупные совхозы. Нечего и доказывать, что все эти аргументы относятся целиком и полностью и к колхозам, как к крупным хозяйственным единицам. Я говорю не только о колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и о колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь. Я имею в виду те первичные колхозы, которые создаются ныне в районах сплошной коллективизации и которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства.

Взять, например, колхозы в районе Хопра в бывшей Донской области. С виду эти колхозы как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракто-

ров). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30, 40 и 50%. Чем объяснить этот «головокружительный» эффект? Тем, что крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы. Тем, что крестьяне получили возможность обработать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и целину. Тем, что крестьяне получили возможность взять целину в свои руки. Тем, что получилась возможность пустить в ход пустыри, отдельные клочки, межи и т.д. и т.п.

Вопрос об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что осью революционного движения в России в старое время служил аграрный вопрос. Вы знаете, что аграрное движение имело одной из своих целей уничтожение малоземелья. Многие думали тогда, что малоземелье это является абсолютным, т.е. что в России не имеется больше свободных земель, годных для обработки. А что выяснилось на деле? Теперь совершенно ясно, что свободных земель было и осталось в СССР десятки миллионов гектаров, но обработать их своими жалкими орудиями крестьянин не имел никакой возможности. И именно потому, что крестьянин не имел возможности обработать целину и заброшенные земли, именно поэтому тянулся он к «мягким землям», к землям, принадлежавшим помещикам, к землям,

удобным для обработки силами крестьянского инвентаря в условиях индивидуального труда. Вот в чем состояла основа «малоземелья». Неудивительно поэтому, что наш «Зернотрест», вооружённый тракторами, имеет теперь возможность пустить в ход миллионы двадцать гектаров свободных земель, не занятых крестьянами и не могущих быть обработанными в порядке индивидуального труда силами мелкокрестьянского инвентаря.

Значение колхозного движения во всех его фазах, – и в первичной его фазе, и в более развитой фазе, когда оно вооружено тракторами, – состоит, между прочим, в том, что крестьяне получают теперь возможность пустить в ход заброшенные земли и целину. В этом секрет громадного расширения посевных площадей при переходе крестьян на коллективный труд. В этом одна из основ превосходства колхозов над индивидуальным крестьянским хозяйством.

Нечего и говорить, что превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет ещё более бесспорным, когда на помощь первичным колхозам в районах сплошной коллективизации подойдут наши машинно-тракторные станции и колонны, когда сами колхозы получат возможность сосредоточить в своих руках тракторы и комбайны.

IV. Город и деревня

Существует предрассудок, культивируемый буржуазными экономистами, насчёт так называемых «ножниц», которому надо объявить беспощадную войну, как и всем другим буржуазным теориям,

имеющим, к сожалению, распространение в советской печати. Я имею в виду теорию о том, что Октябрьская революция дала будто бы крестьянству меньше, чем февральская революция, что Октябрьская революция, собственно говоря, ничего не дала крестьянству.

Этот предрассудок одно время лессировался в нашей печати одним из «советских» экономистов. Правда, он, этот «советский» экономист, впоследствии отказался от своей теории. (Голос: «Кто же это?») Это – Громан. Но эта теория была подхвачена троцкистско-зиновьевской оппозицией и использована против партии. Причём нет никаких оснований утверждать, что она не имеет хождения и в настоящее время в кругах «советской» общественности.

Это очень важный вопрос, товарищи. Он затрагивает проблему взаимоотношений между городом и деревней. Он затрагивает проблему уничтожения противоположности между городом и деревней. Он затрагивает актуальнейший вопрос о «ножницах». Я думаю поэтому, что стбит заняться этой странной теорией.

Верно ли, что крестьяне ничего не получили от Октябрьской революции? Обратимся к фактам.

У меня в руках известная таблица известного статистика т. Немчинова, опубликованная в моей статье «На хлебном фронте». Из этой таблицы видно, что в дореволюционное время помещики «производили» не менее 600 млн. пудов зерновых хлебов. Стало быть, помещики являлись тогда держателями 600 млн. пудов хлеба.

Кулаки по этой таблице «производили» тогда 1 900 млн. пудов хлеба. Это очень большая сила, которой владели тогда кулаки.

Беднота же и середняки по той же таблице производили 2 500 млн. пудов хлеба.

Такова картина положения в старой деревне, деревне до Октябрьской революции.

Какие изменения произошли в деревне после Октября? Беру цифры из той же таблицы. Взять, например, 1927 год. Сколько же производили в этом году помещики? Ясно, что они ничего не производили и не могли производить, потому что помещики были уничтожены Октябрьской революцией. Вы поймёте, что это должно было послужить большим облегчением для крестьянства, ибо крестьяне освободились от помещичьего ярма. Это, конечно, большой выигрыш для крестьянства, полученный им в результате Октябрьской революции.

Сколько производили кулаки в 1927 году? 600 млн. пудов хлеба вместо 1 900 млн. пудов. Стало быть, кулаки ослабли за период после Октябрьской революции более чем втрое. Вы поймёте, что это не могло не облегчить положения бедноты и середняков.

А сколько производили в 1927 году беднота и середняки? 4 млрд. пудов вместо 2 500 млн. пудов. Стало быть, беднота и середняки стали производить после Октябрьской революции на 1,5 млрд. пудов хлеба больше, чем в дореволюционное время.

Вот вам факты, говорящие о том, что бедняки и середняки получили колоссальный выигрыш от Октябрьской революции.

Вот что дала Октябрьская революция беднякам и середнякам.

Как можно после этого утверждать, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянам?

Но это не все, товарищи. Октябрьская революция уничтожила частную собственность на землю, уничтожила куплю-продажу земли, установила национализацию земли. Что это значит? Это значит, что крестьянин, чтобы производить хлеб, вовсе не нуждается теперь в том, чтобы покупать землю. Раньше он годами накоплял средства для того, чтобы приобрести землю, влезал в долги, шёл в кабалу, лишь бы купить землю. Расходы на покупку земли, конечно, ложились на стоимость производства хлеба. Теперь крестьянин в этом не нуждается. Теперь он может производить хлеб, не покупая землю. Следовательно, сотни миллионов рублей, которые расходовали крестьяне на покупку земли, остаются теперь в кармане у крестьян. Что это – облегчает крестьян или не облегчает? Ясно, что облегчает.

Далее. До последнего времени крестьянин вынужден был ковырять землю старым инвентарём в порядке индивидуального труда. Всякому известно, что индивидуальный труд, вооружённый старыми, теперь уже негодными орудиями производства, не даёт того выигрыша, который необходим для того, чтобы жить сносно, систематически поднимать своё материальное положение, развить свою культуру и выйти на широкую дорогу социалистического строительства. Теперь, после усиленного развития колхозного движения, крестьяне имеют возможность объединить свой труд с трудом своих соседей, объединиться в колхоз, поднять целину, использовать заброшенную землю, получить машину и трактор и поднять таким образом производительность своего труда вдвое, если не втрое. А что это значит? Это значит, что крестьянин имеет теперь

возможность, благодаря объединению в колхозы, производить гораздо больше, чем раньше, при той же затрате труда. Это влечит, стало быть, что производство хлеба становится много дешевле, чем это имело место до последнего времени. Это значит, наконец, что при стабильности цен крестьянин может получить за хлеб гораздо больше, чем он получал до сих пор.

Как можно после всего этого утверждать, что Октябрьская революция не дала выигрыша крестьянству?

Разве не ясно, что люди, говорящие такую небывшую, явным образом лгут на партию, на Советскую власть? Но что из всего этого следует?

Из этого следует, что вопрос о «ножницах», вопрос о ликвидации «ножниц» должен быть поставлен теперь по-новому. Из этого следует, что если колхозное движение будет расти нынешним темпом, «ножницы» будут уничтожены в ближайшее время. Из этого следует, что вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создаёт почву для уничтожения противоположности между городом и деревней. Оно создаёт почву для того, чтобы лозунг партии «лицом к деревне» дополнялся лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу».

И в этом нет ничего удивительного, ибо крестьянин получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец, прямую помощь для борьбы и

преодоления кулачества. Крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение оттуда реальной производственной помощи. На смену крестьянину старого типа, боящемуся опуститься до бедноты и лишь украдкой подымающемуся до положения кулака (могут лишить избирательного права!), приходит новый крестьянин, имеющий новую перспективу – пойти в колхоз и выбраться из нищеты и темноты на широкую дорогу хозяйственного и культурного подъема.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Тем досаднее, товарищи, что наши теоретики-аграрники не приняли всех мер к тому, чтобы расчистить и вырвать с корнями все и всякие буржуазные теории, пытающиеся развенчать завоевания Октябрьской революции и растущее колхозное движение.

V. О природе колхозов

Колхозы, как тип хозяйства, есть одна из форм социалистического хозяйства. В этом не может быть никакого сомнения.

Один из ораторов выступал здесь и развенчивал колхозы. Он уверял, что колхозы, как хозяйственные организации, не имеют ничего общего с социалистической формой хозяйства. Я должен заявить, товарищи, что такая характеристика колхозов совершенно неправильна. Не может быть сомнения, что она, эта характеристика, не имеет ничего общего с действительностью.

Чем определяется тип хозяйства? Очевидно, отношениями людей в процессе производства. Чем же иным можно определить тип хозяйства? Но разве в колхозе имеется класс людей, являющихся собственниками средств производства, и класс людей, лишённых этих средств производства? Разве в колхозе имеется класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых? Разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на земле, принадлежащей государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы, как тип хозяйства, не представляют ту из форм социалистического хозяйства?

Конечно, в колхозах имеются противоречия. Конечно, в колхозах имеются индивидуалистические и даже кулацкие пережитки, которые ещё не отпали, но которые обязательно должны отпасть с течением времени, по мере укрепления колхозов, по мере их механизации. Но разве можно отрицать, что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы, как хозяйственный факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь социалистического развития деревни в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития? Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами?

Не ясно ли, что попытки некоторых товарищей развенчать колхозы и объявить их буржуазной формой хозяйства являются лишёнными всякого основания?

В 1923 году у нас не было ещё массового колхозного движения. Ленин в своей брошюре «О кооперации» имел в виду все виды кооперации, и низшие её формы (снабженческо-сбытовые), и высшие (колхозная форма). Что же он говорил тогда о кооперации, о кооперативных предприятиях? Вот одна цитата из брошюры Ленина «О кооперации»:

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических как предприятия коллективные, но не отличаются (курсив мой. – И. Ст.) от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» (т. XXVII, стр. 396).

Стало быть, Ленин берет кооперативные предприятия не сами по себе, а в связи с нашим существующим строем, в связи с тем, что они функционируют на земле, принадлежащей государству, в стране, где средства производства принадлежат государству, и, рассматривая их в таком порядке, Ленин утверждает, что кооперативные предприятия не отличаются от предприятий социалистических.

Так говорит Ленин о кооперативных предприятиях вообще.

Не ясно ли, что тем с большим основанием можно сказать то же самое о колхозах нашего периода?

Этим, между прочим, и объясняется, что Ленин считает «простой рост кооперации» при наших условиях «тождественным с ростом социализма».

Вы видите, что, развенчивая колхозы, вышеупомянутый оратор допустил грубейшую ошибку против ленинизма.

Из этой ошибки вытекает другая его ошибка – насчёт классовой борьбы в колхозах. Оратор так красочно расписал классовую борьбу в колхозах, что можно подумать, что классовая борьба в колхозах не отличается от классовой борьбы вне колхозов. Более того, можно подумать, что она становится там ещё более ожесточённой. Впрочем, не один только упомянутый оратор грешен в этом деле. Болтовня о классовой борьбе, писк и визг насчёт классовой борьбы в колхозах представляют теперь характерную черту всех наших «левых» крикунов. Причём наиболее комичным в этом писке является то, что пискуны эти «видят» классовую борьбу там, где её нет или почти нет, но не видят её там, где она существует и переливает через край.

Есть ли элементы классовой борьбы в колхозах? Да, есть. Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются ещё пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется ещё некоторое неравенство в материальном положении. Можно ли сказать, что классовая борьба в колхозах равнозначна классовой борьбе вне колхозов? Нет, нельзя. В том-то и состоит ошибка наших «левых» фразёров, что они не видят этой разницы.

Что значит классовая борьба вне колхозов, до образования колхозов? Это значит – борьба с кулаком, владеющим орудиями и средствами производства и закабаляющим себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть.

А что значит классовая борьба на базе колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишён

орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки объединены в колхозы, на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идёт о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились ещё от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство. Не ясно ли, что только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и классовой борьбой вне колхозов?

Было бы ошибочно думать, что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придётся ещё много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы механизированы, чем скорее они будут тракторизированы. Но это нисколько не умаляет величайшего значения колхозов, как рычага социалистического преобразования деревни. Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе социализма. Ленин был прав, когда он говорил:

«Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе» (т. XXVI, стр. 239).

Кто может отрицать, что колхозы являются той именно формой социалистического хозяйства, через которую только и может приобщиться многомиллионное мелкое индивидуальное крестьянство к крупному хозяйству с его машинами и тракторами, как рычагами хозяйственного подъёма, как рычагами социалистического развития сельского хозяйства?

Обо всем этом забыли наши «левые» фразёры.

Забыл об этом и наш оратор.

VI. Классовые сдвиги и поворот в политике партии

Наконец, вопрос о классовых сдвигах в стране и наступлении социализма на капиталистические элементы деревни.

Характерная черта работы нашей партии за последний год состоит в том, что мы, как партия, как Советская власть:

а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни,

б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные положительные результаты.

Что это значит? Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике.

До последнего времени партия стояла на позиции ограничения эксплуататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена ещё на VIII съезде партии. Она, эта самая политика, была вновь возвещена при введении НЭП-а и на XI съезде нашей партии. Всем памятно известное письмо Ленина о тезисах Преображенского (1922 г.), где он вновь возвращается к вопросу о необходимости проведения такой именно политики. Она была, наконец, подтверждена XV съездом нашей партии. её и проводили мы до последнего времени.

Правильна ли была эта политика? Да, она была тогда безусловно правильна. Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество? Могли ли мы тогда рассчитывать на успех такого наступления? Нет, не могли. Это было бы опаснейшим авантюризмом. Это было бы опаснейшей игрой в наступление. Ибо мы наверняка сорвались бы на этом и, сорвавшись, укрепили бы позиции кулачества. Почему? Потому, что у нас не было ещё тех опорных пунктов в деревне, в виде широкой сети совхозов и колхозов, на которых можно было бы базироваться в решительном наступлении против кулачества. Потому, что мы не имели тогда возможности заменить капиталистическое производство кулака социалистическим производством колхозов и совхозов.

В 1926–1927 годах зиновьевско-троцкистская оппозиция усиленно навязывала партии политику немедленного наступления на кулачество. Партия не пошла на эту опасную авантюру, ибо она знала, что серьёзные люди не могут позволить себе игру в наступление. Наступление на кулачество есть серьёзное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царпанья с, кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество – это значит сломить кулачество и ликвидировать его, как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, царпанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество – это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением. Могли ли мы предпринять лет пять или года три назад такое наступление с расчётом на успех? Нет, не могли.

В самом деле, кулак производил в 1927 году более 600 млн. пудов хлеба, а продавал из этой суммы в порядке внедеревенского обмена около 130 млн. пудов. Это довольно серьёзная сила, с которой нельзя не считаться. А сколько производили тогда наши колхозы и совхозы? Около 80 млн. пудов, из коих вывезли на рынок (товарный хлеб) около 35 млн. пудов. Судите сами, могли ли мы тогда заменить кулацкое производство и кулацкий товарный хлеб производством и товарным хлебом наших колхозов и совхозов? Ясно, что не могли.

Что значит при таких условиях предпринять решительное наступление на кулачество? Это значит наверняка сорваться, усилить позиции кулачества и остаться без хлеба. Вот почему мы не могли и не должны были предпринимать тогда решительного наступления на кулачество вопреки авантюристским декламациям зиновьевско-троцкистской оппозиции.

Ну, а теперь? Как теперь обстоит дело? Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его, как класс, и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Известно, что в 1929 году производство хлеба в колхозах и совхозах составляло не менее 400 млн. пудов (на 200 млн. пудов меньше, чем валовая продукция кулацкого хозяйства в 1927 году). Известно, далее, что в 1929 году колхозы и совхозы дали товарного хлеба более 130 млн. пудов (т.е. больше, чем кулак в 1927 году). Известно, наконец, что в 1930 году валовая хлебная продукция колхозов и совхозов будет составлять не менее 900 млн. пудов (т.е. более, чем валовая продукция кулака в 1927 году), а товарного хлеба дадут они не менее 400 млн. пудов (т.е. несравненно больше, чем кулак в 1927 году).

Так обстоит теперь дело у нас, товарищи.

Вот такая передвижка произошла у нас в экономике страны.

Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех.

Вот как надо наступать на кулачество, если говорить о действительном и решительном наступлении, а не ограничиваться пустопорожней декламацией против кулачества.

Вот почему мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

Ну, а как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации? – спрашивают с равных сторон. Смешной вопрос! Раскулачивания нельзя было допускать, пока мы стояли на точке зрения ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, пока мы не имели возможности перейти в решительное наступление против кулачества, пока у нас не было возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Тогда политика недопустимости раскулачивания была необходима и правильна. А теперь – другое дело. Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его, как класс, и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-средняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов. Поэтому смешно и несерьёзно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут.

Не менее смешным кажется другой вопрос: можно ли пустить кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения.

VII. Выводы

Таковы, товарищи, шесть узловых вопросов, мимо которых не может пройти теоретическая работа наших аграрников-марксистов.

Значение этих вопросов состоит прежде всего в том, что марксистская их разработка даёт возможность выкорчевать с корнями все и всякие буржуазные теории, распространяемые иногда – к стыду нашему – нашими же товарищами-коммунистами и засоряющие головы нашим практикам. А выкорчевать эти теории и отбросить их прочь давно бы следовало. Ибо только в беспощадной борьбе с этими и подобными им теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль аграрников-марксистов.

Значение этих вопросов состоит, наконец, в том, что они придают новый облик старым проблемам экономики переходного периода.

По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода.

Надо вскрыть ошибку тех, которые НЭП понимают, как отступление, и только как отступление. На самом деле Ленин ещё при введении новой экономической политики говорил, что НЭП не исчерпывается отступлением, что она означает вместе с тем подготовку для нового решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни.

Надо вскрыть ошибку тех, которые думают, что нэп нужна лишь для связи между городом и деревней. Нам нужна не всякая связь между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы её отбросим к черту. Ленин говорил, что НЭП введена всерьёз и надолго. Но он никогда не говорил, что НЭП введена навсегда.

Надо также поставить вопрос о популяризации марксистской теории воспроизводства. Надо разработать вопрос о схеме построения баланса нашего народного хозяйства. То, что опубликовало ЦСУ в 1926 году в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифири. Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода.

Было бы хорошо, если бы наши марксисты-экономисты выделили специальную группу работников для разработки проблем экономики переходного периода в новой их постановке на нынешнем этапе развития.

*«Правда», №309,
29 декабря 1929 года*

Сталин Иосиф Виссарионович

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ К вопросам колхозного движения

Об успехах Советской власти в области колхозного движения говорят теперь все. Даже враги вынуждены признать наличие серьёзных успехов. А успехи эти, действительно, велики.

Это факт, что на 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы перевыполнили пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое.

Это факт, что на 28 февраля этого года колхозы успели уже ссыпать семян для яровых посевов более 36 миллионов центнеров, т.е. более 90% плана, т.е. около 220 миллионов пудов. Нельзя не признать, что сбор 220 миллионов пудов семян по одной лишь колхозной линии – после успешного выполнения хлебозаготовительного плана представляет крупнейшее достижение.

О чём всё это говорит?

О том, что коренной поворот деревни к социализма можно считать уже обеспеченным.

Нет нужды доказывать, что успехи эти имеют величайшее значение для судеб нашей страны, для всего рабочего класса, как руководящей силы нашей страны, наконец, для самой партии. Не говоря уже о прямых практических результатах, они, эти успехи, имеют громадное значение для внутренней жизни самой

партии, для воспитания нашей партии. Они вселяют в нашу партию дух бодрости и веры в свои силы. Они вооружают рабочий класс верой в победу нашего дела.

Они подводят к нашей партии новые миллионные резервы.

Отсюда задача партии: закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперёд.

Но успехи имеют и свою теневую сторону, особенно когда они достаются сравнительно «легко», в порядке, так сказать, «неожиданности». Такие успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: «Мы всё можем!», «Нам всё нипочём!». Они, эти успехи, нередко пьянят людей, причём у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристские попытки «в два счёта» разрешить все вопросы социалистического строительства.

Здесь уже нет места для заботы о том, чтобы закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперёд. Зачем нам закреплять достигнутые успехи, — мы и так сумеем добежать «в два счёта» до полной победы социализма: «Мы всё можем!», «Нам всё нипочём!».

Отсюда задача партии: повести решительную борьбу с этими опасными и вредными для дела настроениями и изгнать их вон из партии. Нельзя сказать, чтобы эти опасные и вредные для дела настроения имели сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но они, эти настро-

ния, всё же имеются в нашей партии, причём нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться.

И если они, эти настроения, получают у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено и опасность срыва этого движения может стать реальностью.

Отсюда задача нашей прессы: систематически разоблачать эти и подобные им антиленинские настроения.

Несколько фактов.

1. Успехи нашей колхозной политики объясняются между прочим тем, что она, эта политика, опирается на добровольность колхозного движения и учёт разнообразия условий в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства. Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые. Это было бы глупо и реакционно. Такая политика» одним ударом развенчала бы идею коллективизации. Надо тщательно учитывать разнообразие условий в различных районах СССР при определении темпа и методов колхозного строительства.

В колхозном движении впереди всех районов стоят у нас зерновые районы. Почему?

Потому, во-первых, что в этих районах имеется у нас наибольшее количество окрепших уже совхозов и колхозов, благодаря которым крестьяне имели возможность убедиться в силе и значении новой техники, в силе и значении новой, коллективной организации хозяйства.

Потому, во-вторых, что эти районы имеют за собой двухлетнюю школу борьбы кулачеством во время хлебозаготовительных кампаний, что не могло не облегчить дело колхозного движения.

Потому, наконец, что эти районы усиленным образом снабжались за последние годы лучшими кадрами из промышленных центров.

Можно ли сказать, что эти особо благоприятные условия имеются также и в других районах, например, в потребительских районах, вроде наших северных областей, или в районах всё ещё отсталых национальностей, вроде, скажем, Туркестана?

Нет, нельзя этого сказать.

Ясно, что принцип учёта разнообразия условий в различных районах СССР наряду с принципом добровольности является одной из серьёзнейших предпосылок здорового колхозного движения.

А что иногда происходит у нас на деле? Можно ли сказать, что принцип добровольности и учёта местных особенностей не нарушается в ряде районов? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, например, что в ряде северных районов потребительской полосы, где благоприятных условий для немедленной организации колхозов сравнительно меньше, чем в верховых районах, стараются нередко подменить подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения, бумажными резолюциями о росте колхозов, организацией бумажных колхозов, которых ещё нет в действительности, но о «существовании» которых имеется куча хвастливых резолюций.

Или возьмём некоторые районы Туркестана, где благоприятных условий для немедленной организации колхозов ещё меньше, чем в северных областях потребительской полосы. Известно, что в ряде районов Туркестана были уже попытки «догнать и перегнать» передовые районы СССР путём угрозы военной силой, путём угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока идти в колхозы.

Что может быть общего между этой «политикой» унтера Пришибеева и политикой партии, опирающейся на добровольность и учёт местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего.

Кому нужны эти чиновничьи искривления, это декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов! К чему они могут привести, эти искривления?

К усилению наших врагов и к развенчанию идей колхозного движения.

Не ясно ли, что авторы этих искривлений, мнящие себя «левыми», на самом деле льют воду на мельницу правого оппортунизма?

2. Одно из величайших достоинств политической стратегии нашей партии состоит в том, что она умеет выбирать в каждый данный момент основное звено движения, уцепившись за которое она тянет потом всю цепь к одной общей цели для того, чтобы добиться разрешения задачи. Можно ли сказать, что партия уже выбрала основное звено колхозного движения в системе колхозного строительства? Да, можно и нужно.

В чём состоит оно, это основное звено?

Может быть в товариществе по совместной обработке земли? Нет, не в этом. Товарищества по совместной обработке земли, где средства производства ещё не обобществлены, представляют уже пройденную ступень колхозного движения.

Может быть в сельскохозяйственной коммуне? Нет, не в коммуне. Коммуны представляют пока ещё единичное явление в колхозном движении. Для сельскохозяйственных коммун, как преобладающей формы, где обобществлено не только производство, но и распределение, условия ещё не назрели.

Основное звено колхозного движения, его преобладающую форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельскохозяйственная артель.

В сельскохозяйственной артели обобществлены основные средства производства, главным образом, по зерновому хозяйству: труд, землепользование, машины и прочий инвентарь, рабочий скот, хозяйственные постройки. В ней не обобществляются: приусадебные земли (мелкие огороды, садики), жилые постройки, известная часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т.д.

Артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы. Зерновая же проблема является основным звеном в системе всего сельского хозяйства потому, что без её разрешения невозможно разрешить ни проблему животноводства (мелкого и крупного), ни проблему технических и специальных культур, дающих основное сырьё для

промышленности. Вот почему сельскохозяйственная артель является в данный момент основным звеном в системе колхозного движения.

Из этого исходит «Примерный устав» колхозов, окончательный текст которого публикуется сегодня.

Из этого же должны исходить наши партийные и советские работники, одна из обязанностей которых состоит в том, чтобы изучить этот устав по существу и проводить его в жизнь до конца.

Такова установка партии в данный момент.

Можно ли сказать, что эта установка партии проводится в жизнь без нарушений и искажений? Нет, нельзя этого сказать, к сожалению. Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко ещё не закончена и где артели ещё не закреплены, имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне.

Артель ещё не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причём «обобществление» это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет ещё налицо условий, делающих необходимым такое обобществление.

Можно подумать, что зерновая проблема уже разрешена в колхозах, что она представляет уже пройденную ступень, что основной задачей в данный момент является не разрешение зерновой проблемы, а разрешение проблемы животноводства и птицеводства. Спрашивается, кому нужна эта головотяпская «работа» по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и

вредное для дела забегание вперёд? Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема ещё не разрешена, когда артельная форма колхозов ещё не закреплена, – разве не ясно, что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?

Один из таких ретивых «обобществителей» доходит даже до того, что даёт приказ по артели, где он предписывает «учесть в трёхдневный срок всё поголовье домашней птицы каждого хозяйства», установить должность специальных «командиров» по учёту и наблюдению, «занять в артели командные высоты», «командовать социалистическим боем, не покидая постов» и – ясное дело – зажать всю артель в кулак.

Что это – политика руководства колхозом или политика его разложения и дискредитации?

Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов. Снять колокола, – подумаешь какая революционность!

Как могли возникнуть в нашей среде эти головотяпские упражнения по части «обобществления», эти смехотворные попытки перепрыгнуть через самих себя, попытки, имеющие своей целью обойти классы и классовую борьбу, а на деле льющие воду на мельницу наших классовых врагов, наших

Они могли возникнуть лишь в атмосфере «лёгких» и «неожиданных» успехов на фронте колхозного строительства.

Они могли возникнуть лишь в результате головотяпских настроений в рядах одной части партии: «Мы всё можем!», «Нам всё нипочём!».

Они могли возникнуть лишь в результате того, что у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда, Чтобы выправить линию нашей работы в области колхозного строительства, надо положить конец этим настроениям.

В этом теперь одна из очередных задач партии.

Искусство руководства есть серьёзное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отстать – значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперёд, ибо забежать вперёд – значит потерять массы и изолировать себя. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта – и против отстающих и против забегающих вперёд.

Партия наша сильна и непобедима потому, что, руководя движением, она умеет сохранять и умножать свои связи с миллионными массами рабочих и крестьян.

*«Правда», №60,
2 марта 1930 г.*

Подпись: И. Сталин

(И.В. Сталин. Сочинения, том 12.– М.: Госполитиздат, 1949, с.191–199.)

Сталин Иосиф Виссарионович

О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1934 года)

Рассылая членам Политбюро ЦК статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», считаю нужным предпослать ей следующие замечания.

Товарищ Адоратский предлагает напечатать в ближайшем номере «Большевика», посвящённом двадцатилетию мировой империалистической войны, известную статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», впервые опубликованную за границей в 1890 году. Я считал бы вполне нормальным, если бы предлагали напечатать эту статью в сборнике сочинений Энгельса или в одном из исторических журналов. Но нам предлагают напечатать её в нашем боевом журнале, в «Большевике», в номере, посвящённом двадцатилетию мировой империалистической войны. Стало быть, считают, что статья эта может быть рассматриваема как руководящая или, во всяком случае, глубоко поучительная для наших партийных работников с точки зрения выяснения проблем империализма и империалистических войн. Но статья Энгельса, как видно из её содержания, несмотря на её достоинства, не обладает, к сожалению, этими качествами. Более того, она имеет ряд таких недостатков, которые, если она будет опублико-

вана без критических замечаний, могут запутать читателя.

Поэтому я считал бы нецелесообразным опубликование статьи Энгельса в ближайшем номере «Большевика».

Но что это за недостатки?

1. Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет её не столько «потребностью» военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всём, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей авантюристической цели, которая удивительно ловко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством.

Такая трактовка вопроса в устах Энгельса может показаться более чем невероятной, но она, к сожалению, факт.

Вот соответствующие места из статьи Энгельса.

«Внешняя политика, – говорит Энгельс, – это безусловно та область, в которой царизм очень и очень силен. Русская дипломатия образует своего рода новый иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресечь её в своей собственной среде. Вначале

этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как, например, Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен. Иностранкою была и его основательница, Екатерина II».

«До сих пор только один чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон-Гирс опять уже носит иностранную фамилию».

«Это тайное общество, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цепь, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России от Днепра и Двины за Вислу, к Пруту, Дунаю, к Чёрному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх, и открыла ей путь к мировому господству». (См. вышеупомянутую статью Энгельса).

Можно подумать, что в истории России, в её внешней истории, дипломатия составляла всё, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы – ничего, или почти ничего.

Можно подумать, что если бы во главе внешней политики России стояли не иностранные авантюристы, вроде Нессельроде или Гирса, а русские авантюристы, вроде Горчакова и других, то внешняя политика России пошла бы другим путём.

Я уже не говорю о том, что завоевательная политика со всеми её мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща – не в меньшей, если не в большей степени – королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на своё нецарское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги.

Понятно, что иначе и не могло быть.

Видимо, в своём памфлете против русского царизма (статья Энгельса – хороший боевой памфлет) Энгельс несколько увлёкся и, увлечшись, забыл на минуту о некоторых элементарных, хорошо ему известных, вещах.

2. Характеризуя положение в Европе и вскрывая причины и перспективы надвигающейся мировой войны, Энгельс пишет:

«Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзаса и Лотарингии Германией, 2) стремлением царской России к Константинополю, 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, все жарче разгорающейся во всех странах, – борьбой, термометром которой служит повсеместный подъём социалистического движения».

«Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзаса-Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзницу Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, – к войне, какой ещё не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг против друга от десяти до пятнадцати миллионов вооружённых бойцов. Только два обстоятельства препятствовали до сих пор взрыву этой ужасной войны: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый новоизобретённый образец оружия, прежде чем его успеют ввести хотя бы только в одной армии, обгоняется новыми изобретениями, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы».

«Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность».

«...Русское Национальное собрание, которое захочет справиться хотя бы с самыми неотложными внутренними задачами, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям».

«С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить её: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, – не подлежит никакому сомнению».

«...В тот день, когда падает царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, – в этот день совсем другой ветер подует в Европе». (См. там же).

Нельзя не заметить, что в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне, упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно – момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьёзное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны.

Я думаю, что это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса.

Из этого недостатка вытекают остальные недостатки, из коих не мешало бы отметить следующее:

а) Переоценку роли стремления России к Константинополю в деле назревания мировой войны. Правда, первоначально Энгельс ставит на первое место как фактор войны аннексию Эльзас-Лотарингии Германией, но потом он отодвигает этот момент на задний план и выдвигает на первый план завоевательные

стремления русского царизма, утверждая, что «вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей».

Это, конечно, преувеличение.

б) Переоценку роли буржуазной революции в России, роли «русского Национального собрания» (буржуазный парламент) в деле предотвращения надвигающейся мировой войны. Энгельс утверждает, что падение русского царизма является единственным средством предотвращения мировой войны. Это – явное преувеличение. Новый, буржуазный строй в России с его «Национальным собранием» не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами. Дело в том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы.

в) Переоценку роли царской власти как «последней твердыни общеевропейской реакции» (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции – в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции – в этом позволительно сомневаться.

Нужно отметить, что эти недостатки статьи Энгельса представляют не только «историческую ценность». Они имеют или должны были иметь ещё важнейшее практическое значение. В самом деле: если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией как фактор войны отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной или почти освободительной?

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от «русского варварства» и т.п.

Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что «победа Германии есть, стало быть, победа революции», что «если Россия начнёт войну, — вперёд на русских и их союзников, кто бы они ни были!».

Понятно, что при таком ходе мыслей не остаётся места для революционного пораженчества, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Так обстоит дело с недостатками статьи Энгельса.

Видимо, Энгельс, встревоженный налаживавшимся тогда (1890–1891 годы) франко-русским союзом, направленным своим острием против австро-германской коалиции, задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить её всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии, но, осуществляя эту цель, он упустил из виду ряд других важнейших и даже определяющих моментов, результатом чего явилась односторонность статьи.

Стоит ли после всего сказанного печатать статью Энгельса в нашем боевом органе, в «Большевике», как статью руководящую или, во всяком случае, глубоко поучительную, ибо ясно, что напечатать её в «Большевике» – значит дать ей молчаливо такую именно рекомендацию?

Я думаю, не стоит.

И. СТАЛИН
19 июля 1934 года

Большевик. 1934, №9

Сталин Иосиф Виссарионович

Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы, 9 февраля 1946 года

Источник:

Сталин И.В. Сочинения.— Т. 16.— М.: Издательство «Писатель», 1997.— С.5–16. (В квадратных скобках обозначается конец текста на соответствующей странице печатного оригинала указанного издания.)

Товарищи!

Со времени последних выборов в Верховный Совет прошло восемь лет. Это был период, богатый событиями решающего характера.

Первые четыре года прошли в напряжённой работе советских людей по осуществлению третьей пятилетки.

Вторые четыре года обнимают события войны с немецкими и японскими агрессорами — события второй мировой войны.

Несомненно, что война является главным моментом истекшего периода.

Было бы неправильно думать, что вторая мировая война возникла случайно или в результате ошибок тех или иных государственных деятелей, хотя ошибки безусловно имели место. На самом деле война возникла как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современ-

ного монополистического капитализма. Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперёд, а через кризисы и военные катастрофы.

Дело в том, что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причём та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьём и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу путём применения вооружённой силы. В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними.

Пожалуй, можно было бы избежать военные катастрофы, если бы была возможность периодически перераспределять сырьё и рынки сбыта между странами сообразно с их экономическим весом в порядке принятия согласованных и мирных решений. Но это [с.5] невозможно осуществить при нынешних капиталистических условиях развития мирового хозяйства.

Таким образом, в результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война, в результате же второго кризиса возникла вторая мировая война.

Это не означает конечно, что вторая мировая война является копией первой. Наоборот, вторая мировая

война существенно отличается от первой по своему характеру.

Следует иметь в виду, что главные фашистские государства – Германия, Япония, Италия – раньше, чем напасть на союзные страны, уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод и установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель собственной политикой и заявили во всеуслышание, что они добиваются мирового господства и распространения фашистского режима во всем мире, причём захватом Чехословакии и центральных районов Китая государства оси показали, что они готовы осуществить свою угрозу насчёт порабощения всех свободолюбивых народов. Ввиду этого вторая мировая война против государств оси в отличие от первой мировой войны приняла с самого начала характер войны антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демократических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить, – и действительно усилило, – антифашистский и освободительный характер второй мировой войны.

На этой почве и сложилась антифашистская коалиция Советского Союза, Соединённых Штатов Америки, Великобритании и других свободолюбивых государств, сыгравшая потом решающую роль в деле разгрома вооружённых сил государств оси.

Так обстоит дело с вопросом о происхождении и характере второй мировой войны.

Теперь, пожалуй, все признают, что война действительно не была и не могла быть случайностью в жизни народов, что она превратилась на деле в войну народов за их существованием что именно поэтому она не могла быть скоротечной, молниеносной.

Что касается нашей страны, то эта война была для неё самой жестокой и тяжёлой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины.

Но война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа. Война [с.6] обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств, партий, и выставила их на сцену без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами. Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей Коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, – разглядите их внимательно и воздайте им по их делам.

В этом одна из положительных сторон войны.

Для нас, для избирателей, это обстоятельство имеет большое значение, ибо оно помогает нам быстро и объективно оценить деятельность партии и её людей и сделать правильные выводы. В другое время пришлось бы изучать выступления и доклады представителей партии, анализировать их, сопоставлять их слова с их делами, подвести итоги и тому подобное. Это требует сложной и трудной работы, причём нет гарантии, что не будут допущены ошибки. Другое

дело теперь, когда война окончена, когда война сама проверила работу наших организаций и руководителей и подвела ей итоги.

Теперь нам гораздо легче разобраться и прийти к правильным выводам.

Итак, каковы итоги войны?

Существует один главный итог, на основе которого возникли все другие итоги. Этот итог состоит в том, что к исходу войны враги потерпели поражение, а мы вместе с нашими союзниками оказались победителями. Мы окончили войну полной победой над врагами, – в этом главный итог войны.

Но это слишком общий итог, и мы не можем поставить здесь точку. Конечно, разбить врагов в такой войне, как вторая мировая война, какой не было ещё в истории человечества, – это значит добиться всемирно-исторической победы. Все это верно. Но это все же общий итог, и мы не можем успокаиваться на этом. Чтобы понять великое историческое значение нашей победы, необходимо разобраться в этом деле более конкретно.

Итак, как нужно понимать нашу победу над врагами, что может означать эта победа с точки зрения состояния и развития внутренних сил пашен страны?

Наша победа означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность. [с.7]

Как известно, в иностранном печати не раз высказывались утверждения, что советским общественный строй является «рискованным экспериментом»,

обречённым на провала что советский строй представляет «карточный домик», не имеющий корней в жизни и навязанный народу органами Чека, что достаточно небольшого толчка извне, чтобы этот «карточный домик» разлетелся в прах.

Теперь мы можем сказать, что война опрокинула все эти утверждения иностранной печати как беспочвенные. Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества.

Более того. Теперь речь идёт уже не о том, жизнеспособен или нет советский общественный строй, ибо после наглядных уроков войны никто из скептиков не решается больше выступать с сомнениями насчёт жизнеспособности советского общественного строя. Теперь речь идёт о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивыми чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй.

Наша победа означает, во-вторых, что победил наш советский государственный строй, что наше многонациональное Советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность.

Как известно видные деятели иностранной печати не раз высказывались в том духе, что Советское многонациональное государство представляет «искусственное и нежизненное сооружение», что в случае

каких-либо осложнений развал Советского Союза является неотвратимыми что Советский Союз ждёт судьба Австро-Венгрии.

Теперь мы можем сказать, что война опровергла эти заявления иностранной печати как лишённые всякого основания.

Война показала, что советский многонациональный государственный строи с успехом выдержал испытание, ещё больше окреп за время войны и оказался вполне жизнеспособным государственным строем. Эти господа не поняли, что аналогия с Австро-Венгрией несостоятельна, ибо наше многонациональное государство выросло не на буржуазной основе, стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды, а на советской основе, которая, наоборот, [с.8] культивирует чувства дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства.

Впрочем, после уроков войны эти господа не решаются выступить с отрицанием жизнеспособности советского государственного строя. Теперь речь идёт уже не о жизнеспособности советского государственного строя, ибо его жизнеспособность не подлежит сомнению. Теперь речь идёт о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государствам что советский государственный строи представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблема сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве.

Наша победа означает, в-третьих, что победили советские вооружённые силы, победила наша Красная

Армия, что Красная Армия героически выдержала все невзгоды войны, на голову разбила армии наших врагов и вышла из войны победительницей.

Теперь все признают – как друзьям так и враги, – что Красная Армия оказалась на высоте своих великих задач. Но не так обстояло дело лет шесть тому назад, в период перед войной.

Как известно, видные деятели иностранной прессы и многие признанные авторитеты военного дела за границей неоднократно заявляли, что состояние Красной Армии внушает большие сомнения что Красная Армия плохо вооружена и не имеет настоящего командного состава, что её моральное состояние ниже всякой критики, что она может быть, и пригодится для обороны, но для наступления непригодна, что в случае удара со стороны немецких войск Красная Армия должна развалиться, как «колосс на глиняных ногах».

Такие заявления делались не только в Германии, но и во Франции, Англии, Америке.

Теперь мы можем сказать, что война опрокинула все эти заявления как беспочвенные и смехотворные. Война показала, что Красная Армия является не «колоссом на глиняных ногах», а первоклассной армией нашего времени имеющей вполне современное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества. Не нужно забывать, что Красная Армия является той самой армией, которая на голову разбила германскую армию, вчера ещё наводившую ужас на армии европейских государств.

Следует отметить, что «критиков» Красной Армии становится все меньше и меньше. Более того, в заграничной прессе все чаще и чаще появляются

заметки, отмечающие высокие качества Красной Армии, мастерство её бойцов и командиров, безупречность её [с.9] стратегии и тактики. Это и понятно. После блестящих побед Красной Армии под Москвой и Сталинградом, под Курском и Белгородом, под Киевом и Кировоградом, под Минском и Бобруйском, под Ленинградом и Таллином, под Яссами и Львовом, на Висле и Немане, на Дунае и Одере, под Веной и Берлином – после всего этого нельзя не признать, что Красная Армия является первоклассной армией, у которой можно было бы поучиться многому.

Так понимаем мы конкретную победу нашей страны над её врагами.

Таковы в основном итоги войны.

Было бы ошибочно думать, что можно добиться такой исторической победы без предварительной подготовки всей страны к активной обороне. Не менее ошибочно было бы полагать, что такую подготовку можно провести в короткий срок, в течение каких-либо трёх-четырёх лет. ещё более ошибочно было бы утверждать, что мы добились победы благодаря лишь храбрости наших войск. Без храбрости, конечно, невозможно добиться победы. Но одной лишь храбрости недостаточно для того, чтобы одолеть врага, имеющего многочисленную армию, первоклассное вооружение, хорошо обученные офицерские кадры и неплохо поставленное снабжение. Чтобы принять удар такого врага, дать ему отпор, а потом нанести ему полное поражение для этого необходимо было иметь, кроме беспримерной храбрости наших войск, вполне современное вооружение и притом в достаточном количестве, и хорошо поставленное снабжение – тоже

в достаточных размерах. Но для этого не обходимо было иметь, и притом в достаточном количестве, такие элементарные вещи, как: металл – для производства вооружения, снаряжения, оборудования для предприятий, топливо – для поддержания работы предприятий и транспорта, хлопок – для производства обмундирования, хлеб – для снабжения армии.

Можно ли утверждать, что перед вступлением во вторую мировую войну наша страна уже располагала минимально необходимыми материальными возможностями, потребными для того, чтобы удовлетворить в основном эти нужды? Я думаю, что можно утверждать. На подготовку этого грандиозного дела понадобилось осуществление трёх пятилетних планов развития народного хозяйства. Именно эти три пятилетки помогли нам создать эти материальные возможности. Во всяком случае, положение нашей страны в этом отношении перед второй мировой войной, в 1940 году, было в несколько раз лучше, чем перед первой мировой войной – в 1913 году. [с.10]

Какими материальными возможностями располагала наша страна перед второй мировой войной?

Чтобы помочь вам разобраться в этом деле, мне придётся изложить здесь краткий отчёт о деятельности Коммунистической партии в области подготовки нашей страны к активной обороне.

Если взять данные за 1940 год – канун второй мировой войны – и сравнить их с данными за 1913 год – канун первой мировой войны, – то мы получим такую картину.

В течение 1913 года в нашей стране было произведено 4 миллиона 220 тысяч тонн чугуна, 4 миллиона

230 тысяч тонн стали, 29 миллионов тонн угля, 9 миллионов тонн нефти, 21 миллион 600 тысяч тонн товарного зерна, 740 тысяч тонн хлопка-сырца.

Таковы были материальные возможности нашей страны, с которыми она вступила в первую мировую войну.

Это была экономическая база старой России, которая могла быть использована для ведения войны.

Что касается 1940 года, то в течение этого года в нашей стране было произведено: 15 миллионов тонн чугуна, то есть почти в 4 раза больше, чем в 1913 году; 18 миллионов 300 тысяч тонн стали, то есть в 4 с половиной раза больше, чем в 1913 году; 166 миллионов тонн угля, то есть в 5 с половиной раз больше, чем в 1913 году; 31 миллион тонн нефти, то есть в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 году; 38 миллионов 300 тысяч тонн товарного зерна, то есть на 17 миллионов тонн больше, чем в 1913 году; 2 миллиона 700 тысяч тонн хлопка-сырца, то есть в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 году.

Таковы были материальные возможности нашей страны, с которыми она вступила во вторую мировую войну.

Это была экономическая база Советского Союза, которая могла быть использована для ведения войны.

Разница, как видите, колоссальная.

Такой небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной – в индустриальную.

Это историческое превращение было проделано в течение трёх пятилеток, начиная с 1928 года – с первого года первой пятилетки. До этого времени нам пришлось заниматься восстановлением разрушенной промышленности и залечиванием ран, полученных в результате первой мировой войны и гражданской войны. Если при этом принять во внимание то обстоятельство, что первая пятилетка [с.11] была выполнена в течение 4 лет, а осуществление третьей пятилетки было прервано войной на четвёртом году её исполнения, то выходит, что на превращение нашей страны из аграрной в индустриальную понадобилось всего около 13 лет.

Нельзя не признать, что тринадцатилетний срок является невероятно коротким сроком для осуществления такого грандиозного дела.

Этим, собственно, и объясняется, что опубликование этих цифр вызвало в своё время в иностранной печати бурю разногласия. Друзья решили, что произошло «чудо». Недоброжелатели же объявили, что пятилетки являются «большевистской пропагандой» и «фокусами Чека». Но так как чудес на свете не бывает, а Чека не так сильна, чтобы отменить законы общественного развития, то «общественному мнению» за границей пришлось примириться с фактами.

При помощи какой политики удалось Коммунистической партии обеспечить эти материальные возможности в стране в такой короткий срок?

Прежде всего при помощи советской политики индустриализации страны.

Советский метод индустриализации страны коренным образом отличается от капиталистического

метода индустриализации. В капиталистических странах индустриализация обычно начинается с лёгкой промышленности. Так как в лёгкой промышленности требуется меньше вложения и капитал оборачивается быстрее, причём получение прибыли является более лёгким делом, чем в тяжёлой промышленности, то лёгкая промышленность становится там первым объектом индустриализации. Только по истечении длительного срока, в течение которого лёгкая промышленность накапливает прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжёлой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжёлую индустрию для того, чтобы создать условия для её развёртывания. Но это – процесс длительный, требующий большого срока в несколько десятилетий, в течение которого приходится ждать развития лёгкой промышленности и прозябать без тяжёлой промышленности. Понятно, что Коммунистическая партия не могла стать на этот путь. Партия знала, что война надвигается, что оборонять страну без тяжёлой индустрии невозможно, что нужно поскорее взяться за развитие тяжёлой индустрии, что опоздать в этом деле – значит проиграть. Партия помнила слова Ленина о том, что без тяжёлой индустрии невозможно отстоять [с.12] независимость страны, что без неё может погибнуть советский строй.

Поэтому Коммунистическая партия нашей страны отвергла «обычный» путь индустриализации и начала дело индустриализации страны с развёртывания тяжёлой индустрии. Это было очень трудно, но преодолимо. Большую помощь оказала в этом деле

национализация промышленности и банков, давшая возможность быстрого сбора и перекачки средств в тяжёлую индустрию.

Не может быть сомнений, что без этого невозможно было бы добиться превращения нашей страны в индустриальную страну в такой короткий срок.

Во-вторых, при помощи политики коллективизации сельского хозяйства.

Чтобы покончить с нашей отсталостью в области сельского хозяйства и дать стране побольше товарного хлеба, побольше хлопка и т.д., необходимо было перейти от мелкого крестьянского хозяйства к крупному хозяйству, ибо только крупное хозяйство имеет возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать побольше товарной продукции. Но крупное хозяйство бывает двойное – капиталистическое и коллективное. Коммунистическая партия не могла стать на капиталистический путь развития сельского хозяйства не только в силу принципиальных соображений, но и потому, что он предполагает слишком длительный путь развития и требует предварительного разорения крестьян, превращения их в батраков. Поэтому Коммунистическая партия стала на путь коллективизации сельского хозяйства, на путь укрупнения сельского хозяйства путём объединения крестьянских хозяйств в колхозы. Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, имеющими возможность применить

новую технику, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции.

Нет сомнения, что без политики коллективизации мы не смогли бы покончить в такой короткий срок с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы политика партии не встречала противодействия. Не только отсталые люди, всегда отмахивающиеся от всего нового, но и многие видные члены партии систематически тянули партию назад и старались всяческими способами стащить её на «обычный» капиталистический путь развития. Все [с.13] антипартийные махинации троцкистов и правых, вся их «работа» по части саботажа мероприятий нашего правительства преследовали одну цель: сорвать политику партии и затормозить дело индустриализации и коллективизации. Но партия не поддавалась ни угрозам одних, ни воплям других и уверенно шла вперёд, несмотря ни на что. Заслуга партии состоит в том, что она не приспосабливалась к отсталым, не боялась идти против течения и все время сохраняла за собой позицию ведущей силы. Не может быть сомнения, что без такой стойкости и выдержки Коммунистическая партия не смогла бы отстоять политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Сумела ли Коммунистическая партия правильно использовать созданные таким образом материальные возможности для того, чтобы развернуть военное производство и снабжать Красную Армию необходимым вооружением?

Я думаю, что она сумела это сделать, и при том сумела с наибольшим успехом.

Если не считать первого года, войны, когда эвакуация промышленности на восток затормозила дело разворота военного производства, то в течение остальных трёх лет войны партия сумела добиться таких успехов, которые дали ей возможность не только снабжать фронт в достаточном количестве артиллерией, пулемётами, винтовками, самолётами, танками, боеприпасами, но и накапливать резервы. При этом известно, что наше вооружение по качеству не только не уступало немецкому, но в общем даже превосходило его.

Известно, что наша танковая промышленность в течение последних трёх лет войны производила ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходов и бронемашин.

Известно далее, что наша авиационная промышленность производила за тот же период ежегодно до 40 тысяч самолётов.

Известно также, что наша артиллерийская промышленность производила за тот же период ежегодно до 120 тысяч орудий всех калибров, до 450 тысяч ручных и станковых пулемётов, свыше 3 миллионов винтовок и около 2 миллионов автоматов.

Известно, наконец, что наша миномётная промышленность за период 1942–1944 годов производила ежегодно в среднем до 100 тысяч миномётов.

Понятно, что одновременно с этим производилось соответствующее количество артиллерийских снарядов, разного рода мин, авиационных бомб, винтовочных и пулемётных патронов. [с.14]

Известно, например, что в одном только 1944 году было произведено свыше 240 миллионов снарядов, бомб и мин и 7 миллиардов 400 миллионов патронов.

Такова в общем картина снабжения Красной Армии вооружением и боеприпасами.

Как видите, она не похожа на ту картину, которую представляло снабжение нашей армии в период первой мировой войны, когда фронт испытывал хронический недостаток в артиллерии и снарядах, когда армия воевала без танков и авиации, когда на каждую тройку солдат выдавалась одна винтовка.

Что касается снабжения Красной Армии продовольствием и обмундированием, то всем известно, что фронт не только не испытывал в этом отношении какого-либо недостатка, но имел даже при себе необходимые резервы.

Так обстоит дело с работой Коммунистической партии нашей страны в период до начала войны и в течение самой войны.

Теперь несколько слов насчёт планов работы Коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утверждён в ближайшее время.

Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов

широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путём последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим учёным, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти.

Только при этом условии можно считать, что [с.15] наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдёт, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать.

Таков мой краткий отчёт о деятельности Коммунистической партии в недавнем прошлом и о планах её работы на будущее время.

Ваше дело судить, насколько правильно работала и работает партия и не могла ли она работать лучше.

Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно

критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности. Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над Коммунистической партией как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей. Немного стоила бы Коммунистическая партия нашей страны, если бы она боялась критики, проверки. Коммунистическая партия готова принять приговор избирателей.

В избирательной борьбе Коммунистическая партия выступает не одна. Она идёт на выборы в блоке с беспартийными. В былые времена коммунисты относились к беспартийным и к беспартийности с некоторым недоверием. Объясняется это тем, что флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы, которым невыгодно было выступать перед избирателями без маски. Так было в прошлом. Но теперь у нас другие времена. Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив советских людей. Живя в общем коллективе, они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь на фронтах во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковали победу над врагами нашей страны. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие – нет. Но эта разница формальная. Важно то, что и те и другие творят одно общее дело. Поэтому блок коммунистов и беспартийных является естественным делом.

В заключение позвольте выразить вам благодарность за доверие, которое вы оказали мне, выдвинув мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета. Можете не сомневаться, что я постараюсь оправдать ваше доверие.

Большевик. 1946, №3

Сталин Иосиф Виссарионович

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР (1952 год)

ОБ ОШИБКАХ т. ЯРОШЕНКО Л.Д.

Членам Политбюро ЦК ВКП(б) недавно было разослано товарищем Ярошенко письмо от 20 марта сего года по ряду экономических вопросов, обсуждавшихся на известной ноябрьской дискуссии. В письме имеется жалоба его автора на то, что в основных обобщающих документах по дискуссии, так же как и в «Замечаниях» товарища Сталина, «не нашла никакого отражения точка зрения» товарища Ярошенко. В записке имеется, кроме того, предложение товарища Ярошенко о том, чтобы разрешить ему составить «Политическую экономию социализма» в течение одного года или полутора лет, дав ему для этого двух помощников.

Я думаю, что придётся рассмотреть по существу как жалобу товарища Ярошенко, так и его предложение. Начнём с жалобы.

Итак, в чем состоит «точка зрения» товарища Ярошенко, которая не получила никакого отражения в названных выше документах?

I. Главная ошибка товарища Ярошенко

Если охарактеризовать точку зрения товарища Ярошенко в двух словах, то следует сказать, что она

является немарксистской, — следовательно, глубоко ошибочной.

Главная ошибка товарища Ярошенко состоит в том, что он отходит от марксизма в вопросе о роли производительных сил и производственных отношений в развитии общества, чрезмерно преувеличивает роль производительных сил, также чрезмерно преуменьшает роль производственных отношений и кончает дело тем, что объявляет производственные отношения при социализме частью производительных сил.

Товарищ Ярошенко согласен признать некоторую роль за производственными отношениями в условиях «антагонистических классовых противоречий», поскольку здесь производственные отношения «противоречат развитию производительных сил». Но эту роль он ограничивает отрицательной ролью, ролью фактора, тормозящего развитие производительных сил, сковывающего их развитие. Других функций, каких-либо положительных функций производственных отношений товарищ Ярошенко не видит.

Что касается социалистического строя, где уже нет «антагонистических классовых противоречий» и где производственные отношения «больше не противоречат развитию производительных сил», — то товарищ Ярошенко считает, что здесь какая бы то ни было самостоятельная роль производственных отношений исчезает, производственные отношения перестают быть серьёзным фактором развития и они поглощаются производительными силами, как часть целым. При социализме «производственные отношения людей, говорит товарищ Ярошенко, входят в организацию

производительных сил, как средство, как момент этой организации» (см. письмо товарища Ярошенко в Политбюро ЦК).

Какова же в таком случае главная задача Политической экономии социализма? Тов. Ярошенко отвечает: *«Главная проблема Политической экономии социализма поэтому не в том, чтобы изучать производственные отношения людей социалистического общества, а в том, чтобы разрабатывать и развивать научную теорию организации производительных сил в общественном производстве, теорию планирования развития народного хозяйства»* (см. речь товарища Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Этим, собственно, и объясняется, что товарищ Ярошенко не интересуется такими экономическими вопросами социалистического строя, как наличие различных форм собственности в нашей экономике, товарное обращение, закон стоимости и проч., считая их второстепенными вопросами, вызывающими лишь схоластические споры. Он прямо заявляет, что в его Политической экономии социализма *«споры о роли той или другой категории политической экономии социализма – стоимость, товар, деньги, кредит и др., – принимающие зачастую у нас схоластический характер, заменяются здоровыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве, научном обосновании такой организации»* (см. речь товарища Ярошенко на Секции Пленума дискуссии).

Следовательно, политическая экономия без экономических проблем.

Товарищ Ярошенко думает, что достаточно наладить «рациональную организацию производительных сил», чтобы переход от социализма к коммунизму произошёл без особых трудностей. Он считает, что этого вполне достаточно для перехода к коммунизму. Он прямо заявляет, что *«при социализме основная борьба за построение коммунистического общества сводится к борьбе за правильную организацию производительных сил и рациональное их использование в общественном производстве»* (см. речь на Пленуме дискуссии). Товарищ Ярошенко торжественно провозглашает, что «Коммунизм – это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Выходит, оказывается, что существо коммунистического строя исчерпывается «рациональной организацией производительных сил».

Из всего этого товарищ Ярошенко делает вывод, что не может быть единой Политической экономии для всех общественных формаций, что должны быть две политические экономии: одна – для досоциалистических общественных формаций, предметом которой является изучение производственных отношений людей, другая – для социалистического строя, предметом которой должно являться не изучение производственных, то есть экономических, отношений, а изучение вопросов рациональной организации производительных сил.

Такова точка зрения товарища Ярошенко.

Что можно сказать об этой точке зрения?

Неверно, во-первых, что роль производственных отношений в истории общества ограничивается ролью

тормоза, сковывающего развитие производительных сил. Когда марксисты говорят о тормозящей роли производственных отношений, то они имеют в виду не всякие производственные отношения, а только старые производственные отношения, которые уже не соответствуют росту производительных сил и, следовательно, тормозят их развитие. Но кроме старых производственных отношений существуют, как известно, новые производственные отношения, заменяющие собой старые. Можно ли сказать, что роль новых производственных отношений сводится к роли тормоза производительных сил? Нет, нельзя. Наоборот, новые производственные отношения являются той главной и решающей силой, которая, собственно, и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашей советской промышленности в течение пятилеток. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили старые, капиталистические производственные отношения в октябре 1917 года новыми социалистическими производственными отношениями. Без этого переворота в производственных, экономических отношениях нашей страны производительные силы прозябали бы у нас так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за

последние 20–25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне, новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Конечно, новые производственные отношения не могут остаться и не остаются вечно новыми, они — начинают стареть и впадать в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил, они начинают терять роль главного двигателя производительных сил и превращаются в их тормоз. Тогда на место таких производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил.

Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперёд и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, — составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики. Это знают теперь все приговишки от марксизма. Этого не знает, оказывается, товарищ Ярошенко.

Неверно, во-вторых, что самостоятельная роль производственных, то есть экономических, отношений исчезает при социализме, что производственные отношения поглощаются производительными силами, что общественное производство при социализме

сводится к организации производительных сил. Марксизм рассматривает общественное производство, как целое, имеющее две неразрывные стороны: производительные силы общества (отношения общества к природным силам, в борьбе с которыми оно добывает необходимые материальные блага) и производственные отношения (отношения людей друг к другу в процессе производства). Это – две различные стороны общественного производства, хотя они связаны друг с другом неразрывно. И именно потому, что они являются различными сторонами общественного производства, они могут воздействовать друг на друга. Утверждать, что одна из этих сторон может быть поглощена другой и превращена в её составную часть, – значит серьёзнейшим образом согрешить против марксизма.

Маркс говорит:

«В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определённые связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (см. «К. Маркс и Ф. Энгельс», т.V, стр.429).

Следовательно, общественное производство состоит из двух сторон, которые при всем том, что они неразрывно связаны друг с другом, отражают все же два ряда различных отношений: отношения людей к природе (производительные силы) и отношения людей

друг к другу в процессе производства (производственные отношения). Только наличие обеих сторон производства даёт нам общественное производство, все равно, идёт ли речь о социалистическом строе или о других общественных формациях.

Товарищ Ярошенко, очевидно, не вполне согласен с Марксом. Он считает, что это положение Маркса не применимо к социалистическому строю. Именно поэтому он сводит проблему Политической экономии социализма к задаче рациональной организации производительных сил, отбрасывая прочь производственные, экономические отношения и отрывая от них производительные силы.

Следовательно, вместо марксистской Политической экономии у товарища Ярошенко получается что-то вроде «Всеобщей организационной науки» Богданова.

Таким образом, взяв правильную мысль о том, что производительные силы являются наиболее подвижными и революционными силами производства, товарищ Ярошенко доводит эту мысль до абсурда, до отрицания роли производственных, экономических отношений при социализме, причём вместо полнокровного общественного производства у него получается однобокая и тощая технология производства, — что-то вроде бухаринской «общественно-организационной техники».

Маркс говорит:

«В общественном производстве своей жизни (то есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей – И. Ст.) люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые

соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания» (см. предисловие «К критике политической экономии»).

Это значит, что каждая общественная формация, в том числе и социалистическое общество, имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей. Встаёт вопрос, как обстоит дело у товарища Ярошенко с экономическим базисом социалистического строя? Как известно, товарищ Ярошенко уже ликвидировал производственные отношения при социализме, как более или менее самостоятельную область, включив то малое, что осталось от них, в состав организации производительных сил. Спрашивается, имеет ли социалистический строй свой собственный экономический базис? Очевидно, что, поскольку производственные отношения исчезли при социализме, как более или менее самостоятельная сила, социалистический строй остаётся без своего экономического базиса.

Следовательно, социалистический строй без своего экономического базиса. Получается довольно весёлая история...

Возможен ли вообще общественный строй без своего экономического базиса? Товарищ Ярошенко, очевидно, считает, что возможен. Ну, а марксизм считает, что таких общественных строев не бывает на свете.

Неверно, наконец, что коммунизм есть рациональная организация производительных сил, что рациональная организация производительных сил исчерпывает существо коммунистического строя, что стоит рационально организовать производительные силы, чтобы перейти к коммунизму без особых трудностей. В нашей литературе имеется другое определение, другая формула коммунизма, а именно ленинская формула: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Товарищу Ярошенко, очевидно, не нравится ленинская формула, и он заменяет её своей собственной самодельной формулой: «Коммунизм – это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Во-первых, никому не известно, что из себя представляет эта, рекламируемая товарищем Ярошенко, «высшая научная», или «рациональная» организация производительных сил, каково её конкретное содержание? Товарищ Ярошенко десятки раз повторяет эту мифическую формулу в своих речах на Пленуме, секциях дискуссии, в своём письме на имя членов Политбюро, но он нигде ни единым словом не пытается разъяснить, как, собственно, следует понимать «рациональную организацию» производительных сил, которая якобы исчерпывает собой сущность коммунистического строя.

Во-вторых, если уж сделать выбор между двумя формулами, то следует отбросить не ленинскую формулу, являющуюся единственно правильной, а так называемую формулу товарища Ярошенко, явно надуманную и немарксистскую, взятую из богдановского арсенала – «Всеобщей организационной науки».

Товарищ Ярошенко думает, что стоит добиться рациональной организации производительных сил, чтобы получить изобилие продуктов и перейти к коммунизму, перейти от формулы: «каждому по труду» к формуле: «каждому по потребностям». Это большое заблуждение, избобличающее полное непонимание законов экономического развития социализма. Товарищ Ярошенко слишком просто, по-детски просто представляет условия перехода от социализма к коммунизму. Товарищ Ярошенко не понимает, что нельзя добиться ни изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, ни перехода к формуле «каждому по потребностям», оставляя в силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т. п. Товарищ Ярошенко не понимает, что раньше, чем перейти к формуле «каждому по потребностям», нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращён в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества.

Для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

1. Необходимо, во-первых, прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Преимуществен-

ный рост производства средств производства, необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство.

2. Необходимо, во-вторых, путём постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путём постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно – экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества.

Товарищ Ярошенко ошибается, утверждая, что при социализме нет никакого противоречия между производственными отношениями и производительными силами общества. Конечно, наши производственные отношения переживают тот период, когда они, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперёд семимильными шагами. Но было бы неправильно успокаиваться на этом и думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстаёт и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до

конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную политику, вроде той, которую рекомендует товарищ Ярошенко. В этом случае конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьёзнейший тормоз дальнейшего развития производительных сил.

Поэтому задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и вовремя принять меры к их преодолению путём приспособления производственных отношений к росту производительных сил. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая – колхозная собственность, товарное обращение. Конечно, в настоящее время эти явления с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства, и они приносят нашему обществу несомненную пользу. Несомненно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем. Но было бы непростительной слепотой не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнения, что чем дальше, тем больше будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны. Следовательно, задача состоит в том, чтобы ликвидировать эти противоречия путём постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения

продуктообмена – тоже в порядке постепенности – вместо товарного обращения.

3. Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии.

Что требуется для этого?

Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьёзного культурного роста членов общества без серьёзных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть линкованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путём прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путём дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет надеяться, что труд будет превращён в глазах членов общества из обузы «*в первую жизненную потребность*» (Маркс), что «*труд из тяжёлого бремени превратится в наслаждение*» (Энгельс), что общественная собственность будет расцениваться всеми членами общества как незыблемая и неприкосновенная основа существования общества.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет перейти от социалистической формулы – «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле – «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Это будет коренной переход от одной экономики, от экономики социализма – к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма.

Как видно, дело с переходом от социализма к коммунизму обстоит не так просто, как это воображает товарищ Ярошенко.

Пытаться свести все это сложное и многообразное дело, требующее серьёзнейших экономических изменений, к «рациональной организации производительных сил», как это делает товарищ Ярошенко, – значит подменить марксизм богдановщиной.

II. Другие ошибки товарища Ярошенко

1. Из своей неправильной точки зрения товарищ Ярошенко делает неправильные выводы о характере и предмете политической экономии.

Товарищ Ярошенко отрицает необходимость единой политической экономии для всех общественных формаций, Исходя из того, что каждая общественная формация имеет свои специфические экономические законы. Но он совершенно не прав, и он расходится здесь с такими марксистами, как Энгельс, Ленин.

Энгельс говорит, что политическая экономия есть «наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, всякий раз происходит распределение продуктов» («Анти-Дюринг»). Следовательно, политическая экономия изучает законы экономического развития не одной какой-либо общественной формации, а различных общественных формаций.

С этим, как известно, вполне согласен Ленин, который в своих критических замечаниях по поводу книжки Бухарина «Экономика переходного периода» сказал, что Бухарин не прав, ограничивая сферу действия политической экономии товарным и прежде всего капиталистическим производством, заметив при этом, что Бухарин делает здесь «шаг назад против Энгельса».

С этим вполне согласуется определение политической экономии, данное в проекте учебника политической экономии, где сказано, что политическая экономия есть наука, изучающая «законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества».

Оно и понятно. Различные общественные формации в своём экономическом развитии подчиняются не

только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций, например, таким законам, как закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами.

Энгельс был совершенно прав, когда он говорил:

«Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной политической экономии, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют ещё рядом с ней в менее развитых странах» («Анти-Дюринг»).

Очевидно, что здесь, в этом вопросе товарищ Ярошенко перекликается с Бухариным.

Далее. Товарищ Ярошенко утверждает, что в его «Политической экономии социализма» *«категории политической экономии – стоимость, товар, деньги, кредит и др. – заменяются здравыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве»*, что, следовательно, предметом этой политической экономии являются не производственные отношения социализма, а *«разработка и развитие научной теории организации*

производительных сил, теории планирования народного хозяйства и т.п.», что производственные отношения при социализме теряют своё самостоятельное значение и поглощаются производительными силами, как их составная часть.

Нужно сказать, что такой несусветной тарабарщины не разводил ещё у нас ни один свихнувшийся «марксист». Ведь, что значит политическая экономия социализма без экономических, производственных проблем? Разве бывает на свете такая политическая экономия? Что значит заменить в политической экономии социализма экономические проблемы проблемами организации производительных сил? Это значит ликвидировать политическую экономию социализма. Товарищ Ярошенко так именно и поступает, — он ликвидирует политическую экономию социализма. Здесь он полностью смыкается с Бухариным. Бухарин говорил, что с уничтожением капитализма должна уничтожиться политическая экономия. Товарищ Ярошенко этого не говорит, но он это делает, ликвидируя политическую экономию социализма. Правда, при этом он делает вид, что не вполне согласен с Бухариным, но это — хитрость, при том хитрость копеечная. На самом деле он делает то, что проповедывал Бухарин и против чего выступал Ленин. Товарищ Ярошенко плетётся по стопам Бухарина.

Дальше. Товарищ Ярошенко проблемы политической экономии социализма сводит к проблемам рациональной организации производительных сил, к проблемам планирования народного хозяйства и т.п. Но он глубоко заблуждается. Проблемы рациональной организации производительных сил, планирования

народного хозяйства и т.п. являются не предметом политической экономии, а предметом хозяйственной политики руководящих органов. Это две различные области, которых нельзя смешивать. Товарищ Ярошенко спутал эти две различные вещи и попал впро�ак. Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики значит загубить её, как науку.

Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов. Все это вместе составляет предмет политической экономии.

В этом определении отсутствует слово «обмен», фигурирующее в определении Энгельса. Оно отсутствует потому, что «обмен» понимается многими обычно, как обмен товаров, свойственный не всем, а лишь некоторым общественным формациям, что вызывает иногда недоразумение, хотя Энгельс под словом «обмен» понимал не только товарный обмен. Однако, как видно, то, что Энгельс понимал под словом «обмен», нашло своё место в упомянутом определении, как его составная часть. Следовательно, по своему содержанию это определение предмета

политической экономии полностью совпадает с определением Энгельса.

2. Когда говорят об основном экономическом законе той или иной общественной формации, обычно исходят из того, что последняя не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь лишь один какой-либо основной экономический закон именно как основной закон. В противном случае мы имели бы несколько основных экономических законов для каждой общественной формации, что противоречит самому понятию об основном законе. Однако товарищ Ярошенко с этим не согласен. Он считает, что можно иметь не один, а несколько основных экономических законов социализма. Это невероятно, но это факт. В своей речи на Пленуме дискуссии он говорит:

«Величины и соотношения материальных фондов общественного производства и воспроизводства определяются наличием и перспективой роста рабочей силы, вовлекаемой в общественное производство. Это есть основной экономический закон социалистического общества, обуславливающий структуру социалистического общественного производства и воспроизводства».

Это первый основной экономический закон социализма.

В той же речи товарищ Ярошенко заявляет:

«Соотношения между I и II подразделениями обуславливаются в социалистическом обществе потребностью производства средств производства в размерах, необходимых для вовлечения в общественное производство всего работоспособного населения. Это

основной экономической закон социализма и в то же время это требование нашей Конституции, вытекающее из права на труд советских людей».

Это, так сказать, второй основной экономической закон социализма.

Наконец, в своём письме на имя членов Политбюро товарищ Ярошенко заявляет:

«Исходя из этого, существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно сформулировать, мне кажется, примерно следующим образом: непрерывно растущее и совершенствующееся производство материальных и культурных условий жизни общества».

Это уже третий основной экономической закон социализма.

Все ли эти законы являются основными экономическими законами социализма или только один из них, а если только один из них, то какой именно, — на эти вопросы товарищ Ярошенко не даёт ответа в своём последнем письме на имя членов Политбюро. Формулируя основной экономической закон социализма в своём письме на имя членов Политбюро, он, надо полагать, «забыл», что в своей речи на Пленуме дискуссии три месяца назад он уже сформулировал два других основных экономических закона социализма, видимо, полагая, что на эту более чем сомнительную комбинацию не обратят внимания. Но, как видно, его расчёты не оправдались.

Допустим, что первых двух основных экономических законов социализма, сформулированных товарищем Ярошенко, не существует больше, что основным экономическим законом социализма товарищ Ярошен-

ко отныне считает третью его формулировку, изложенную в письме на имя членов Политбюро. Обратимся к письму товарища Ярошенко.

Товарищ Ярошенко говорит в этом письме, что он не согласен с определением основного экономического закона социализма, данным в «Замечаниях» товарища Сталина. Он говорит:

«Главным в этом определении является «обеспечение максимального удовлетворения... потребностей всего общества». Производство показано здесь как средство для достижения этой главной цели – удовлетворения потребностей. Такое определение даёт основание полагать, что сформулированный Вами основной экономический закон социализма исходит не из примата производства, а из примата потребления».

Очевидно, что товарищ Ярошенко совершенно не понял существа проблемы и не видит того, что разговоры о примате потребления или производства совершенно не имеют отношения к делу. Когда говорят о примате тех или иных общественных процессов перед другими процессами, то исходят обычно из того, что оба эти процесса являются более или менее однородными. Можно и нужно говорить о примате производства средств производства перед производством средств потребления, так как и в том и в другом случае мы имеем дело с производством, следовательно, они более или менее однородны. Но нельзя говорить, неправильно было бы говорить о примате потребления перед, а производством или производства перед потреблением, так как производство и потребление представляют две совершенно различные области, правда, связанные друг

с другом, но все же различные области. Товарищ Ярошенко очевидно не понимает, что речь идёт здесь не о примате потребления или производства, а о том, какую цель ставит общество перед общественным производством, какой задаче подчиняет оно общественное производство, скажем, при социализме. Поэтому совершенно не относятся к делу также разговоры товарища Ярошенко о том, что «основу жизни социалистического общества, как и всякого другого общества, составляет производство». Товарищ Ярошенко забывает, что люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Он забывает, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет.

Можно ли вообще говорить цели капиталистического или социалистического производства, о задачах, которым подчинено капиталистическое или социалистическое производство? Я думаю, что можно и должно.

Маркс говорит:

«Непосредственной целью капиталистического производства является производство не товаров, а прибавочной стоимости, или прибыли в её развитой форме; не продукта, а прибавочного продукта. С этой точки зрения самый труд производитель лишь постольку, поскольку он создаёт прибыль или прибавочный продукт для капитала. Поскольку рабочий этого не создаёт, его труд непроизводителен. Масса применённого производительного труда, следовательно, представляет для капитала интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей – или соответственно ей – растёт количество прибавочного труда;

лишь постольку необходимо то, что мы назвали необходимым рабочим временем. Поскольку труд не даёт этого результата, он является излишним и должен быть прекращён.

Цель капиталистического производства всегда состоит в создании максимума прибавочной стоимости или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала; поскольку этот результат не достигается чрезмерным трудом рабочих, возникает тенденция капитала, состоящая в стремлении произвести данный продукт с возможно меньшей затратой, – в стремлении к сбережению рабочей силы и издержек...

Сами рабочие представляются при таком понимании тем, чем они действительно являются в капиталистическом производстве, – только средствами производства, а не самоцелью и не целью производства». (См. «Теории прибавочной стоимости», том II, часть 2).

Эти слова Маркса замечательны не только в том отношении, что они коротко и точно определяют цель капиталистического производства, но и в том отношении, что они намечают ту основную цель, ту главную задачу, которая должна быть поставлена перед социалистическим производством.

Следовательно, цель капиталистического производства – извлечение прибылей. Что касается потребления, оно нужно капитализму лишь постольку, поскольку оно обеспечивает задачу извлечения прибылей. Вне этого вопрос о потреблении теряет для капитализма смысл. Человек с его потребностями исчезает из поля зрения.

Какова же цель социалистического производства, какова, та главная задача, выполнению которой должно быть подчинено общественное производство при социализме?

Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей. Цель социалистического производства, как говорится в «Замечаниях» товарища Сталина: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Товарищ Ярошенко думает, что он имеет здесь дело с «приматом» потребления перед производством. Это, конечно, недомыслие. На самом деле мы имеем здесь дело не с приматом потребления, а с подчинением социалистического производства основной его цели обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Следовательно, обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, – это цель социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники, – это средство для достижения цели.

Таков основной экономический закон социализма.

Желая сохранить так называемый «примат» производства перед потреблением, товарищ Ярошенко утверждает, что «основной экономический закон социализма» состоит «в непрерывном росте и совер-

шенствовании производства материальных и культурных условий общества». Это совершенно неверно. Товарищ Ярошенко грубо извращает и портит формулу, изложенную в «Замечаниях» товарища Сталина. У него производство из средства превращается в цель, а обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества исключается. Получается рост производства для роста производства, производство, как самоцель, а человек с его потребностями исчезает из поля зрения товарища Ярошенко.

Поэтому неудивительно, что вместе с исчезновением человека как цели социалистического производства, исчезают в «концепции» товарища Ярошенко последние остатки марксизма.

Таким образом у товарища Ярошенко получился не «примат» производства перед потреблением, а что-то вроде «примата» буржуазной идеологии перед идеологией марксистской.

1. Особо стоит вопрос о марксовой теории воспроизводства. Товарищ Ярошенко утверждает, что марксова теория воспроизводства является теорией только лишь капиталистического воспроизводства, что она не содержит чего-либо такого, что могло бы иметь силу для других общественных формаций, в том числе для социалистической общественной формации. Он говорит:

«Перенесение схемы воспроизводства Маркса, разработанной им для капиталистического хозяйства, на социалистическое общественное производство является продуктом догматического понимания учения Маркса и противоречит сущности его учения». (См. речь товарища Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Он утверждает, далее, что *«Схема воспроизводства Маркса не соответствует экономическим законам социалистического общества и не может служить основой для изучения социалистического воспроизводства»*. (См. там же).

Касаясь марксовой теории простого воспроизводства, где устанавливается определённое соотношение между производством средств производства (I подразделение) и производством средств потребления (II подразделение), товарищ Ярошенко говорит:

«Соотношение между первым и вторым подразделениями не обуславливается в социалистическом обществе формулой Маркса $V + M$ первого подразделения и C второго подразделения. В условиях социализма указанная взаимосвязь в развитии между первым и вторым подразделениями не должна иметь места». (См. там же).

Он утверждает, что *«Разработанная Марксом теория о соотношениях I и II подразделений неприемлема в наших социалистических условиях, так как в основе теории Маркса лежит капиталистическое хозяйство с его законами»*. (См. письмо товарища Ярошенко на имя членов Политбюро).

Так разносит товарищ Ярошенко марксову теорию воспроизводства.

Конечно, марксова теория воспроизводства, разработанная в результате изучения законов капиталистического производства, отражает специфику капиталистического производства и, естественно, облечена в форму товарно-капиталистических стоимостных отношений. Иначе и не могло быть. Но видеть в марксовой теории воспроизводства только эту форму,

и не замечать её основы, не замечать её основного содержания, имеющего силу не только для капиталистической общественной формации, – значит ничего не понять в этой теории. Если бы товарищ Ярошенко понимал что-либо в этом деле, то он понял бы и ту очевидную истину, что марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации. Такие основные положения марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производство средств производства и производство средств потребления; положение о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве; положение о соотношении между I и II подразделениями; положение о прибавочном продукте, как единственном источнике накопления; положение об образовании и назначении общественных фондов; положение о накоплении, как единственном источнике расширенного воспроизводства, – все эти основные положения марксовой теории воспроизводства являются теми самыми положениями, которые имеют силу не только для капиталистической формации и без применения которых не может обойтись ни одно социалистическое общество при планировании народного хозяйства. Характерно, что сам товарищ Ярошенко, так высокомерно фыркающий на марксовы «схемы воспроизводства», вынужден сплошь и рядом прибегать к помощи этих «схем» при

обсуждении вопросов социалистического воспроизводства.

А как смотрели на это дело Ленин, Маркс?

Всем известны критические замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В этих замечаниях Ленин, как известно, признал, что марксова формула соотношения между I и II подразделениями, против которой ополчается товарищ Ярошенко, остаётся в силе как для социализма, так и для «чистого коммунизма», то есть для второй фазы коммунизма.

Что касается Маркса, то он, как известно, не любил отвлекаться в сторону от изучения законов капиталистического производства и не занимался в своём «Капитале» вопросом о применимости его схем воспроизводства к социализму. Однако в 20 главе II тома «Капитала» в рубрике «Постоянный капитал подразделения I», где он трактует об обмене продуктов I подразделения внутри этого подразделения, Маркс как бы мимоходом замечает, что обмен продуктов в этом подразделении протекал бы при социализме с таким же постоянством, как при капиталистическом производстве. Маркс говорит:

«Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения I в целях воспроизводства не с меньшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно осталась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различ-

ными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях» (см. Маркс. «Капитал», т. II, изд. 8-е, стр. 307).

Следовательно, Маркс вовсе не считал, что его теория воспроизводства имеет силу только лишь для капиталистического производства, хотя он и занимался исследованием законов капиталистического производства. Наоборот, он, как видно, исходил из того, что его теория воспроизводства может иметь силу и для социалистического производства.

Следует отметить, что Маркс в «Критике Готской программы» при анализе экономики социализма и переходного периода к коммунизму исходит из основных положений своей теории воспроизводства, считая их очевидно обязательными для коммунистического строя.

Следует также отметить, что Энгельс в своём «Анти-Дюринге», критикуя «социалитарную систему» Дюринга и характеризуя экономику социалистического строя, также исходит из основных положений теории воспроизводства Маркса, считая их обязательными для коммунистического строя.

Таковы факты.

Выходит, что и здесь, в вопросе о воспроизводстве, товарищ Ярошенко, несмотря на его развязный тон в отношении «схем» Маркса, оказался вновь на мели.

4. Своё письмо на имя членов Политбюро товарищ Ярошенко кончает предложением – поручить ему составить «Политическую экономию социализма». Он пишет:

«Исходя из изложенного мною на пленарном заседании, секции и в настоящем письме определения предмета науки политической экономии социализма, используя марксистский диалектический метод, я могу в течение года, не более полтора года, при помощи двух человек, разработать теоретические решения основных вопросов политической экономии социализма; изложить марксистскую, ленинско-сталинскую теорию политической экономии социализма, теорию, которая превратит эту науку в действенное орудие борьбы народа за коммунизм».

Нельзя не признать, что товарищ Ярошенко не страдает скромностью. Более того, пользуясь стилем некоторых литераторов, можно сказать: «даже совсем наоборот».

Выше уже говорилось, что товарищ Ярошенко смешивает политическую экономию социализма с хозяйственной политикой руководящих органов. То, что он считает предметом политической экономии социализма – рациональная организация производительных сил, планирование народного хозяйства, образование общественных фондов и т.д. – является не предметом политической экономии социализма, а предметом хозяйственной политики руководящих органов.

Я уже не говорю о том, что серьёзные ошибки, допущенные товарищем Ярошенко, и его немарксистская «точка зрения» не располагают к тому, чтобы дать товарищу Ярошенко такое поручение.

* * *

Выводы:

1) Жалоба товарища Ярошенко на руководителей дискуссии лишена смысла, так как руководители дискуссии, будучи марксистами, не могли отразить в своих обобщающих документах немарксистскую «точку зрения» товарища Ярошенко;

2) просьбу товарища Ярошенко поручить ему написать Политическую экономию социализма – нельзя считать серьёзной, хотя бы потому, что от неё разит хлестаковщиной.

22 мая 1952 г.

(СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. – 95 с.)

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С НОЯБРЬСКОЙ ДИСКУССИЕЙ 1951 года

1. Вопрос о характере экономических законов при социализме
2. Вопрос о товарном производстве при социализме
3. Вопрос о законе стоимости при социализме
4. Вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, а также вопрос о ликвидации различий между ними

5. Вопрос о распаде единого мирового рынка и углублении кризиса мировой капиталистической системы
6. Вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами
7. Вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма
8. Другие вопросы
9. Международное значение марксистского учебника политической экономии
10. Пути улучшения проекта учебника политической экономии

ОТВЕТ т-шу НОТКИНУ, Александру Ильичу

ОБ ОШИБКАХ т. ЯРОШЕНКО Л.Д.

1. Главная ошибка т. Ярошенко
2. Другие ошибки тов. Ярошенко

ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ САНИНОЙ А.В. и
ВЕНЖЕРУ В.Г.

1. Вопрос о характере экономических законов социализма
2. Вопрос о мерах повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности

**Зафар Сайидзода
(Зафар Саидов)**

**Точка опоры: Коран, Сталин, СНГ,
Эмомали Рахмон, поиски устойчивости и
победы свободы над отчуждением**
Научное издание

Главный научный консультант –

Фаридун Зафарович Саидов

Главный редактор – *Фарзона Зафаровна Саидова*

Редактор – *Фарзод Зафар Сайидзода*

Технический редактор – *Парвиз Сабзалиевич Саидов*

Корректор – *Самир Сабурхонович Мирзоев*

Подписано к печати 12.06.2025.

Усл. п.л. 19,25. Гарнитура Times New Roman.

Тираж 5 000 экз.

Отпечатано ООО «Контраст»

г. Душанбе, ул. Академика А. Адхамова, 11